

И.Н. ЦАЛЛАГОВА

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
КОМПОЗИТОВ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ**

**(на материале дигорского и иронского
диалектов)**

Владикавказ 2023

Российская Академия Наук

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
имени В. И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр Российской академии наук»
(СОИГСИ ВНЦ РАН)

И.Н. ЦАМЛАГОВА

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
КОМПОЗИТОВ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ**

(на материале дигорского и иронского
диалектов)

Владикавказ 2023

ББК 81.521.323

Ц 14

Ц 14 Цаллагова И.Н. Структурно-семантические и функциональные особенности композитов в осетинском языке (на материале дигорского и иронского диалектов): монография / И.Н. Цаллагова; Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2023. – 176 с.

ISBN 978-5-91480-334-3

Рецензенты: кандидат филологических наук **Е.С. Качмазова** (СОГУ им. К.Л. Хетагурова);

кандидат педагогических наук **Ф.А. Царикаева** (СОГУ им. К.Л. Хетагурова)

Монография посвящена комплексному исследованию композитов дигорского диалекта осетинского языка. Автор рассматривает общетеоретические вопросы композитологии, принципы и критерии идентификации сложного слова, выявляет семантико-мотивационные и структурные особенности композитов, определяет морфологическую структуру сложных существительных, прилагательных и наречий. Книга представляет интерес для лингвистов, студентов и аспирантов, обучающихся по филологическим направлениям, а также для всех интересующихся вопросами сохранения и изучения осетинского языка.

Печатается по решению Ученого совета СОИГСИ ВНЦ РАН

ББК 81.521.323

ISBN 978-5-91480-334-3

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2023

© Цаллагова И.Н., 2023

ВВЕДЕНИЕ

Существенную часть лексического состава любого языка составляют дериваты, ввиду этого особое значение в номинативной деятельности человека приобретает словообразование. Всестороннее и разноаспектное исследование словообразовательной системы языков и их диалектов является одной из самых **актуальных** проблем в современном языкознании. Данное исследование посвящено одному из самых продуктивных способов словообразования – словосложению (композитообразованию) в дигорском диалекте осетинского языка. Существует ряд научных трудов по данной проблеме, но они освещают лишь отдельные словообразовательные виды, типы и модели, комплексного исследования композитного словообразования в дигорском диалекте не проводилось. На сегодняшний день в осетинском языке обнаруживается значительное количество сложных образований, статус которых до сих пор не определен. Это приводит к некоторым сложностям при составлении учебных пособий и словарей осетинского языка. Дело в том, что семантическое слияние двух и более основ в одно целое не всегда сопровождается какими-либо изменениями грамматических форм слов, которые ранее были словосочетаниями. В связи с тем, что в осетинском языкознании недостаточно разработаны теоретические вопросы композитного словообразования, множество конструкций не поддается окончательному определению и сохраняет как бы промежуточное положение между сложными словами и словосочетаниями; одна и та же конструкция тяготеет одними признаками к сложному слову, другими – к словосочетанию.

В представленном исследовании рассмотрена проблема идентификации композита, которая тесно связана с проблемами орфографирования и лексикографирования данных языковых образований: непоследовательностью в правописании разных типов сложных слов, отсутствием единых принципов

отбора и подачи их в словарях. Рассмотрены вопросы типологии композитов в осетинском языке, которые отличаются разнообразием как по характеру семантических взаимоотношений между компонентами конструкции, так и по своим формально-структурным характеристикам.

Словосложение по-разному проявляет себя в разных частях речи. Особенности наблюдаются как в характере связи компонентов, так и в различной продуктивности самих типов сложений и разных лексико-грамматических классах слов. Отдельное изучение словообразования каждой части речи дает возможность выделить все способы и все средства, свойственные этой части речи. Исследование словообразовательных типов новых слов, их появления в результате различных взаимодействий с другими словообразовательными типами может дать представление о том, какие тенденции проявляются в современной словообразовательной системе языка. В соответствии с этим, основной целью работы является структурно-семантический анализ композитных существительных, прилагательных и наречий, их типологическая характеристика, выявление наиболее продуктивных моделей.

Образование композитов происходит путем сложения не просто корней или основ, а слов, каждое из которых имеет свое лексическое значение. Семантическая структура композита основывается на лексических значениях составляющих его компонентов. В ходе словообразовательного акта происходит грамматическое и семантическое сращение двух слов. Однако выбор той или иной лексемы в качестве компонента композита для наименования того или иного предмета, процесса или признака не может быть случайным, иначе говоря, компоненты композитов обладают определенным типом сочетаемости. Следует отметить, что вопросы, связанные с семантической структурой сложных слов, чрезвычайно актуальны в современной лингвистике. Это обусловлено тем, что композитное образование представляет собой отражение ассоциативного

мышления человека. Семантическая структура композитных конструкций определяется мотивированностью лексических единиц, участвующих в их образовании. Лексическое значение композита формируется исходя из семантики образующих его лексем, однако оно имеет свойство выходить за рамки суммы значений компонентов.

Целью данного исследования является выявление структурно-семантических и функциональных особенностей композитов в дигорском диалекте осетинского языка.

Как известно, осетинский язык имеет два основных диалекта: иронский и дигорский, каждый из которых имеет свою литературную норму [Таказов, 2009, с. 3, с. 9; Камболов, 2006, с. 418; Беляев и др., 2022, с. 32]. Работа выполнена на языковом материале дигорского диалекта. Иронские формы привлекаются для более полного раскрытия семантического потенциала слова, или же в случаях, когда речь идет о междиалектных соответственных явлениях.

Источниками исследования послужили словари осетинского языка [ИЭ; БРОС; ДРС; ТСОЯ], а также языковой материал, собранный в ходе диалектологических экспедиций. Эмпирическая база исследования формировалась с помощью приема сплошной выборки. Для представления извлеченного из словарей материала были применены **методы** компонентного, контекстного и статистического анализа лексических единиц.

В качестве дополнительного иллюстративного материала в работу включены материалы совершенных автором диалектологических экспедиций в места компактного проживания дигорцев (РСО-Алания: Ирафский район (с. Чикола, с. Лескен, с. Задалеск, с. Стур-Дигора, с. Къуссу, с. Одола), Дигорский район (г. Дигора), Моздокский район (ст. Черноярская, ст. Ново-Осетиновская, с. Виноградное); КБР: с. Озрек, с. Светловодское (Лезгор)) [См. раздел: «Материалы и исследования по осетинской диалектологии»].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЛОВОСЛОЖЕНИЯ

Композиты как объект изучения в языкознании

Композитное словообразование привлекает внимание ученых еще с середины XX в. Такой интерес обусловлен, с одной стороны, комплексной и неоднозначной сущностью композитов, с другой – тем фактом, что их основная функция – пополнение словарного запаса языка – явление непрерывное. Динамика процессов, происходящих в языке, неразрывно связана с жизнью общества, с социально-экономическими и политическими явлениями. Образование новых слов продиктовано самой сутью языка – обеспечением потребности человека в языковых средствах. Суть словосложения в том, что для обозначения какого-либо нового предмета или явления, или же его признака, происходит образование новой лексемы путем соединения двух и более основ. После этого процесса лексема функционирует в языке, при этом ее семантика может быть неотделимой от семантики составляющих ее компонентов, или же она приобретает совершенно новое значение.

Композиты образуются в результате того, что человек связывает в своем сознании различные предметы и явления окружающей действительности с другими предметами и явлениями. Элементы композитов, обозначающих предметы и явления и вызывающих ассоциации у человека, можно назвать номинативными центрами. К тому же один и тот же номинативный центр может формировать разные композитные модели [Вашунин, 1990, с. 95].

При исследовании вопросов, связанных с композитным словообразованием, на наш взгляд, необходимо рассмотреть три смежные категории – слово, сложное слово, словосочетание.

Исследование различных аспектов композитного словообразования является одной из актуальных проблем современности.

менного языкознания. Словообразование представляет собой связующее звено между «...элементами внешнего и внутреннего опыта человека, формируя обозначение понятий. Словообразование, таким образом, связано с теорией номинации, то есть ономастикой; его функции связаны с образованием и использованием номинаций. Основной же функцией является пополнение словаря любого языка новыми наименованиями» [Иванова, 2009, с. 144].

Особого внимания заслуживают вопросы типологии сложных слов, так как они характеризуются большим разнообразием. Пестрота в плане типологии композитных образований основана на фонетических, грамматических, структурных и стилистических особенностях, что, несомненно, приводит к определенным сложностям в их систематизации.

В различных языках, для которых характерен процесс образования композитов, или сложных слов, он проявляется по-разному и с разной интенсивностью. Имеющаяся давняя традиция в изучении композитного словообразования не снимает всех противоречий и неоднозначностей в трактовке самого понятия сложного слова и способов, которыми оно образуется. До сих пор не потерял своей значимости вопрос о разграничении композитов и словосочетаний [Корытова, 2009, с. 38].

Существует множество самых разнообразных словообразовательных моделей композитов. Касательно частеречной характеристики, следует отметить, что образование композитов характерно для существительных, прилагательных, числительных и частично наречий. Исследуя вопросы, связанные с композитообразованием в осетинском языке, мы руководствуемся фундаментальными исследованиями известных лингвистов в области сложных слов, таких как Е. А. Василевская, Г. О. Винокур, Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин, А. Н. Тихонов, И. С. Улукханов, З. И. Минеева и др.

В научных трудах чаще всего композит определяется как сложное слово. Однако ряд авторов отличает сложное слово от

композита. Например, по мнению Н.В. Аржанцевой, понятие «композит» объединяет в себе два вида единиц: сложные слова и сложнопроизводные слова, поэтому автор считает данный термин более емким, чем, например, «сложное слово» [Аржанцева, 2004, с. 5]. По мнению А.Г. Садыковой, «композит» можно определить как: «структурно-сложная полифункциональная единица прямой или косвенной номинации, разновидность деривата, образованная по стандартной модели (из двух или более корневых морфем) по аналогии, а также путем номинации (семантической конденсации) синтаксического словосочетания» [Садыкова, 2003, с. 7].

Следует также отметить, что в научном обороте находятся два варианта данного термина – «композита» и «композит». Мы в своем исследовании будем использовать термин «композит». Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что композиты представляют собой сложные языковые конструкции, отличающиеся особой семантикой и определенными морфологическими характеристиками.

В современной лингвистической науке композитное словообразование (т.е. словосложение) определяется как один из способов образования лексических единиц. Однако среди исследователей наблюдается разное понимание данного определения. Чаще всего словосложение отождествляется с чистым сложением (основосложением) [Ахманова, 2004, с. 426; Розенталь, 1976, с. 416; Лингвистическая..., 1990, с. 469].

По мнению И.С. Улуханова, композиты – это «...дериваты, словообразовательная структура которых предполагает несколько (две или более) производящих (мотивирующих) основ» [Улуханов, 1997, с. 514.].

В отличие от дериватов, являющихся результатом применения аффиксальных способов словообразования (лесистый, безлесье, городок, пригород), при образовании композитов участвуют структурно однородные компоненты, каждый из которых или равен корню, или же включает корень наряду с од-

ним или несколькими аффиксами. Именно такие компоненты являются объектами сложения как одного из неаффиксальных (операционных) способов словообразования [Клобуков и др., 2001, с. 12].

Зарубежные исследователи определяют композит как «слово, состоящее из двух элементов, первый из которых представляет собой основу, слово или сочетание слов, второй – основу или слово» [Plag, 2003]. В различных работах, посвященных английской морфологии [Bauer, 2002; O'Grady и др., 2001], приводятся классификации композитов в соответствии с частеречной принадлежностью составляющих их компонентов.

В осетинском языке композитное словообразование всегда привлекало внимание лингвистов, но, к сожалению, на сегодняшний день комплексное многоаспектное исследование словосложения не проводилось. Исследователями освещены отдельные аспекты этой проблемы осетинского языка [Миллер, 1962; Абаев, 1959; Грамматика..., 1969; Габараев, 1963; 1977; Багаев, 1965; Дзиццойты, 2018; Грещенков, 2016].

Из современных исследований в области осетинской композитологии особо можно выделить работы Л.Б. Моргоевой [Моргоева, 2017 (а); Моргоева, 2017 (б); Моргоева, 2022]. Ученый рассматривает вопросы семантико-стилистического варьирования определительных композитов в осетинском языке, акцентируя внимание на концептуальной трансформации семантики композитного образования при слитном и раздельном написании. Автор считает, что словосложение в осетинском языке является не только одним из наиболее продуктивных способов словообразования, но и «...весьма значимой формой отображения особенностей этновосприятия реалий» [Моргоева, 2017 (а), с. 69].

Исследования данного порядка имеют огромное значение для любого языка, но особенно это актуально для так называемых «малых языков». В современном осетинском языке (в обоих его диалектах – иронском и дигорском) одним из са-

мых продуктивных способов пополнения словарного состава является композитное словообразование, которое свойственно таким частям речи, как существительное, прилагательное, числительное и частично наречие. Несмотря на наличие фундаментальных исследований в области словосложения и в частности композитного словообразования, все еще остается множество малоизученных вопросов, связанных с типологической и структурно-семантической характеристикой композитов, в особенности это касается дигорского диалекта. В существующих грамматиках дигорского данные вопросы описаны лишь в общих чертах, специальных исследований в области композитного словообразования на сегодняшний день не существует [Исаев, 1966; Таказов, 2009]. Между тем, разноаспектный анализ одного из основных типов словообразования в осетинском языке невозможен без тщательного изучения композитов обоих диалектов (иронского и дигорского).

Исследования осетинских лингвистов посвящены решению общетеоретических вопросов осетинского словообразования, вопросам их типологии и классификации, определению общих границ композитов, что не всегда просто. Сложности возникают при составлении различных словарей. Встает проблема идентификации композита из-за недостаточно разработанной теоретической базы, из которой вытекает слитное или раздельное написание того или иного слова.

О формировании словообразовательной системы в осетинском языкознании

Дискуссии о месте словообразования в лингвистической парадигме происходят по сегодняшний день. Некоторые лингвисты считают словообразование частью морфологии, другие – частью лексикологии, третьи считают ее самостоятельной дисциплиной. Однако в современном языкознании появляет-

ся все больше исследований, подтверждающих автономность словообразования.

Зарождение осетинского языкознания принято связывать с фундаментальным трудом А.М. Шегрена «Осетинская грамматика» [Шегрен, 1844]. А.М. Шегрен (1794-1855) по праву считается основоположником осетинской лингвистической терминологии, так как в книге, написанной на русском языке, все термины переведены как на иронский, который он называет тагаурским, так и на дигорский. Это действительно фундаментальное исследование для того времени. Оно состоит из 956 страниц и содержит развернутую вводную часть, грамматику, предисловие к словарю, осетинско-русский и русско-осетинский словари. Книга, помимо структурированной теоретической части, включает обширный языковой материал по обоим диалектам осетинского языка. Отдельно осетинское словообразование в книге не представлено, но в разделах, посвященных именным частям речи, автор обозначил способы образования слов в осетинском языке. Осетинские слова по своему образованию А.М. Шегрен разделяет на две большие группы: *фыццаг нывы дзырд* «первообразные слова» и *ласт дзырдтæ* «производные слова». Термин *ласт дзырдтæ* является непосредственным продолжением другого, более обширного термина *дзырдтæ ласын*, которым он обозначает словообразование, точнее «словопроизведение». Для современника не совсем понятно использование в данном составном термине глагола *ласын*. Глагол *ласын* имеет довольно широкую семантику: 1) везти; 2) тащить, волочить, увлекать, уносить; *хи дардма ласын* «сторониться»; *хуым ласын* «боронить»; 3) вытаскивать, извлекать; 4) снимать (одежду, обувь); весить; 5) диг. «скисать, свертываться (напр. о молоке или о крови)». В составных глаголах экспрессивного значения может употребляться вместо *кæнын* для выражения, особенно энергичного действия, например: *фæгæпп ласта* «вскочил», *фæхъæр ласта* «крикнул», *нидздæхст ласта* «ударил резко» и т.д. Возмож-

но, А.М. Шегрен руководствовался именно данной способностью глагола *ласын*, так как при замене термина *дзырд ласын* на *дзырд канын* мы получаем буквально «делать слово». Это может говорить о том, что в прошлом данное значение этого глагола было наиболее активным. В современной грамматике осетинского языка в термине, обозначающем словообразование, глагол *ласын* заменен на *аразын* (*дзырд аразын – дзырдарæст*), ввиду того что семантика данного глагола более конкретна и имеет более четкие границы (*аразын* «направлять», «сооружать», «строить», «делать», «отделывать», «наряжать», в дигорском также есть значение «сажать (семена, растение)»).

Следует отметить, что для понятия словообразования Б.А. Алборов в своей грамматике предложил термин *дзырдаæвзард* (букв. «происхождение слова»). Этот термин не сохранился в современном осетинском языке, хотя понятен каждому носителю языка. В грамматике Б.А. Алборова употребляется и такой термин, как *дзырдты æвзарст* в значении «словопроизводство», букв. «разбор слов» [Алборты, 1925].

Структурно А.М. Шегрен осетинские слова разделяет на *иуцъар дзырдтæ / еуцъарон дзурдтæ* «простые слова» и *амхаст дзырдтæ / амхаст дзурдтæ* «сложные слова» [Шегрен, 1844, с. 127]. На сегодняшний день они заменены на: ир. *хуымæтæг дзырдтæ / диг. хумæтæг дзурдтæ* «простые слова» и ир. *вазыгджын дзырдтæ / диг. вазуггин дзурдтæ* «сложные слова». Интересно использование в данном составном термине композита *иуцъар / еуцъарон* (*иу+цъар, еу + цъарон*) «одинарный, однослойный», образованного путем присоединения числительного *иу / еу* «один» и существительного ир. *цъар / диг. цъарæ* «кора», «кожица», «шкурка», «скорлупка», «оболочка», «обертка».

В термине *амхаст дзырдтæ* «сложные слова» привлекает внимание причастие *амхаст*. В осетинском языке мы имеем схожее по своей семантике слово *æмхасæн*, производное от глагола *æмхасын* «прибавлять» (ср. ир. *ныхасын / диг. ниha-*

сун «приклеивать», *уагъагъасен* «надбавка, привесок» и т.д.). Также ир. *агъагъагъ* / диг. *агъагъагъ* «скрепленный вместе, спаянный», причастие от несохранившегося глагола ир. *агъагъагъын* / диг. *агъагъагъун* «держаться вместе», которое представляет собой сращение *агъ* / *агъ* с глаголом ир. *агъагъын* / диг. *агъагъун* (ср. диг. *агъагъагъагъ* «держаться вместе») [ИЭ]. Семантически более точным для обозначения такого явления, как сложное слово, является ир. *агъагъагъ* / диг. *агъагъагъагъ*. Из этого можно сделать вывод, что, возможно, мы имеем здесь дело с неточностью в обозначении гласных, а именно, у А.М. Шегрена в термине *агъагъагъ* вместо гласного *агъ* фигурирует *а*.

В грамматике Б.А. Алборова для обозначения простых и сложных слов появляются термины «*агъагъагъагъ дзырдтагъ*» и «*амад дзырдтагъ*». Алборовские *агъагъагъагъ* и *амад* первоначально были, да и остаются, «обыкновенными», общеупотребительными словами, здесь же используются и в качестве терминов [Габарев, 2011, с. 59].

Кроме этого, А.М. Шегрен в некоторых разделах описывает несколько суффиксов, однако он их определяет как окончания: *-он*, *-агъ*, *-дзын*, *-ын*, *-ыккон*, *-ад*, *-дзынад* и др. [Шегрен, 1844, с. 123]. Данный материал не сопровождается определенной терминологией.

В современном осетинском языкознании словообразовательные термины, представленные в «Осетинской грамматике» А.М. Шегрена, не укрепились, хотя некоторые из них ввиду своей семантической мотивированности могли бы продолжить функционировать.

В.Ф. Миллер в своей книге «Осетинские этюды» в главе, посвященной осетинскому словообразованию, сделал попытку классификации осетинских имен по суффиксам [Миллер, 1992]. Однако в следующем своем труде «Язык осетин» он наиболее системно подошел к вопросам словообразования и наметил два раздела – способ словопроизводства (образования с помощью суффиксов и с помощью префиксов) и способ сло-

восложения (детерминативные, атрибутивные и копулятивные сложные слова) [Миллер, 1962].

В данном случае особую ценность представляют историко-этимологические комментарии ко всем аффиксам, что продиктовано сравнительно-исторической направленностью исследования [Гуриев, 2008].

В разделе, где говорится о префиксальном словообразовании, объединены предлоги (превербы в современном понимании) и наречия (*æнæ-*, *æ-*, *æд-*), что не свойственно современному пониманию данных терминов (предлоги и наречия). Материал по префиксальному словообразованию соответствует современному его состоянию (кроме отсутствия префикса *æм-*).

Дальнейшее формирование осетинского словообразования связано с трудами В.И. Абаева. В книге «Грамматический очерк осетинского языка» в разделе, посвященном глаголу, рассмотрены превербы, а в словосложении – так называемые «предложные частицы» *æм-*, *æнæ-*, *æ-*, *æд-*. Основными способами словообразования именных частей речи в исследовании признаны суффиксация и словосложение. В работе впервые проведена классификация осетинских суффиксов: 1) имеющие и отглагольное, и отыменное употребление; 2) имеющие отглагольное употребление; 3) имеющие отыменное употребление. Также впервые сложные слова рассматриваются в аспекте их компонентного состава [Абаев, 1959].

Если в предыдущих исследованиях словообразование рассматривалось лишь как дополнительный материал к именным частям речи, то в исследовании В.И. Абаева оно выделено в особый раздел. Обуславливается это тем, что, во-первых, между частями речи осетинского языка нет четких границ, и не «имеется достаточно объективного четкого обоснования», чтобы расплести изложение словообразования по отдельным частям речи», во-вторых, словообразование «по существу является не чисто морфологической, а переходной категорией» и

соприкасается как с морфологией, так и с лексикой и синтаксисом [Абаев, 1959, с. 108]. В книге описано только именное словообразование. «Глагольное словообразование осуществляется в осетинском с помощью превербов. Но превербы выполняют в осетинском глаголе двоякую функцию: видообразовательную... и словообразовательную. Эти две функции настолько тесно переплетаются, что разделить их и излагать отдельно представляется нецелесообразным» [там же, 107].

Однако, по мнению Н.Я. Габараева, «нельзя не учитывать и того, что, во-первых, в современном глаголообразовании и роль вспомогательных глаголов *кæнын* и *уын* наряду с превербами более чем существенна, во-вторых, не разграничение морфологического значения превербов от словообразования делает половинчатым сам акт выделения словообразования в самостоятельный раздел, поскольку в сфере глагола такое разделение двух дисциплин оказывается непризнанным» [Габараев, 1977, с. 17].

Для осетинского языкознания является знаменательным выход в 1963 году первого из двух томов нормативной грамматики осетинского языка [Грамматика..., 1963], который создан авторским коллективом. Вопросы, связанные с осетинским словообразованием, хоть и в разной степени, но рассматриваются каждым автором. О словообразовании говорится как о предмете морфологии. Слово рассмотрено в структурном и формообразовательном аспекте. Рассмотрены способы и средства образования как именных частей речи, так и глагола.

В книге Н.К. Багаева «Современный осетинский язык», состоящей из двух томов, также рассмотрены некоторые вопросы, связанные со словообразованием. В соответствующих разделах рассмотрено словообразование конкретных частей речи, кроме предлога и глагола [Багаев, 1965].

Фонетике и морфологии дигорского диалекта посвящено исследование М.И. Исаева, в котором довольно сжато описаны два основных способа словообразования: суффиксальный

и словосложение. Отдельно рассмотрены словообразующие суффиксы. Сложные слова описаны исходя из их компонентного состава. Следует отметить, что в данной работе рассмотрено только именное словообразование [Исаев, 1966, с. 98].

В книге Ф.М. Таказова «Грамматический очерк осетинского (дигорского) языка» в одном из разделов рассмотрено суффиксальное словообразование и словосложение в дигорском диалекте. Кроме этого, рассмотрены некоторые звуковые явления в производных словах [Таказов, 2009, с. 118].

На современном этапе одним из самых значимых трудов по осетинскому словообразованию является монография Н.Я. Габараева «Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке». В книге впервые систематизирована и рассмотрена структура слова и словообразования. Рассмотрены общетеоретические вопросы, связанные с местом словообразования в кругу других дисциплин, методологией описания словообразования, понятием морфемы и его типами (корневая и аффиксальная). Отдельно рассмотрены способы словообразования, словообразование имен существительных и имен прилагательных, словообразование глаголов и наречий. Кроме этого, в отдельном разделе описаны морфонологические явления в структуре слова, такие как интерфиксация, чередование при префиксации и суффиксации, акцентуационные явления [Габараев, 1977].

Таким образом, в осетинском языкознании условно можно выделить четыре этапа изучения словообразования:

1. В XIX – XX вв. предприняты первые попытки описания способов словообразования, введения в научный оборот лингвистических терминов на осетинском языке. Введены такие словообразовательные понятия, как: словопроизводство, непроизводные и производные слова, простые и сложные слова (А.М. Шегрен «Осетинская грамматика» (1844); Вс.Ф. Миллер «Осетинские этюды» (1881, 1882, 1883), «Язык осетин» (1903); Б.А. Алборов «Краткая грамматика осетинского языка

для старших классов и словообразования (на осетинском языке)» (1925)).

2. Следующий этап связан с трудами В.И. Абаева, главным образом с книгой «Грамматический очерк осетинского языка» (1959). Именно в данном исследовании словообразование рассматривается как особый раздел, а не как часть морфологии, как это было в предшествующих работах. Выявлены основные способы словообразования именных частей речи в осетинском языке (суффиксация и словосложение), рассмотрены суффиксы отыменного и отглагольного употребления.

3. Третий этап становления осетинского словообразования ознаменован выходом двухтомной «Грамматики осетинского языка» (1963, 1967). В тот же период выходит в свет книга Н.К. Багаева «Современный осетинский язык» в 2-х частях. Появляются работы, посвященные дигорскому диалекту (М.И. Исаев (1966)).

4. Новый этап становления осетинского словообразования, несомненно, связан с трудами Н.Я. Габараева, в которых осетинское словообразование впервые подверглось системному описанию, в рамках которого рассматриваются теоретические вопросы, связанные с коммуникативной направленностью словообразовательных процессов, изучается связь словообразования и синтаксиса.

«Словообразование – эволюционная, постоянно изменяющаяся и адаптируемая система. В синхронии функционируют регулярно воспроизводимые единицы, созданные на предшествующих этапах развития языка» [Азарх, 2000, с. 9]. Это обуславливает постоянный интерес лингвистов к вопросам словообразования. В области осетинского словообразования очень многое сделано, но нужно отметить, что последние серьезные исследования относятся к 80-м годам. К тому же они в основном посвящены иронскому варианту осетинского языка, дигорский языковой материал чаще всего служит в качестве иллюстративного материала или примечаний. Между тем, в

настоящее время крайне актуальным является разноуровневое комплексное описание деривационных подсистем в диалектном языке. Вопрос актуальный не только для осетинского языкознания, но и общей диалектной дериватологии. Необходимым является выявить диалектную специфику «словообразовательных категорий» [Косова, 2010], специфику в их формально-семантической структуре. Следует отметить также, что «в осетинском словообразовании имеются свои специфические сложности» [Габараев, 1977, с. 17]. Эти сложности исходят из того, что между некоторыми частями речи в осетинском языке нет четких границ. К тому же очень часто, в большинстве исследований не уделено внимание глагольному словообразованию, особенно этот пробел ощущается в работах по дигорскому диалекту.

Проблема и критерии идентификации композита

Сложное слово представляет собой промежуточную категорию между двумя другими категориями: характер связи нескольких слов (основ) служит основным условием считать ту или иную конструкцию отдельным словом, либо же словосочетанием.

Параметрами, позволяющими разграничить композиты и словосочетания, являются: специализированность значения, наличие особой модели ударения, фиксированный порядок следования компонентов, неделимость [Корытова, 2009, с. 39]. В дальнейшем процедура идентификации была дополнена «... синтаксическими тестами на координацию и модификацию» [Рауне и др., 2002]. Тесты позволяют понять, могут ли компоненты образования самостоятельно вступать в отношения координации или модификации. Успешное прохождение этих тестов говорит об отнесенности последовательности элементов к разряду словосочетаний, в то время как невозможность разбить конструкцию на составляющие, способные по-отдель-

ности взаимодействовать с другими словами, указывает на то, что перед нами композит.

Композиты по своей сути являются свернутыми синтаксическими конструкциями, которые, однако, могут быть разными. В тех случаях, когда композит образован «...на базе реально существующего в речи сочетания, компоненты которого не претерпевают каких-либо изменений внутри цельно-оформленной единицы, мы имеем дело со словом-сращением. Синтаксические связи между компонентами композита сохраняются при этом в том же виде, какой они имели в соответствующем словосочетании. Композиты, образованные сложением, также соотносятся с определенными словосочетаниями или предложениями, но синтаксические связи, наблюдаемые в их структуре, внутри сложных слов нейтрализуются, приобретают обобщенный характер» [Корытова, 2009, с. 40].

Для решения вопроса о том, куда отнести данную конструкцию – к категории слова или к категории словосочетания – необходимо учитывать особенности как слова, так и словосочетания. Учет признаков как отдельного слова, так и словосочетания, приобретает особенно важное значение при изучении конструкций, которые в зависимости от контекста могут быть или словосочетаниями, или сложными словами (*сау цаест* «черный глаз», *сауцаест лаенну* «черноглазый мальчик») [Габараев, 1963, с. 110].

Композит (сложное слово) можно определить следующим образом: слово, имеющее некоторые черты словосочетания, главной из которых является наличие как минимум двух корней. Определяется сложное слово с опорой на морфологическую и семантическую соотносительность со словосочетанием. Только последний компонент сложного слова может иметь флексию для согласованности с другими композитами.

Отношения между композитными моделями и моделями словосочетаний имеют системный характер. Они представляют собой своеобразную структурно-семантическую соотно-

сительность, наличие которой не означает, однако, тождества или прямой аналогии конкретного словосочетания тому или иному сложному слову. Соотносительность этих двух систем не снимает, а скорее подчёркивает структурное и семантическое своеобразие сложного слова, в отличие от словосочетания [Мамонтова, 2008, с. 178-180].

В основе образования сложного слова всегда лежит синтаксическое сочетание первоначально самостоятельных элементов. Такая конструкция может быть образована самыми различными элементами. Образование сложного слова в известной степени сходно с образованием устойчивого словосочетания. И сложное слово, и фразеологизм образуются из свободного словосочетания. С той разницей, что в первом происходит слияние в одно целое не только лексических значений составных элементов, часто с последующим переосмыслением полученного общего значения, но и фонетическое и грамматическое объединение элементов, составлявших прежде раздельно оформленные части словосочетания. Тогда как при образовании фразеологизма наблюдаются сдвиги семантического характера [Габараев, 1977, с. 73].

Композиты, будучи образованными из двух полнозначных основ, развивают особый вид словообразовательного значения, специфичный именно для сложных слов. О.Д. Мешков, рассматривая субстантивное словообразование в английском языке, называет словообразовательное значение сложных слов композитным и подчеркивает, что «по существу композитное значение – это значение, формирующееся как фактор отношений между компонентами сложного слова» [Мешков, 1988].

Последовательность компонентов композита строго фиксирована. Их перестановка может изменить полностью смысл слова. Структурные и семантические связи между компонентами сложного слова эксплицитно не выражены и, по сравнению со связями между компонентами словосочетания, более спаянны. По мнению Н.Я. Габараева, одним из основных при-

знаков слова считается его цельнооформленность. Это означает, что «...данная единица имеет общее для всей конструкции слово – и формоизменение и что связь составных элементов перестала быть чисто синтаксическим явлением, перейдя в область морфологии» [Габараев, 1963, с. 111].

Цельнооформленность сложного слова зачастую находит своё выражение в стирании грамматического значения первого компонента; фиксированном порядке компонентов, изменение которого ведёт к изменению значения сложного слова; наличию одного главного ударения; морфонологических особенностях; особом графическом облике сложного слова (слитное или дефисное написание) [Маковой, 2009].

В осетинском языке во всех атрибутивных сочетаниях (композициях, словосочетаниях) число и падеж меняются только у определяемого слова, тогда как определение свою форму не меняет. Это касается и дигорского диалекта, скажем *бæрзонд бæласæ* «высокое дерево», *бæрзонд бæласæн* «высокому дереву», *бæрзонд бæластæ* «высокие деревья» и т.д. Как мы видим, в осетинском языке формоизменение меньше дифференцировано между элементами словосочетания, чем, скажем, в русском, где формоизменение в подобных же конструкциях широко проявляется в согласовании грамматических признаков составных элементов словосочетания [Габараев, 1963, с. 112].

В случае разнооформленности двух или более основ, которые наделены общей семантикой, возникают сложности в идентификации композита. Скажем, конструкции вроде *бонгас* «пастух, пасущий только днем», *бонхуарз* «приветствие», *барæгбон* «праздник», *бонгаанда* «сделанное за день», *бонамбес* «полдень» и *бонирохс* «дневной свет», *бонивайæн* «рассвет», *бонигон* «днем», *бонигъæда* «погода». Представленные конструкции по своему типу синтаксической связи слов в словосочетании сходны, но в первых примерах потеряна флексия, т.е. окончание первого компонента *-и* выпало. Этим самым два компонента словосочетания стали композитными образова-

ниями. Второй же ряд примеров, хоть и пишется слитно, продолжает сохранять прежние синтаксические отношения компонентов этого выражения и, по сути, продолжает оставаться словосочетанием с неделимым лексическим значением. Это приводит к разнобою в орфографическом плане, т.е. эти слова то пишутся слитно, то раздельно.

Л.Б. Моргоева выделяет несколько семантических групп, которые подвержены такой вариативности (т.е. пишутся то слитно, то раздельно):

1) термины родства (*фыдымад* – *фыды мад* «бабушка – мать отца», *мадыхо* – *мады хо* «тетя – сестра матери»);

2) культурно-маркированные понятия (*саерыхицау* – *саеры хицау* «хозяин – хозяин головы»; *цардаэмбал* – *царды эмбал* «супруг – спутник, друг жизни»; *цаераенбон* – *цаераен бон* « всю жизнь – день жизни»);

3) анатомические термины (*цаестыгагуы* – *цаесты гагуы* «зрачок – зеница ока», *цаестырухс* – *цаесты рухс* «зрение – свет глаз, очей», *фадхъул* – *фады хъул* «щиколотка – сустав, костяшка стопы»);

4) биологические термины (*мыдыбындз* – *мыды бындз* «пчела – муха меда (медовая муха)», *дугъысыф* – *дугъы сыф* «подорожник – лист бега»);

5) абстрактные понятия (*саерызонд* – *саеры зонд* «сознание – знания в голове», *зондахаст* – *зонды ахаст* «мнение, взгляд – склад ума, знания»);

6) временные понятия (*аендаерахсаев* – *аендар ахсаев* «позавчера – другая ночь», *иннаэбон* – *иннаэ бон* «послезавтра – в другой день», *эмбисбон* – *эмбис бон* «полдень – половина дня») [Моргоева (а), 2017, с. 67].

Такой разнобой в написании наблюдается даже в словарях. Так, в «Дигорско-русском словаре» такие термины родства, как *фидифидае* «дедушка, букв. отец отца», *фидимадае* «бабушка, букв. мать отца», *фидихуерае* «тетя, букв. сестра отца» пишутся то слитно, то раздельно [ДРС, с. 616].

Л.Б. Моргоева подчеркивает особую значимость терминологии родства для социума и тесную связь с «...этнокультурными стереотипами поведения во взаимоотношениях» [Моргоева, 2017, с. 67]. Так, к примеру, слитное написание *фыдымад*, *мадымад*, *стырмад* будет иметь значение «бабушка» и иметь синонимы *нана*, *дзыцца*, заимствованное *бабу*, диалектное *джиччи*, тогда как при раздельном написании сочетание приобретает особо важное значение в том смысле, с чьей стороны эта бабушка – *фыды мад* «отца мать» или *мады мад*, *стыр мад* «мать матери». Или, скажем, *мадыхо* «тетя» – *мады хо* «сестра матери» [там же].

Типы сложных слов и сочетания, из которых они образуются, весьма разнообразны как по своей активности в речи, так и по характеру взаимоотношений своих составных элементов. Поэтому все эти типы слов характеризуются различной степенью завершенности перехода словосочетания в одну лексическую единицу. Кроме того, переход от синтаксического сочетания к сложному слову является столь постепенным, что между ними нельзя провести четкую грань [Габараев, 1977, с. 74]. Это также приводит к тому разнообразию в орфографии, о котором мы уже говорили выше, относительно слитного или раздельного написания множества композитных образований. Следствием этого также становятся промежуточные способы написания с использованием тире (*ракаен-бакаен каенун*, *рабур-бабур каенун* и т.д.). Написание некоторых составных терминов до сих пор не установлено. Так, например, составные термины, обозначающие плодовые деревья и кустарники в осетинском языке, одними пишутся раздельно, другими – слитно, или, что еще больше подчеркивает их орфографическую неопределенность, в одном и том же словаре можно обнаружить разное их написание.

Как мы уже говорили, одним из главных признаков, который отличает композит от словосочетания, является его цельнооформленность. Выражается она морфологически, фонетически, графически и семантически. Эти факторы мо-

гут сочетаться в одном слове, но также существуют сложные слова, в которых определяется один из факторов. Морфологическая цельнооформленность выражается в наличии единых для всего образования определенных грамматических значений и форм. Однако при склонении падежные формы относятся ко всему композиту, но падежное окончание присоединяется к последнему компоненту сложного слова. При этом формоизменение в именных словосочетаниях происходит таким же образом. Этот факт говорит о том, что в осетинском языке морфологический фактор (падежные формы и формы числа) не может быть надежным критерием для идентификации композитного образования. По мнению Н.Я. Габараева, морфологическая цельнооформленность наглядно выступает во многих других типах сложных слов. Так, например, сложные прилагательные, образованные как из одних существительных, так и из других частей речи, сравнительную степень образуют прибавлением специального суффикса *-дæр* к исходу последней основы. В сложном слове *дурзæрдаæ* «жестокый» первое существительное *дур* «камень» выступает в роли определения «каменный» ко второму *зæрдаæ* «сердце». Однако при образовании сравнительной степени суффикс *-дæр* прибавится к *зæрдаæ*, как оно и должно быть, т.е. к исходу целого, к концу сложного слова. Без восприятия конструкции *дурзæрдаæ* в качестве сложного слова было бы невозможно такое присоединение суффикса *-дæр*, например, *майрухсдæр*, *номдзыддæр* и т.д. То, что здесь суффикс сравнительной степени *-дæр* прикрепляется не к определяющему слову (прилагательному), а к определяемому, служит именно морфологическим показателем сложного слова [Габарев, 1977, с. 110-111]. Эта закономерность проявляется и в дигорском (*дорзæрдаæдæр*, *майрохсдæр*, *номдзуддæр* и т.д.).

Фонетическая цельнооформленность композита проявляется в единстве всего звукового состава. Звуковые изменения, которые происходят в компонентах сложных конструкций, яв-

ляются показателем полного слияния двух или более основ. Звуковые явления в сложных словах дигорского диалекта, по мнению Ф.М. Таказова, сводятся к следующим [Таказов, 2009, с. 120]:

1) ослабление *a* в *æ* в первом компоненте: *раствæндаг* «имеющий прямой путь»; *хуæрзконд* «стройный»; *даæргъд-зæсгон* «длиннолицый» и т.д.;

2) подъем *æ* в *a* во втором компоненте: *баæгъансар* «с непокрытой головой»; *хуасдзау* «косарь» и т.д.;

3) в начале второго компонента происходит озвончение глухих согласных: *растдзæвин* «меткий», *къохдзæг* «браслет», *дуаргаæрон* «у дверей», *ахургаæнаг* «учитель» и т.д. Данное явление является одним из самых распространенных звуковых изменений в обоих диалектах осетинского языка [Ахвледиани, 1969]. По этому поводу В.И. Абаев пишет, что «первоначально озвончение имело место, по-видимому, после сонорных и звонких, а потом по аналогии распространилось и на случаи после глухих согласных» [Абаев, 1959, с. 147-148];

4) часто в случае, когда компонентом композита становится слово с суффиксом *-ойнаæ*, звук *й* выпадает: *куронгæс* «мельник» (*куройнаæ* / мельница); *стонуат* «загон для скота» (*стойнаæ* / стойло) и т.д.

Цельнооформленность слова во многих языках выражается и ударением. Обычно слово имеет свое собственное ударение не только вне сочетания с другими словами, но и в них. В осетинском языке ударение у каждого слова имеется лишь в том случае, если слово берется изолированно от других. В речи же ударение в осетинском языке фразовое, т.е. в сочетании из нескольких слов ударение может быть только у одного из слов [Абаев, 1949, с. 529]. Этот факт говорит о том, что в осетинском языке ударение не имеет значения как при образовании сложных слов, так и при решении вопроса о том, куда отнести ту или иную конструкцию, к словосочетанию или сложному слову.

Одним из самых важных факторов для определения статуса сложных образований в осетинском языке является их семантическая цельноформленность. Семантическая целостность подразумевает идиоматичность лексического значения композита. Скажем, в таких словах, как *цæсгом*, *сæрдар*, *æхсаргард*, *хæргæфс*, общее значение уже не соответствует отдельным значениям компонентов, во многих из них совершенно утеряны признаки семантического родства сложного слова и составных элементов. Но так как семантическое содержание сложного слова обычно идиоматично, то сложное слово и устойчивое словосочетание по неразложимости своего лексического значения оказываются сходными [Габараев, 1963, с. 112-114].

Состав композитов по своей типологии очень разнообразен и неоднороден. На сегодняшний день как в иронском, так и в дигорском диалекте разноречивой в написании множества терминов сохраняется. Как справедливо отмечает Л.Б. Моргоева, «...при слитном написании слова имеют тенденцию к стилистической нейтральности и стиранию коннотативных смыслов, тогда как при раздельном написании компоненты сочетания восстанавливают свое самостоятельное значение и активизируется создаваемый ими образ, за счет чего возникает концептуальный план осмысления всего сочетания» [Моргоева, 2017 (а), с. 69].

Таким образом, основными критериями различения композитов и словосочетаний в осетинском языке являются семантический и формально-структурный. Следовательно, идиоматичность смыслового содержания можно считать одним из основных критериев для различения сложного слова от свободного синтаксического сочетания, но она оказывается недостаточной для дифференциации сложного слова и идиомы. Поэтому для прояснения вопроса необходимым является привлечение и других факторов.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСЕТИНСКИХ КОМПОЗИТОВ

Семантико-мотивационные и структурные особенности композитов

В словообразовательной системе современного осетинского языка особую роль играет композитообразование (словосложение, основосложение). Данный тип словопроизводства, наряду с аффиксальным способом, довольно продуктивен и типологически широко представлен в обоих диалектах осетинского языка. По своей сути композиты представляют собой синтаксические конструкции, в которых в ходе словообразовательного процесса происходит грамматическое и семантическое сращение двух или более лексических единиц. Между компонентами композитов наблюдается определенная сочетаемость. Следует отметить, что «...сочетательные возможности сложных словообразовательных единиц в конечном итоге связаны не только с тем, из каких компонентов они были образованы, но и с той ролью, которую они выполняют в конкретной синтаксической конструкции» [Иванова, 2014].

Семантическая структура композитных конструкций определяется мотивированностью лексических единиц, участвующих в их образовании. Лексическое значение композита формируется исходя из семантики образующих его слов, однако «...семантическая и номинативная целостность сложного слова заключается в способности обозначать нечто большее, чем сумму значений его компонентов» [Степанова, 1953, с. 317]. Можно сказать, что композит фиксирует «...процесс осмысления человеком явления или объекта реальной действительности, осознание его связей с другими объектами с помощью сравнений и ассоциаций» [Иванова, 2014, с. 55].

Семная структура композита включает в себя «...базовое значение предметного отношения и «идиоматическую» надстройку над ним в виде ассоциаций в общественном созна-

нии с «предметом такого вида», но не получающих в составе композита материального воплощения» [Павлов, 1985, с. 142]. Семантическая структура композитного образования состоит из лексических значений составляющих его компонентов. Из этого следует, что «...определение семантики сложного наименования лица основано на знании семантического объема мотивирующих единиц» [Иванова, 2014].

Смысловые связи, которые устанавливаются между компонентами композита, довольно разноплановы. По мнению некоторых лингвистов, «...семантическая структура детерминативных субстантивных композитов, может состоять из семи компонентов: морфологического, структурно-семантического, тематического, семантико-синтаксического, коннотативного» [Вашунин, 1982, с. 8].

Мотивированность применения той или иной лексической единицы в качестве компонента в некоторых сложных словах не всегда очевидна. Скажем, в слове *реугудур* «грудная клетка», которое образовано от *реу* «грудь» + *гудур* «замок», в роли определения выступает второй компонент – *гудур* «замок». Однако семантически выбор именно данной лексической единицы в качестве компонента словосложения для наименования грудной клетки сложно понять. Этимологически слово *гудур* восходит к слову *кьудур* «обрубок» [ИЭ, т. I, с. 529], так как «...старинные осетинские замки, которые можно еще видеть на некоторых башнях, а также в музеях, изготовлялись из дерева и имели вид обрубков довольно большого размера» [Цаллагова, 2017, с. 83]. В данном случае мы наблюдаем перенос значения по принципу внешнего сходства, что и послужило мотивацией для данного сочетания компонентов. Для обозначения дверного замка наиболее употребительным в дигорском диалекте является лексема *кьума*, которая функционирует в составе сложного слова *кьумæлхий* «мертвый узел» (от *кьума* «замок» + *æлхий* «узел») с определением (крепкий, надежный как замок).

В связи с вышесказанным вызывает интерес и «образование композита *гудургом* (состояние рта после квасцов, некоторых фруктов) – *гудур+ком*. В данном случае мотивационным становится переносное значение слова *кьудур / кьудуройна* (чурбан, обрубок), «так называют неповоротливого, тупого человека (болван – разг. бранное)» [Цаллагова, 2017, с. 85].

Слово *гал* «бык, вол» входит в состав композитов в качестве определительного компонента, в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть крупный размер чего-либо: *галбиндзе* «овод», *галхапса* «жаба», *галсифа* «алтей лекарственный», *галхьæдур* «сорт крупной фасоли» и т.д.

Лексема *кьохмаерзаен* (от *кьох* «рука» + *маерз (æн)* «чистить») представляет этимологический интерес в том отношении, что глагол *маерзын* выступает здесь в своем старом значении «вытирать», в отличие от современного «подметать». Лексическое значение данной лексемы вышло за пределы семантики составляющих частей «руковытиралка», и слово может обозначать любой платок или полотенце. В современном осетинском языке встречаются такие сочетания, как *хесæрфаен* «личное полотенце», *фисæрфаен* «носовой платок» [ИЭ, т. II, с. 644].

Лексема *æлдар* образована путем сложения существительного *арм* «рука, ладонь» и глагольной основы *дар (ун)* «держать» (букв. «рукодержец»). Как мы видим, ввиду древности этого социально значимого термина произошли существенные фонетические изменения, а именно усечение звука [м], переход (диссимиляция) звука [р] в [л]. Хотя в дигорском диалекте наблюдаются случаи использования данной лексемы без диссимиляции *æрдар* [ИЭ, т. I, с. 123]. В данном случае семантика связана с тем, что рука является символом власти, действия, силы, господства, защиты.

Лексема *лæгуат* «калека» сложилась путем присоединения двух существительных *лæг* «мужчина, человек» и *уат* «место, комната». Буквальное значение данной лексемы «место муж-

чины или мужское место», однако слово *уат* в составе композитных образований может иметь значение «руина» (*гъæууат* «руины села», *курройниуат* «руины мельницы»). В результате сформировалось лексическое значение «то, что раньше было мужчиной, т.е. калека».

Следует отметить, что словосложение – крайне продуктивный способ словообразования также в области таких тематических блоков, как «термины родства», «флора» и «фауна».

Термины родства

В системе терминов родства в осетинском языке присутствуют все способы словообразования. Однако подавляющее большинство из них представлено в форме сложных слов и составных терминов. «По мере ослабления степени и усложнения иерархии ступеней родства по отношению к *homo loquens* усложняется структура данных терминов» [Мурясов, 2017, с. 102].

По данному поводу Е.Б. Бесолова пишет: «Одни из терминов односложны, имеют зыкрыто-слоговую структуру. Наряду с односложными, элементарными терминами (*мад, фыд, фырт, чызг* и др.), описательными (*фырты фырт, чызджы фырт, чызджы чызг, фыды хо*) существуют и составные – *æм-хæрæ-фырт, æм-дзуарджын* и др.» [Бесолова, 2013, с. 65]. Автор отмечает, что термины родства в основном «...вторичны по отношению к ним: они производны из них. Налицо как референтивные, денотативные (*мад, фыд, хо, æфсымæр* и др.), так и *вокативные* (*нана, гыцци, биццеу, чызгай* и др.) термины» [там же, с. 65].

Как известно, термины родства по своему деривационному потенциалу подчиняются тенденциям, которые характерны для того или иного языка. «Словообразовательная характеристика терминов родства, особенно нуклеарной части данной группы слов, была бы неполной, если к исследованию не привлечь словообразовательные гнезда производных, а также сложных слов» [Мурясов, 2017, с. 104]. Так, в дигорском диа-

лекте термины родства *мада* «мать» и *фиде* «отец» образуют целые словообразовательные гнезда:

***мада* (мн. *маддаелтае*) мать**

Аффиксальный способ: *мадаегин* «имеющий мать»; *мадел* «самка-мать, матка животных», *мадделдзийнада* «материнство», *мадеуаг* (*мадеуаг каенун*) «материнство; выполнять роль матери; быть вместо матери», *мадон* «материнский»;

Словосложение: *маделгьист* «проклятый матерью», *мадаембал* «этно. подружка невесты (на свадьбе)», *мадэрдигай* «со стороны матери (о родственниках), *мадиарса* «1) материнская ласка; 2) материнская забота», *мадиард* «голый, в чем мать родила»; *мадиард багьнаг* «совершенно голый», *мадиарма* «материнская забота», *мадибагх* «этно. подарок жениха матери невесты», *мадизаенаг* «дети одной матери, единоутробные», *мадилгаг* «отчим», *мадилгьист* «материнское проклятие», *мадимада* «бабушка», *мадиндавд* «материнская ласка, материнское тепло», *мадинсувар* «дядя, родной брат матери», *мадирвада* (мн. *мадирвадтаелтае*) «1) дядя, брат матери; 2) родственник из рода матери», *мадифагсхае* «копия матери, вылитая мать (про ребенка)», *мадихай* «вежливое обращение к матери, матушка», *мадихуагса* «1) сестра матери; 2) родственница из рода матери»;

***фиде* (мн. *фидделтае*) «отец»**

Аффиксальный способ: *фидегин* «имеющий отца», *фидделтае* «предки, отцы», *фидделтиккон* «1) старинный; древний; архаичный; 2) отцовский», *фидеуаг каенун* «быть вместо отца, выполнять для кого-л. функции отца (вместо родного отца)»;

Словосложение: *фидифиде* «дед (по отцу)», *фидихуагса* «тетя (по отцу)», *фидинсувар* «дядя (по отцу)», *фидимада* «бабушка (по отцу)», *фидибастае* «отечество, родина», *фидимада* «бабушка (по отцу)», *фидиуагзаг* «отчий дом, отчий край», *фидиуоса* (мн. *фидиуоститае*) «мачеха», *фидифагсхае*

«копия отца, вылитый отец (про ребенка)», *фидихай* «вежливое обращение, отец»;

Сложно-суффиксальный способ: *фидибæстаг* «отечественный», *фидибæстон* «отечественный».

Данный языковой материал свидетельствует о продуктивности словосложения в осетинском языке.

Зоонимы и фитонимы

Данные пласты лексики, которые служат для обозначения зоологических и фитонимических объектов, представляют собой информативную часть словаря любой этноязыковой общности [Гутиева и др., 2018, с. 92].

Зоонимы и фитонимы являются специфическим слоем лексического состава языка, так как они отражают особенности национальной культуры, нравов и обычаев, преданий и верований [Гэн, 2018, с. 66]. Они отражают особенности человеческого восприятия окружающей действительности. Как любая подсистема, она сформировала внутри себя особые закономерности, что говорит о необходимости их глубокого и полиаспектного изучения. Этим обусловлен пристальный интерес исследователей к данной проблеме. В данном разделе мы рассмотрим некоторые особенности словообразования в дигорском диалекте осетинского языка. Иллюстрационным языковым материалом послужили дигорская терминология флоры и фауны (фитонимы и зоонимы), извлеченная методом сплошной выборки из доступных на сегодняшний день словарей [ДРС; ИЭ; БРОС; ТСОЯ].

Впервые термин «зооним» приобрел актуальность в отечественном языкознании во второй половине XX в. В научной литературе существует два основных подхода к рассмотрению зоонимов. При первом подходе «зоонимы» определяются как клички животных, что автоматически перемещает их в ономастическое пространство [Рудченко, 1984; Рудченко, 1988; Сталтмане, 1989; Вересиянова, 2016 и др.]. Соответственно

данному подходу, «зоонимика» представляет собой один раздел ономастики, предметом изучения которого является «... зоонимия (зоонимикон) – совокупность кличек разных видов животных, употребляемых в той или иной языковой среде села и города» [Вересиянова, 2016, с. 221].

При этом сторонники данного подхода указывают на то, что «зоонимическая номинация есть речетворческий процесс спонтанного выбора клички для домашнего животного в личном или профессиональном хозяйстве. К особенностям зоонимов можно отнести их большую по сравнению, например, с антропонимией «открытость» для проникновения слов из других ономастических классов и пластов лексики и подверженность иноязычному влиянию, а также меньшую по сравнению с другими классами онимов, нормированность» [Вересиянова, 2016, с. 221].

Второй подход заключается в том, что зоонимы рассматриваются как нарицательные существительные, обозначающие зоологические объекты и имеющие сему «животный мир».

По мнению Э.Т. Гутиевой, «...зоонимы представляют собой высокоинформативную часть словаря любой этноязыковой общности, хотя необходимо их ранжирование по степени значимости для социума тех или иных животных и, соответственно, по степени значимости культурологической информации, их означающей» [Гутиева и др., 2018, с. 93].

Е.Б. Бесолова считает, «...именно зоологический код языка культуры наиболее важен, по мнению исследователей, потому что предполагает познание инокультуры в ее предметной деятельности и ментальной форме. Использование названий животных в языке для передачи физических свойств и особенностей характера человека отличается определяющей национально-образной специфичностью даже в языках одной группы» [Бесолова, 2023, с. 60].

В любом случае, разноаспектное исследование зоонимической лексики дает полезную информацию для истории языка, диалектологии и реалий народного быта.

Существительные, называющие животных, образуют довольно пеструю группу лексических единиц, различающихся с точки зрения семантической и словообразовательной структуры, а также в плане функционирования и происхождения [Моргунов, 2016, с. 192].

В рамках данной работы мы придерживаемся второго подхода и рассматриваем зоонимы как существительные, служащие для обозначения животных как биологических объектов. Однако даже в этом подходе следует отметить некоторые расхождения в терминологии. Так, в современных исследованиях для лексических единиц, обозначающих животных, применяются разные термины: зооним, зоосемизм, зооморфизм, зоометафора и т.д. Так, по мнению Е.М. Брославской, «...зоологические номены, употребляемые в прямых значениях, называют «зоосемизмами», а употребляемые в переносных значениях (применительно к характеристике человека) – «зооморфизмами» [Брославская, 2001, с. 49]. По этому поводу мы придерживаемся мнения Н.В. Солнцева: «...зооним – для прямого наименования, а зооморфизм – как метафоризированный зооним, характеризующий и оценивающий человека» [Солнцева, 2004, с. 25].

Названия растений являются отражением окружающей среды того или иного этноса. Растения привлекали к себе внимание человека всегда, так как играли важную роль в жизни как животных, так и человека. Осетинская фитонимическая лексика прошла сложный путь формирования и занимает важное место в лексическом фонде осетинского языка [Техов, 1979].

Весь дигорский зоонимический и фитонимический корпус с точки зрения структуры ее единиц можно разделить на три большие группы: простые, сложные и составные.

Простые зоонимы и фитонимы

К простым относятся одноосновные, однокоренные номены, которые, в свою очередь, подразделяются на безаффиксальные и аффиксальные.

Безаффиксальные зоонимы: *арс* «медведь»; *сенкълуха* «ящерица»; *биттир* «летучая мышь»; *гал* «бык»; *габу* «клещ»; *гир* «кабан, боров»; *гьонцъа* «улитка»; *даеркъа* «козленок»; *ди-дин* «оса»; *дзера* / «название хищной птицы»; *дзинга* «слепень, овод»; *дзугун* «як»; *калм* «змея»; *куй* «собака»; *къима* «стриж»; *маелгъа* «соловей»; *пил* «слон»; *стай* «рысь»; *маргъ* «птица, дичь»; *саг* «олень»; *тикис* «кошка»; *цомахъ* «лев» и т.д.

Безаффиксальные фитонимы: *сенгоза* «орех»; *сенха* «морковь»; *гъединдза* «лук»; *бадзикъи* «сорная трава»; *баййа* «лекарственное растение от ран»; *багъа* «мальва, просвирняк»; *биа* «айва»; *монка* «лопух» и т.д.

«Существует статистика по наиболее проницаемым и по наиболее резистентным к заимствованию группам слов. С очевидностью зоонимы не относятся к последним: примеры проникновения иноязычных слов не только для обозначения новых экзотических для языкового социума животных, но для домашних и одомашненных животных, многочисленны в большинстве языков» [Гутиева и др., 2018, с. 93].

Однако мы хотим отметить, что данная группа характеризуется тем, что значительное количество словарных единиц, которые в неё входят, относятся к древнейшему слою осетинского языка, т.е. входят в общеиндоевропейскую основу (*стора* «крупный рогатый скот», *гъог* «корова», *фус* «овца», *уануг* «бычок», *уас* «теленок», *сагъа* «козел» и т.д.).

В словарной статье, посвящённой этимологической характеристике лексемы *арс*, В.И. Абаев пишет: «...из трех крупных хищников, известных древнеиранскому миру, – волка, медведя и лисицы – осетинский сохранил общеиранские названия для двух последних (*арс*, *рувас*), что касается волка, то иранское его название было вытеснено из бытового употребления под действием табу и сохранилось только в эпосе» [ИЭ, т. I, с. 69].

Аффиксальные зоонимы: *ахсарæг* «белка»; *ахсинæг* «грызун»; *дзæгъиндзæг* «сорока»; *зæгъарæг* «барсук»; *хелагæ* «змея»; *къирттун* «малиновка»; *лазунæг* «ехидна»; *лацин* «кре-

чет»; *лигъзой* «гладыш, водный клещ»; *лæсæг* «лосось»; *лигъзæг* «тля»; *сæтойтæ* «слизни»; *уасæгой* «кукушка»; *уасæнга* «петух»; *хъуррой* «журавль» и т.д.

Аффиксальные фитонимы: *æхсирæг* «молочай»; *болгой* «сурепка»; *дæденæг* «цветок»; *гъæбесæг* «название лекарственного растения»; *дзодзагæ* «пастушья сумка»; *загъалæг* «название лекарственного растения от ран»; *къабузæг* «голубика» и т.д.

Самыми активными в плане деривационных процессов в словообразовании зоонимов являются суффиксы. Притом чаще всего дигорский использует суффикс *-æг*, имеющий как отглагольные, так и отыменные образования.

Суффикс *-агæ* отглагольного употребления, от основы прошедшего времени, участвует в образовании причастия со значением постоянного свойства или действия [Таказов, 2009, с. 113]. Скажем, лексема *хелагаæ* «змея» образована путем присоединения к глагольной основе *хелун* «ползать» суффикса *-агæ*. Таким образом образовывается причастие со значением «ползающий / ползающая». Однако данное причастие утвердилось в языке как номен, обозначающий «змею», и функционирует в качестве имени существительного.

Суффикс *-ой* в осетинском языке, в обоих его вариантах, указывает на большую степень какого-либо признака или отсутствие чего-либо.

Сложные зоонимы и фитонимы

Сегодня в связи с процессами глобализации усиливаются интеграционные тенденции в культуре, науке и образовании. Семантические изменения, происходящие в лексике, затрагивают в основном периферию словаря, так называемый основной, словарный фонд изменяется медленнее. С этой точки зрения особый интерес представляют сложные слова (компози́ты) как входящие в класс лексем, наиболее активно пополняемый

неологизмами; а также – различные разновидности сложения, являющиеся весьма продуктивными способами синхронного словообразования языка [Маковой, 2007].

Сложные слова образуются путем словосложения. Словосложение – очень продуктивный способ образования имен существительных в осетинском языке. Пополнение словарного фонда происходит в основном с помощью сложных имен существительных, которые возникают с возникновением новых понятий и явлений в связи с изменениями, происходящими в общественной жизни [Грамматика..., 1963, с. 115].

Зоолексемы и фитолексемы не исключение, так как группы сложных зоонимов и фитонимов самые многочисленные. Составной частью сложных слов могут быть как именные, так и другие части речи. По виду связей между компонентами сложные имена существительные бывают двух типов: соединительные и определительные. В соединительных все компоненты равноправны в своем синтаксическом значении и независимы друг от друга. Данный тип слов не является распространенным в осетинском языке. Определительные сложные существительные характеризуются тем, что один из компонентов словосложения является определительным, а другой – определяемым [Грамматика..., 1963, с. 116].

К сложным зоонимам относятся двукорневые или многоосновные лексемы, которые подразделяются на собственно композиты и аффиксальные композиты. К собственно композитам мы относим слова, которые образованы путем присоединения двух основ, глагольных или именных. К аффиксальным композитам мы относим слова, в образовании которых кроме основ участвуют аффиксы.

Собственно композиты зоонимов и фитонимов образованы чаще всего по таким словообразовательным схемам, как:

прилагательное + существительное: *æргъеугæф* «дельфин»; *борæмæлгъæ* «соловей»; *боргарк* «самка тетерева»; *дзугъургарк* «рябчик»; *зæринсар* «уж»; *гъунгунахсинцъæ* «абри-

кос, абрикосовое дерево); *борхуасгæрдæг* «пупавка»; *бæзгинсифæ* «название растения» и т.д.;

существительное + существительное: *æхсарæцъеу* «воробей»; *галбиндзæ* «овод»; *галхæпсæ* «жаба»; *назицъеу* «королек»; *сайтангарк* «удод»; *сайтанцъеу* «трясогузка»; *донзæнгæ* «название съедобной травы»; *гъунагæрдæг* «лишайник»; *гæдиних* «ветреница»; *гæдирехæ* «название лекарственного растения»; *басгæрдæг* «петрушка, тимьян», *зæнхихсарæг* «суслик» и т.д.;

существительное + глагол: *гъæдкъуар* «дятел»; *дзæхæра-хуар* «медведка»; *къабускахуар* «бабочка-капустница»; *метгорцъеу* «зимородок»; *донзай* «водоросль»; *гæрзæхснæн* «корни свинороя»; *къæфласгæрдæг* «аистник (сорняк)» и т.д.;

числительное + существительное: *дугонпон* «удод»; *дугон-понцъеу* «удод»; *дудахъ* «дрофа»; *æрзсифон*, *æрзтъæфуг* «тысячелистник»; *æртитъæфуг* «клевер» и т.д.

Из представленных групп к соединительному типу сложных слов относятся слова, образованные по модели существительное + существительное, остальные определительного типа.

Аффиксальные композиты: *æлхъевагæгалм* «удав»; *гъосхелагаæ* «мокрица, сороконожка»; *саугъосхелагаæ* «сороконожка»; *берæтъæфуг* «тысячелистник»; *кудзихсирæг* «молочай» и т.д.

Образование аффиксальных композитов зоонимической лексики чаще всего происходит путём сложения двух или более основ и суффикса *-агаæ*.

Составные зоонимы и фитонимы

Составные зоонимические названия представляют собой словосочетания, состоящие из основного и определительного компонента, где последний указывает на отличительные особенности именуемого представителя животного мира. Например: *галæг-дæлдоройнаæ* «бычок-подкаменщик»; *къода уру* «хо-

мяк»; *сурхсар хелага* «уж»; *уэртгун хапса* «черепаха»; *удурни хъабуза* «вид жука»; *хампели бордидин* «крестовник»; *циллей золкъа* «шелковичный червь»; *заенхи таерхъос* «кролик»; *гьолон галау* «суслик»; *дони ацц* «кулик»; *дони гьог* «дельфин»; *дони уэрица* «нырок пятнистый»; *гьаеди систа* «клоп»; *доргъдзог гаеди* «тополь»; *гогузи уедага* «название лекарственного растения от укуса змеи»; *берагъи гагата* «волчья ягода»; *бабузи къах* «гусиная лапка»; *аерци гьаеда* «жидовник»; *залми сифа* «лопух» и т.д.

Еще одной достаточно многочисленной группой композитов являются словосложения, состоящие из зоонима и фитонима: *бахсиндза* «чертополох»; *берагъзаенга* «зверобой»; *бахгардаг* «сорная трава»; *галлискъаф* «клубника»; *галсифа* «алтей лекарственный»; *габухъадора* «клещевина»; *берагъхъадора* «люпин»; *кудзигага* «волчья ягода»; *арсихсера* «название какого-то дерева»; *саггъаеда* «жасмин» и т.д.

Компоненты данных составных терминов находятся в падежных отношениях (первый компонент имеет форму родительного падежа), и они, безусловно, относятся к определительному типу, так как первый компонент уточняет, определяет второй.

Обращает внимание на себя тот факт, что каждая номинация растений имеет мотив. В основе мотивации могут быть как особенности самих растений, так и их функции и применение.

Существуют растения, для которых в дигорском диалекте бытуют одновременно несколько названий. Это объясняется тем, что любое растение имеет определённый набор различных признаков, и в этих разных названиях подчёркиваются разные признаки, т.е. мотивом для каждого варианта номинации служит определённый признак, например:

лишайник – *гьунгардаг*, *къадзаехгьуна*, *ливдзбун*, *харагьихуайраг*, *цагаргьуна*;

подорожник – *арсидзеген*, *догъайсифа*, *догъасифа*, *ногъайсифа*;

тысячелистник – *æрсифон, æртъафуг, берæтъафуг, са-гисæр*;

герань – *калмгæрдæг, калмихуасæ, соргаенæн*;

шалфей – *ласуф, мудгæрдæг*;

горечавка – *заенагихуасæ, къæдзnezихуасæ, рæсудбадæн и т.д.*

Дигорские фитонимы очень часто содержат в себе указание на какую-либо определённую черту – форму, запах, вкус или особенности использования растения, чьей номинацией они являются: *æндадзæ* «липучка», *æфсаёнбаласæ* «казуарина», *æхсигъæда* «гребенчук», *басгæрдæг* «петрушка, тимьян ползучий», *биндзмар* «мухомор», *бордориндзæг* «жёлтая кувшинка», *галивзаг* «коровяк», *гоппойгæрдæг* «хохлатка», *гъун-гунаæхсинцъæ* «абрикос» и т.д. [Цаллагова, 2022, с. 111].

Нельзя не отметить, что как в остальной лексике осетинского языка, так и здесь огромную роль играет калька – один из способов словообразования и источников пополнения словарного фонда языка. Являясь результатом непосредственного влияния литературного языка и отраслевой лексики одного языка на другой, калька представляет собой перевод чужого термина грамматическими и лексическими средствами своего языка при сохранении в известной мере порядка компонентов соответствующих слов заимствуемого языка [Цаллагова, 2022, с. 112]. В этом отношении осетинский язык (в частности терминология растений) испытал влияние русского языка. Об этом говорит наличие массы калек простого и сложного характера [Техов, 1979, с. 26]: *майронхгæрдæг* «незабудка», *æртæсифон* «трилистник», *бабузикъах* «гусиная лапка», *бордориндзæг* «жёлтая кувшинка», *гæбухъæдора* «клещевина», *донзай* «водоросль», *къоссифæ* «чашелистик», *сауфæсала* «чёрный метлик», *сæгъбоцъо* «козлотородник»; *сæгъгæрдæг* «козлятник аптечный» и т.д.

Смысловая структура композита тесно связана с его компонентным составом. При словосложении выбор того или

иного компонента не может быть случайным, он всегда логически обоснован, ввиду чего в каждом языке вырабатываются определенные правила сочетаемости. Мотивированность применения той или иной лексической единицы в качестве компонента в некоторых сложных словах не всегда очевидна. Очень часто семантика того или иного композита выходит за рамки значений составляющих его компонентов, и без обращения к этимологии разобраться практически невозможно.

Композитные существительные

Композиты очень схожи по своей структуре со словосочетаниями, т.е. включают в свой состав комбинации целых слов (основ). Таким образом, композит (сложное слово) можно определить следующим образом: слово, имеющее некоторые черты словосочетания, главной из которых является наличие как минимум двух корней. Определяется сложное слово с опорой на морфологическую и семантическую соотносительность со словосочетанием. Только последний компонент сложного слова может иметь флексию для согласованности с другими композитами [Цаллагова, 2019, с. 73].

Соотносительность композитных моделей и моделей словосочетания подчёркивает структурное и семантическое своеобразие сложного слова, в отличие от словосочетания. В данном контексте рассмотрим один интересный случай образования существительных из словосочетания (существительное + глагол), свойственный обоим диалектам осетинского языка (иронскому и дигорскому). Осетинское слово *гæс* «сторож, охрана» является результатом озвончения глухого согласного [к] в слове ир. *кæсын* / диг. *кæсун* «смотреть», т.е. *кæс* – *гæс*. Следует отметить и тот факт, что элемент *кæс* является одновременно как основой глагола ир. *кæсын* / диг. *кæсун*, так и формой повелительного наклонения того же глагола – ир. *кæс* / диг. *кæсæ* «смотри». Данный элемент становится словообразо-

вательным компонентом многих сложных существительных. Скажем, ир. *баэхгæс* / диг. *баэхгæс* «охраняющий /пасущий лошадей», ир. *заэхгæс* / диг. *заэхгæс* «охраняющий посевы, землю», ир. *куыройгæс* / диг. *куройнагæс* «мельник», ир. *хуыгæс* / диг. *хугæс* «свинопас», ир. *фысгæс* / диг. *фусгæс* «пастух овец», ир. *хъомгæс* / диг. *гъонгæс* «пастух крупного рогатого скота» и т.д.

Схема образования представленных композитов одна – *хъ-омма* + *касын* «смотреть за скотиной» – *хъоммагæсын*, затем теряется падежное окончание первого компонента (*-ма*) и глагольное окончание (*-ын*). В исходе мы получаем сложное нарицательное существительное ир. *хъомгæс* / диг. *гъонгæс* «пастух крупного рогатого скота». Утеря грамматического признака компонентов того или иного сложного образования позволяет говорить о признании во всей конструкции как семантической, так и грамматической цельнооформленности. Озвончение глухих согласных в дигорских сложных словах довольно частое явление: *агадаæ* «позор» (от *æ-* + *кадаæ* «слава, почет»), *аггарæ* «ровесник» (от *аг-* + *караæ* «возраст»), *растдзæвин* «меткий» (от *раст* «прямо, правильно» + *цæвун* «бить, ударять»), *къохдзæг* «браслет» (от *къох* «рука» + *цæг* «крючок»), *уæлвицгæ* «небольшой обрядовый пирог с сыром» (от *уæл-* «на, над, сверху» + *фицун* «печь, варить») и т.д. [Таказов, 2009, с. 120].

Основными видами композитных образований по характеру той или иной связи между компонентами являются сложения и определительные сложные слова, семантические сращения и соединительные композиты. При этом отдельные компоненты сложного слова функционируют как определяемое или определитель, задавая тип логической связи внутри композита. При более подробном рассмотрении указанных отношений можно выделить известные виды и типы сложных слов, сформировавшиеся на основе определенных взаимоотношений между компонентами каждого слова [Иванова, 2014].

В современном осетинском языке композитное словообра-

зование продуктивно в таких частях речи, как существительное, прилагательное и наречие.

По мнению Н.Я. Габараева, сложные существительные чаще всего представляют собой цельнооформленные слова. Взаимоотношения между компонентами композитов напоминают синтаксические отношения. Характер связи компонентов сложного существительного определяет наличие двух типов: 1) сложные существительные с сочинительной связью компонентов; 2) сложные существительные с подчинительной связью компонентов [Габараев, 1977, с.107].

В сложных существительных с сочинительной связью между компонентами словообразующие единицы независимы друг от друга. Данный тип существительных не очень продуктивен в осетинском языке. Такой композит представляет собой единое понятие, являющееся соединением понятий, названных двумя существительными: *уаддумга* «буря, вихрь», *уадгуройна* «ветряная мельница», *уадхор* «жгучее, обжигающее солнце», *есбон* «имущество», *хорзæрийна* «заря, сверкающее солнце», *сапонгæрдæг* «мыльнянка» и т.д.

Сочинительные отношения между компонентами композита более широко представлены в существительных, образованных путем присоединения глагольных основ, притом это могут быть как глаголы движения, перемещения, так и другие глаголы, например: *рацо-бацо* «ходьба», *рауайæ-бауайæ* «беготня», *радзорæ-бадзорæ* «пересуды, разговоры», *ракæнæ-бакæнæ* «волокита» и т.д. Образование данных конструкций происходит путем присоединения к глаголам в форме повелительного наклонения превербов *ба-* и *ра-*, которые в данном случае указывают на продолжительность, разнонаправленность обозначаемого действия.

Следует отметить, что преверб *ба-* в дигорском обозначает движение снаружи внутрь, а *ра-* – движение изнутри наружу, кроме того, преверб *ра-* может обозначать быстрое, краткое и поверхностное действие [Таказов, 2009, с. 102, 103]. Данные

образования также функционируют в сочетании с вспомогательным глаголом *кæнун*, и тем самым приобретают другой частеречный статус, т.е. являются составными глаголами: *рацо-бацо кæнун* «ходить туда-сюда», *радзорæ-бадзорæ кæнун* «разговаривать, переговариваться, судачить» и т.д.

Лексическая единица, являясь результатом словообразовательного акта, обладает определенным типом сочетаемости с другими лексическими единицами, используемыми в данной синтаксической конструкции. Сочетательные возможности сложных словообразовательных единиц в конечном итоге связаны не только с тем, из каких компонентов они были образованы, но с той ролью, которую они выполняют в конкретной синтаксической конструкции [Иванова, 2014].

Наиболее продуктивным словообразовательным типом в дигорском диалекте осетинского языка, впрочем, как и в иронском [Габараев, 1977, с. 107, 108], являются сложные существительные с подчинительной связью компонентов. Компоненты, составляющие данные композиты, могут находиться в падежном или атрибутивном отношении по отношению к друг другу. Этот факт сближает сложное слово со словосочетанием, ведь между компонентами словосочетания также возникает смысловая связь, определяемая характером отношения зависимого слова к главному. Эти смысловые отношения – синтаксическое значение словосочетания. Главным компонентом в композите становится существительное или субстантивированное слово, зависимое же слово является неким определением, уточняющим или характеризующим опорное слово. Данные сложные слова условно можно разделить на две большие группы:

а) сложные существительные, которые в качестве первого компонента имеют существительное в форме родительного падежа, притом падежная форма может быть формально утеряна, но значение его сохраняется. Вторым опорным компонентом становится существительное или субстантивированное причастие в форме прошедшего времени, например:

стонуат «загон для скота» (от *стойнае* «хлев, стойло» + *уат* «помещение, вместилище»), исходным является словосочетание *стойни уат* (букв. «помещение для стойла»); *хорауон* «тень» (от *хор* «солнце» + *ауон* «тень»), исходное – *хори ауон* (букв. «тень солнца»); *кьохавард* «подпись» (от *кьох* «рука» + *авард* «положенный, поставленный») и т.д. В данную группу также можно отнести сложные существительные, зависимый компонент которых сохраняет флексию родительного падежа: *боницъах* «рассвет» (от *бон* «день» + падежное окончание *-и* + *цъах* «синий, голубой, зеленый, серый, сизый»); *саринез* «головная боль; переносное значение – забота» (от *сар* «голова» + падежное окончание *-и* + *нез* «болезнь»); *донисар* «исток» (от *дон* «вода» + падежное окончание *-и* + *сар* «голова; начало») и т.д.

Следует отметить, что ввиду грамматической оформленности зависимого компонента такого типа конструкций обособление от словосочетаний аналогичного построения по признаку цельнооформленности становится затруднительным. Обособление происходит по признаку семантической целостности. Существуют также сложные существительные, зависимый компонент которых находится в форме некоторых других падежей, а опорный компонент представлен отглагольным именем, скажем: *геппайфинст* «ситец», *кьахайцуд* «пеший ход» – отложительный падеж; *кьохбалхуацаг* «шафер» – внешне-местный падеж; *нихмаләууәг* «противник», *нихмәцәуәг* «противник», *нихмәмпурст* «контрнаступление» – направительный падеж. Данный тип сложных существительных в дигорском диалекте является малопродуктивным.

б) сложные существительные с атрибутивными / определительными отношениями компонентов, которые устанавливаются в сложном слове в том случае, если зависимый компонент указывает на признак, качество предмета и отвечает в большинстве случаев на вопросы *какой? чей?* Первый компонент таких конструкций может быть представлен прилагательным,

отглагольным прилагательным, существительным в значении прилагательного, второй компонент – существительное, например: первый компонент прилагательное – *науагараэзда* «новостройка», *сауфага* «гречиха», *сауцъеу* «скворец», *саугъæда* «бор, чернолесье»; первый компонент отглагольное прилагательное – *хуацæнгарз* «оружие», *касæнцæстита* «очки»; существительное в значении прилагательного – *гъæдгарз* «деревянная вещь», *зариндзаргæс* «беркут», *силамæнауæ* «рожь» и т.д. Данные композиты продолжают сохранять прежние синтаксические отношения компонентов этого выражения и, по сути, продолжают оставаться словосочетаниями с неделимым лексическим значением. Это приводит к разнобою в орфографическом плане, т.е. эти слова пишутся то слитно, то раздельно.

В данном контексте особенно важным является выявление наиболее продуктивных моделей словосложения, потому что это «...делает возможным аналитическое понимание основного значения сложных наименований лица говорящим и структурирование с помощью соединения морфем для наименования действительности» [Иванова, 2014].

Следует отметить, что в современном осетинском языке и его диалектах решение вопросов, связанных с продуктивностью того или иного типа словообразования, имеет определенное теоретическое и практическое значение. «Теоретическая сторона проблемы является, можно сказать, общей для всех языков, но выводы для практических шагов, вытекающие из соответствующих теоретических предпосылок и определяющие продуктивность конкретных словообразовательных типов, могут быть, естественно, строго специфическими для каждого языка или даже типа» [Габараев, 1977, с. 20].

Так как семантическая структура сложного образования тесно связана с его морфологической структурой, в первую очередь следует рассмотреть особенности его морфемного состава с точки зрения наиболее продуктивных моделей и схем в

осетинском языке. Сложные имена существительные в дигорском диалекте осетинского языка в зависимости от их морфологической структуры образуют следующие группы:

1) композиты, образованные путем сложения двух компонентов-существительных. Существительное-определение в данном случае имеет форму родительного падежа, при этом оно может быть как грамматически оформленным, так и не иметь никаких формальных падежных признаков: *дорфæткъу* «боярышник» (от *дор* «камень» + *фæткъу* «яблоко»), *сæринез* «головная боль» (от *сæр* (*и*) «голова» + *нез* «болезнь»), *зæрдинез* «болезнь сердца» (от *зæрдаæ* «сердце» + *нез* «болезнь»), *реугудур* «грудная клетка» (от *реу* «грудь» + *гудур* «замок»), *галбиндзæ* «овод» (от *гал* «бык, вол» + *биндзæ* «муха»), *галхæпсæ* «жаба» (от *гал* «бык, вол» + *хæпсæ* «лягушка»), *комикъолаæ* «нёбо» (от *ком* «рот, пасть» + *къолаæ* «склон, наклон»);

2) композиты, образованные путем соединения существительного и отглагольного имени с суффиксом *-æн*: *къохдарæн* «кольцо, перстень», *къохаæхснæн* «мыло туалетное», *къохагæнæн* «причина, повод», *къохмæрзæн* «полотенце», *къохсæрфæн* «салфетка», *комуадзæн* «разговорье», *комбæттæн* «говенье», *сæрвасæн* «расческа», *сæрдасæн* «бритва», *сæрбæттæн* «косынка», *согсæттæн* «место для колки дров»;

3) композиты, в которых первым компонентом выступает существительное, а вторым – отглагольное имя, обозначающее лицо, производящее действие с суффиксом *-æг*: *къохбæлхуæцæг* «шафер», *дзолфицæг* «пекарь», *хæдзаргæнæг* «строящий дом», *уодбæлхуæцæг* «поддерживающий душу», *сæрбæлдзорæг* «защитник», *чиныгкæсæг* «читатель»;

4) композиты, первым компонентом в которых выступает существительное, а вторым – глагольная основа: *фидхуар* «мясоед» (от *фид* «мясо» + *хуа(æ)р(ун)* «кушать»), *æлдар* «господин, князь» (от *арм* (рука) + *дар* (*ун*) держать), *уосгор* «женях» (от *уосæ* «женщина, жена» + *кор* (*ун*) «просить»), *бæхгæс* «конюх» (от *бæх* «лошадь» + *кæс* (*ун*) «смотреть»), *тукангæс*

«продавец» (от *тукан* «магазин» + *кас* (*ун*) «смотреть»), *цъеусор* «ястреб» (от *цъеу* «птица, цыпленок» + *сор* (*ун*) «прогнать, догонять»), *лагмар* «убийца» (от *лаг* «человек, мужчина» + *мар* (*ун*) «убивать») и т.д. В данной группе слов следует отметить некоторую неоднозначность в вопросе их морфемной структуры, так как некоторыми учеными элементы *-гас*, *-дар*, *-хор* обозначены как глаголы в повелительной форме [Багаев, 1965, с. 174], а другие определяют их как именные полусуффиксы (наряду с *-дзау*, *-уат*, *-бын*) [Габараев, 1977, с. 103]. На наш взгляд, данный вопрос требует специального глубокого рассмотрения, но в рамках данной работы мы относим данные компоненты к глагольным основам;

5) композиты, образованные путем сложения прилагательного и существительного. Прилагательное выступает в роли определения и может выступать как в роли первого, так и второго компонента: *зәрдағидар* «смелый, отважный», *бағрағ-бон* «праздник», *фудабон* «мучение», *саунамыг* «черника», *хъабархуар* «ячмень»;

6) композиты, первым компонентом которых является отглагольное имя, а вторым – существительное: *хуацангарз* «оружие», *косангарз* «орудие труда», *касенцаеститсе* «очки», *косануат* «рабочая комната», *гъазануат* «место для игр», *цаугадон* «река»;

7) композиты, в состав которых входит количественное числительное и существительное: *артадехон* «череда», *ардзасифон*, *минсифон* «тысячелистник», *фиццагдидин* «первоцвет»;

8) композиты, которые представляют собой именные формы сложных глаголов: *ахуырганæг* «учитель», *уайганæг* «продавец», *гъарганæг* «вестник», *авзагзонунада* «языкознание», *гъауайганæг* «защитник, сторож».

Описанные группы сложных слов относятся к определительному типу. Как известно, между компонентами сложных слов в осетинском языке могут быть два типа отношений: сочинительные и подчинительные. Наиболее продуктивным сло-

вообразовательным типом в дигорском диалекте осетинского языка являются сложные существительные с подчинительной связью компонентов. Компоненты, составляющие данные композиты, могут находиться в падежном или атрибутивном отношении по отношению друг к другу. Этот факт сближает сложное слово со словосочетанием, ведь между компонентами словосочетания также возникает смысловая связь, определяемая характером отношения зависимого слова к главному. Эти смысловые отношения – синтаксическое значение словосочетания [Цаллагова, 2019, с. 75].

Образование композитов сложно-суффиксальным способом происходит путем сложения с участием суффиксов. Узуральные и окказиональные дериваты заключают в себе семантику словосочетаний с подчинительными отношениями между компонентами [Минеева, 2017, с. 393].

Сложно-суффиксальная деривация, так же как и префиксально-суффиксальная, относится к «...периферийным способам словообразования и не рассматривается среди активных процессов, свойственных современному языку, мало привлекает внимание ученых» [Минеева, 2015, с. 338].

Образование композита при сложно-суффиксальном способе происходит путем объединения двух или более основ и суффикса в одну сложную конструкцию, при этом по своему значению предшествующий компонент подчиняется опорному (*цъуххаессæг* «доносчик», *сæрдзæвæн* «булавка (головная)», *сæрбæлдзорæг* «заступник, защитник», *гъæдиндзаумæуттæгæнæг* «столяр, плотник», *будургъæуайгæнæн* «полезащитный» и т. д.). Процесс словосложения часто представляет собой свертывание словосочетания в единое целое [Кубрякова, 1972, с. 354].

Компоненты сложно-суффиксального слова практически всегда являются словосочетаниями, но с прибавлением к данной конструкции суффикса оно переходит из синтаксической плоскости в лексическую.

В том случае, когда стоит вопрос о разграничении словосочетания и сложного слова, объединяющий две основы в единое целое аффикс является признаком морфологической цельнооформленности композита [Цаллагова, 2011]. Так, композит *дзелкърордзауен* «собираение кочанов кукурузы, которые остались после уборки урожая» состоит из существительного *дзелкър* + усеченной формы глагола *дзау* (от *цауын*) + суффикса *-ен*.

В дигорском диалекте наиболее частотны сложения, вторая часть которых, будучи опорной, представлена глаголом: *къабаргаенæг* «пекарь, хлебопек», *донбадайттаг* «подающий воду», *сайгафæрсæг* «проведывающий больного», *дзуандæйттаг* «отвечающий, ответчик», *нивгаенæг* «художник», *хесаерфæн* «полотенце», *касалгдзауен* «рыбалка» и т. д.

Распространены также композиты, в которых первый компонент представлен количественным числительным: *цуппаркъоху* «четырёхпалый», *цуппардегъон* «четырёхслойный, квадратный», *цуппарбойнон* «четырёхдневный», *дууакомон* «обоюдоострый (нож, кинжал)», *дууадæстæнон* «двенадцатиструнный» и т. д.

Так как в роли опорного компонента в композитах-существительных чаще всего выступает глагол, при сложно-суффиксальном способе образования наиболее продуктивными оказываются отглагольные и именные суффиксы *-æг*, *-æн*, *-адæ*, *-уг*, *-дзийнадæ*.

Суффикс *-æг* живой, продуктивный. При помощи суффикса *-æг* образуются отглагольные и отыменные существительные [Грамматика..., 1963, с. 103]. Данный суффикс в дигорском диалекте, так же как и в иронском, имеет значение действующего лица или предмета, а в некоторых случаях и результат действия [Багаев, 1965, с. 164]. Первый компонент – имя существительное, опорный компонент – глагол. При этом первый компонент служит уточнителем второго: *бундорæвæрсæг* «учредитель, основатель, основоположник», *буройнагæнæг*

«громитель», *гъарæнгаæгæнæг* «плакальщица», *незафтауæг* «заразитель», *къерефицæг* «пекарь осетинских пирогов» и т. д.

При помощи суффикса *-æн* в осетинском языке образуются в основном отглагольные имена существительные, которые обозначают [Грамматика..., 1963, с. 105; Габараев, 1977, с. 111]:

а) орудие (предмет), предназначенное для выполнения какого-либо действия: *сарвасæн* «расческа», *буцаеугæнæн* «подпорка», *пурхагæнæн* «то, чем разбивают, ломают, разламывают», *къохмæрзæн* «полотенце, носовой платок», *къаххафæн* «приспособление для очистки обуви от грязи», *къахахæссæн* «палка с крючком (при помощи которой пастухи ловят овец), *къохахснæн* «мыло (туалетное)» и т. д.;

б) место действия: *къахæвæрæн* «подставка для ног; место, куда можно ступить ногой; лестница; ступенька», *къелгæнæн* «ложка для надевания обуви», *къереверæн* «посуда для пирогов», *къирсодзæн* «место обжига известняка, печь для обжига известняка» и т. д.;

в) время действия: *бонивайæн* «рассвет», *картофкъахæн* «время уборки картофеля», *хумгæнæн* «время пахоты», *хуасгæрдæн* «сенокос» и т. д.

Суффикс *-адæ* обозначает действие, процесс или название предмета по действию. Суффикс *-адæ* придает именам существительным отвлеченное значение, имеет как отыменное, так и отглагольное употребление [Багаев, 1965, с. 167; Грамматика..., 1963, с. 107]. В качестве первого компонента может выступать: существительное – *æвзагахурадæ* «языкознание, языковедение», *æмгъудикæнуйнадæ* «единомыслие», *бæхдаруйнадæ* «коневодство», *гобаткæнуйнадæ* «окучивание», *гъæддухадæ* «упругость», *гъуддагихалуйнадæ* «дезорганизация; вредительство», *гъудикæнуйнадæ* «мышление» и т. д.; прилагательное – *бæлвурдкæнуйнадæ* «определение, исследование, выяснение»; *наеуæгкæнуйнадæ* «возобновление; обновление», *растфинсуйнадæ* «правописание» и т. д.

Суффикс *-дзийнада* является сложным, так как состоит из суффиксов *-дзин* и *-ада*. Это чрезвычайно продуктивный суффикс в обоих вариантах современного осетинского языка. Он образует большое количество имен существительных с отвлеченным значением, имеет и отыменное, и отглагольное употребление.

Существуют различные модели композитов, образованных с помощью суффикса *-дзийнада*:

существительное + существительное + суффикс (*билаескъ-гъладзийнада* «брезгливость, кичливость, пренебрежение», *гъаеддудхийнада* «стойкость, твердость, упорство» и т. д.);

прилагательное + глагол + суффикс (*боцахурдзийнада* «изнеженность, избалованность» и т. д.); существительное + глагольная основа + суффикс (*бундардзийнада* «наследственность, наследие», *гертанесундзийнада* «взяточничество, лихоимство», *гъосдарундзийнада* «внимательность; присмотр; постоянное наблюдение», *дзурдарехстдзийнада* «красноречие; находчивость, остроумие» и т. д.);

числительное + существительное + суффикс (*дузæрдугдзийнада* «сомнение, колебание, нерешительность», *еуæдондзийнада* «последовательность», *еузæрдондзийнада* «единодушные, верность, преданность, привязанность»);

существительное + прилагательное + суффикс (*зæрдхалардзийнада* «доброжелательство, доброта, добродушие»; *уæнмарддзийнада* «вялость, апатия, упадочничество» и т. д.).

Следует отметить, что суффиксы *-ада* и *-дзийнада* одинаковы по своему значению, ввиду чего часто могут взаимозаменяться: *растада* / *растдзийнада* «правда», *æмбайлада* / *æмбалдзийнада* «дружба» и т. д. [Таказов, 2009, с. 114].

Существительные с суффиксом *-уг* имеют значение, характеризующееся наличием того, что названо мотивирующим [Габараев, 1977, с. 112]: *æртъафуг* «тысячелистник», *æртивæрсуг* «треугольник», *æртикъахуг* «треножник», *æртитъафуг*

«клевер», *артхотуг* «пепел», *берастьæлфуг* «многоточие», *дузæрдуг* «сомнение, колебание» и т. д.

Суффикс ир. *-ыз* / диг. *-уз* в осетинском языке является малопродуктивным, поэтому определить словообразовательные модели с его участием сложно.

Значительным деривационным потенциалом обладают имена существительные с нулевым суффиксом, однако «... степень реализованности этого потенциала обусловлена определенными факторами: незначительной востребованностью конечного продукта деривационного акта, конкуренцией с материально выраженными суффиксами, а также действием различных собственно языковых ограничений» [Гаврилкина, 2008, с. 43].

По мнению Н.Я. Габараева, к суффиксально-сложным существительным в осетинском языке можно отнести и сложные существительные с нулевым суффиксом [Габараев, 1977, с. 112]. Однако нет такого словообразовательного значения, которое было бы закреплено только за нулевым суффиксом, он всегда конкурирует с материально выраженными суффиксами [Гаврилкина, 2016, с. 30]. Так, дигорские *лагмар* «убийца», *хугæс* «свинопас», *уосгор* «жених», *магургор* «нищий, бедняк» и т. д. по характеру взаимоотношений и по лексико-грамматической принадлежности компонентов (существительное и глагол) схожи с суффиксально-сложными существительными с суффиксом *-æг*. Они обозначают предмет (одушевленный или неодушевленный), производящий действие, названное опорной основой и конкретизированное первым словом сложения. Первый компонент – существительное в именительном падеже, второй – чистая основа переходного глагола настоящего времени [Габараев, 1977, с. 112].

Следует отметить, что в осетинском языке вопрос нулевой суффиксации недостаточно исследован. Между тем несомненный интерес представляют синонимичные нулевые и ненулевые суффиксы, анализ причин, по которым в той или иной ре-

чевой ситуации предпочтение отдается тому или иному.

Таким образом, в ходе рассмотрения сложных существительных дигорского диалекта осетинского языка выявлено, что по характеру взаимоотношений компонентов сложные существительные подразделяются на два типа: с сочинительной и подчинительной связью между компонентами. Для сочинительной связи характерно объединение понятий одной семантической группы, составляющие компоненты независимы друг от друга, чем и обусловлено сохранение формальных грамматических признаков каждого из них. Наиболее продуктивным словообразовательным типом являются сложные существительные с подчинительной связью компонентов. Компоненты, составляющие данные композиты, могут находиться в падежном или атрибутивном отношении по отношению друг к другу.

Композитные прилагательные

Имена прилагательные, по мнению Е.С. Кубряковой, обладают свойством двойной референции: «...референции к миру действительности, типичной для класса слов вообще, и референции к миру слов, типичной для вторичных единиц номинации» [Кубрякова, 1981, с. 10]. Первое свойство свидетельствует о наличии у производного слова (прилагательного-комполита) индивидуального лексического значения, второе же «указывает на источник этого значения и особую форму его существования» [там же, с. 10].

При рассмотрении композитных прилагательных дигорского диалекта осетинского языка в аспекте их структурно-семантического разнообразия наибольшие трудности возникают при установлении границ между именными частями речи. Большинство исконных имен представлено чистой основой, преимущественно с консонантным исходом. Отсутствие морфологических показателей, которые бы характеризовали слово в исходной форме как единицу, приводит к тому, что в осетин-

ском языке слабо выражены различия между существительными и прилагательными. Осетинское имя, взятое вне предложения, не может быть с полной определенностью отнесено ни к той, ни к другой части речи, так как не обладает какими-либо внешними, эксплицитно выраженными признаками и нередко выражает как признак, так и носителя [Сатцаев, 2017, с. 6].

Следует отметить, что изучение проблемных вопросов, связанных с именем прилагательным в осетинском языке, разработка теоретических проблем, параметров лексикографической репрезентации этой части речи играют важную роль в описании современного состояния грамматического строя осетинского языка и должны вестись постоянно [Гацалова и др., 2015; Парсиева и др., 2015].

Прилагательному онтологически присуща признаковость (отношение, в том числе ценностное) как основа качества, а его типология базируется на различиях между носителями признака, объектами оценки. Оно указывает на определенное состояние, качество, признак, присущий или приписываемый объекту. Имя прилагательное нуждается в полном комплексном осмыслении его семантико-грамматических и коммуникативно-функциональных свойств на основе аксиологического подхода [Парсиева и др., 2015].

В дигорском диалекте, как и в иронском, имена прилагательные по своим формальным грамматическим признакам, как правило, неотделимы от существительных. Так, слово *заеронд* означает не только «старый», но и «старик», слово *сугъзаерийнае* означает и «золотой», и «золото». Качественные прилагательные не имеют специфических аффиксов, как в русском языке. Они обозначают признаки предметов, воспринимаемые непосредственно, например: *уорс* «белый», *дзаебах* «хороший», *аеригон* «молодой».

Имена прилагательные имеют три степени сравнения, однако их наличие также не может служить опознавательным признаком прилагательных: 1) положительная степень не име-

ет особой формы: *бор* «желтый», *минкбий* «маленький», *хуарз* «хороший» и т.д.; 2) сравнительная степень образуется присоединением суффикса *-дæр* к положительной степени: *сау* «черный» – *саудæр* «чернее», *барзонд* «высокий» – *барзонддæр* «выше» и т.д. Интересно, что в осетинском языке существуют два слова, которые не имеют положительной степени: *хестæр* «старший, главный» и *кæстæр* «младший». Сравнительная степень в этих словах заложена этимологически. Исходной иранской моделью слова *хестæр* является *hva-sta-tara* (сравнительная степень, от превосходной), означает «главный деятель», «главный участник какого-либо действия», «старший по положению или по возрасту». Здесь *-tara*, как мы видим, суффикс сравнительной степени. Модель слова *кæстæр* схожая, восходит к иранскому *kasu* «малый» + суффикс – *tara* [ИЭ]; 3) превосходная степень выражается описательно с помощью слов: *еугуремай* «из всех, самый, из всего» (скажем, *еугуремай устурдæр* «больше всех, самый большой из всех»), *еугур* «со всем» (скажем, *еугур хуарз* «совсем хорошо, самый лучший»), *тæккæ* «самый» (скажем, *тæккæ минкбийдæр* «самый маленький из всех») и т.д. [Исаев, 1966, с. 49; Таказов, 2009, с. 46].

Говоря о превосходной степени, нужно отметить существование таких образований, которые по своему характеру примыкают к последним. Однако идентификация их осложнена ввиду неоднозначности их семантики и структуры, что однозначно говорит об их промежуточном характере. Так, в существующих грамматиках дигорского диалекта осетинского языка отмечены образования, которые определены как словосочетания качественных прилагательных и наречий: *фур* «слишком» (скажем *фур цъумур* «слишком грязный»), *хуарз* «совершенно» (скажем *хуарзрæвдзæй* «вполне готовый, в полном снаряжении», перен. «совершенно пьяный»), *бунтон* «совершенно, слишком» (скажем, *бунтон цæхгун* «слишком соленый»), *сæнт* «очень» (скажем, *сæнт сау* «очень черный, черный-пречерный») и т.д. [Исаев, 1966, с. 49; Таказов, 2009, с.

46]. В то же время в словарях данные образования отнесены к композитам, о чем говорит также их орфографическое оформление, т.е. слитное написание. Скажем, *саент* – определен как усилительная частица при прилагательных, обозначающих цвет, очень, совсем, совершенно (самостоятельно не употребляется): *саентуорс* «совершенно белый», *саентбор* «русый, светло-желтый, ярко-жёлтый», *саентсау* «совершенно черный», *саентсурх* «ярко красный», *саентдзаэф* «придурок, придурковатый, глуповатый» и т.д.

Слово *сах* имеет два основных значения «пристально, напряженно, сильно, растерянно, недоуменно» и «сильный». Употребляется как самостоятельно, но очень часто входит в состав композитов-прилагательных для придания интенсивности: *сахуазал* «сильный холод», *сахраесугд* «очень красивая» и т.д.

Слово *сатаэг* имеет значения «тень, прохлада; прохладный» и «чистый; прозрачный». Однако в составе композита является усилительным элементом, например, *сатаэгсау* «очень черный, иссиня-черный».

Слово *хуарз* определено в одном случае как наречие «очень, весьма; совсем, совершенно; вполне», в другом – как начальная часть сложного слова «хороший, добрый; совершенно, очень»: *хуарзамбуд* «совершенно гнилой, полностью сгнивший», *хуарзенбуд* «хорошо заквашенный», *хуарзеригон* «юный, совсем молодой», *хуарзефснайд* «опрятный» и т.д. [ДРОС].

Необходимо заметить, что в тех иранских языках, которые не различают рода, для имен прилагательных весьма существенно, в какой синтаксической функции они используются. Так, выступая в своей основной функции – атрибутивной, а также предикативной, прилагательные употребляются в виде чистой основы или в исходной форме. В том же случае, когда прилагательные выступают самостоятельно, т. е. в субстантивной функции, они получают такое же морфологическое

оформление, что и существительные [Индоевропейские..., 1978, с. 214].

Сложные прилагательные во многих языках характеризуются высокой частотностью употребления. Это обусловлено изменениями в экономической, социальной, технической сфере, развитием информационных и коммуникационных технологий [Арискина, 2019, с. 126].

В современном осетинском языке наряду с образованием имен прилагательных при помощи аффиксов большое место в пополнении этой части речи словами занимает словообразование при помощи словосложения. В существующих грамматиках осетинского языка типологическая характеристика сложных имен прилагательных в основном базируется на частеречном анализе составляющих их компонентов и степени деривационной активности той или иной словообразовательной модели [Багаев, 1965, с. 204; Грамматика..., 1963, с. 141-144].

Более углубленно словосложение прилагательных в осетинском языке рассмотрено в трудах Н.Я. Габараева [Габараев, 1963; 1977]. Здесь кроме частеречной характеристики проведен анализ отношений между образующими сложное слово компонентами.

Вместе с тем, следует отметить, что описанные труды посвящены иронской форме осетинского языка. Сложные имена прилагательные дигорского варианта осетинского языка никак не отражены в существующих на сегодняшний день грамматиках.

Имена прилагательные в осетинском языке образуются: аффиксальным способом, путем сложения, сложения в сочетании с суффиксацией. В основу типологии имен прилагательных в дигорском диалекте осетинского языка нами положена классификация по типу отношений между компонентами композита, предложенная Н.Я. Габараевым. По данной классификации композиты-прилагательные разделяют на сложные име-

на прилагательные с сочинительным типом отношений между компонентами и сложные имена прилагательные с подчинительным типом отношений между компонентами.

Композиты-прилагательные с сочинительным типом отношений между компонентами в дигорском диалекте осетинского языка образуются несколькими способами.

Некоторые из них образуются путем объединения двух качественных прилагательных, обозначающих цвета: *ирдцъах* «светло-голубой», *сурхгъолон* «пестровато-красный», *тарбор* «темно-желтый», *тарцъах* «темно-синий, темно-зеленый, темно-серый», *тармора* «темно-коричневый», *фэлорсбор* «бледно-желтый» и т.д.

Довольно многочисленны сложные прилагательные, так называемые редупликаты. В процессе редупликации в данных сложных образованиях происходят различные фонетические изменения. Компоненты композитов-прилагательных могут представлять собой повтор одного и того же прилагательного с чередованием превербов *ра-* *ба-* (*ракъалос-бакъалос* «извилистый, петлистый, змеистый»), с различными падежными формами (*дæргъаей-дæргъаема* «очень длинный»), или же повтор близких по значению прилагательных: *игон-игæрца* «голый, ободранный, общипанный». Часто один из компонентов близок по своему звуковому составу первому, но при этом не имеет самостоятельного употребления: *дæсæ-мæсæ* «удивительный, чудесный» (ср. *дæсæмæсойнаг* удивительный), *лæсæ-уæсæ* «медлительный, мешковатый», *къадзон-мадзон* «извилистый, изгибистый», *зулун-мулун* «кривой», *гъолон-молон* «пёстрый, разноцветный» и т.д.

Выделяются также образования, в которых оба компонента не имеют собственного значения: *турхъæ-мурхъæ* «корявый», *каркæ-мæркæ* «яркий, пестрый, блестящий», *къæра-мæра* «пёстрый, разноцветный», *къиссе-биссе* «капризная, манерная, балованная», *тахæр-мæхæр* «расторопный, проворный, прыткий, резвый» и т.д.

Довольно многочисленна группа сложных прилагательных, которые являются результатом заимствований из русского языка: *тугъдон-революцион* «военно-революционный», *дзиллон-информацион* «общественно-информационный», *дзиллон-организацион* «общественно-организационный», *дзиллон-политикон* «общественно-политический», *тугъдраенгъон* «военно-строевой», *тугъдуацайраг* «военнопленный» и т.д.

Среди композитов-прилагательных с сочинительным типом отношений компонентов привлекает особое внимание слово *рауонцион* «деловой, находчивый, предприимчивый», которое при разборе компонентов представляет собой *ра* (*y*) + *он* – *ци* + *он*. Предположительно *ра-* представляет собой глагольную приставку, которая: 1) придает значение совершенного вида, скажем, *барун* «мерить» – *рабарун* «померить, измерить»; 2) означает движение наружу – *цаун* «идти» – *рацаун* «выйти»; 3) выражает многократность или длительность действия; *рацо-бацо каунун* «прохаживать, ходить туда-сюда»; 4) выражает движение в направлении от говорящего – *рандае ун* «уйти»; 5) показывает быстрое и поверхностное действие – *ранимайун* «сосчитать, посчитать (быстренько)» [ДРС]. *Ци* «что» – вопросительно-относительное местоимение. В обоих компонентах образования присутствует суффикс *-он*, который представляет собой один из высокопродуктивных именных суффиксов. Прилагательные с данным суффиксом имеют общее значение «относящийся к тому, или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» [Габараев, 1977, с. 120]. Следует отметить также звуковое сходство первого компонента с глаголом *рауон* «букв. становлюсь». В данном случае мы затрудняемся делать какие-либо выводы по поводу образования этого сложного композитного образования, сложным представляется также привлечение аналогичных конструкций, хотя ввиду недостаточной изученности мы не можем утверждать их отсутствие.

Наибольшую продуктивность имеют сложные прилагательные с подчинительным отношением компонентов. По

своей структуре и частеречной принадлежности компонентов можно выделить следующие группы:

1) первый компонент – уточнительное слово, представленное прилагательным, второй компонент – опорный, представлен существительным (производным или непроизводным): *аевидсар* «стриженный, стриженная голова», *амбесахур* «недоучка, полуграмотный», *анцондзурд* «нетребовательный», *анцзулддзасгон* «морщинистый», *багъанреу* «с непокрытой грудью», *багъансар* «с непокрытой головой», *базархуг* «коренастый, ширококостный», *базгинарфуг* «с густыми бровями», *болатфарс* «стальногрудый», *бордзикко* «рыжеволосый», *ирухстзарда* «невнимательный, рассеянный» и т.д.

2) первый компонент – опорный, представлен существительным (производным или непроизводным), второй компонент – уточнительное слово, представленное прилагательным: *адæмуарзон / адæнуарзон* «человеколюбивый, гуманный; любимый народом», *дзурдавзугъд* «красноречивый, речистый», *донахуыр* «водолюбивый», *дорæмведар* «крепкий, твердый», *загъдамхец* «склонный к драке, спору» и т.д.

3) первый компонент – уточняющее слово, в качестве которого выступает прилагательное (наречие), второй компонент – опорный, причастие: *науаегигурд* «новорожденный», *зинбухсаен* «труднопереносимый», *зинладарсен* «невнятный, непонятный; труднопонимаемый»; перен. «недоступный (для понимания)», *изолдзаст* «дальнозоркий», *къасхураарæзт / къасхуртаарæзт* «худощавый, худощаво сложенный», *сорфунх* «приготовленное на плите (без масла или жира)», *сурмадзаст* «косоглазый», *сурхгонд* «покрашенный в красный цвет», *тарахгаед* «твердо, крепко запертый», *таехбид* «сплетенный на скорую руку» и т.д.

4) первый компонент – существительное со значением косвенного падежа, служащее уточняющим словом, второй компонент – опорный, представленный причастием: *золкъахуард* «червивый», *бахдарсен* «конеvodческий», *галхуард* «нищий,

бедняк», *гобелбаст* «малоречивый, молчаливый», *гьунагонд*, *гьунахусерд* «заплесневелый», *коммагас* «послушный, покорный», *тогавдулд* «окровавленный» и т.д.

5) первый компонент – существительное со значением косвенного падежа, служащее уточняющим словом, второй компонент опорный, представленный прилагательным: *зердиронх* «забывчивый», *зердирахс* «радость; радостный», *тасамхацца* «тревожный», *тогмасор* «слабонервный; впечатлительный», *сугайдзаг* «полные слез», *зердахцауен* «приятный; чарующий; очаровательный» и т.д.

Суффиксально-сложные прилагательные в дигорском диалекте состоят из опорного компонента, в роли которого чаще всего выступает существительное или глагольная основа, а в роли первого компонента – числительное или существительное. Чаще всего компонентами суффиксально-сложных слов становятся такие суффиксы, как *-аг*, *-он* (*-иккон*), *-аен*.

С помощью суффикса *-аг* образуются сложно-суффиксальные относительные прилагательные от имен существительных, указывающих на принадлежность к определенной национальности или на отношение к месту или времени [Грамматика..., 1963, с. 147]: *гьаубастаг* «односельчанин», *донгаеройнаг* «береговой», *донгойнаг* «прибрежный», *донибийлаг* «береговой», *донгоймаг* «подводный», *зиндойнаг* «адский, невыносимый», *тугьдуацайраг* «военнопленный», *астаудзамайнаг* «средневековый» и т. д. Кроме того, суффикс *-аг* может указывать на предназначение: *гьосдаруйнаг* «к сведению, вниманию», *дехкаенуйнаг* «делимое», *гьомбэлкаенуйнаг* «воспитанник», *зердабэлдаруйнаг* «памятка», *иразуйнаг* «то, что должно расти, развиваться; ребенок (растущий)», *дуззердуггаг* «под сомнением; сомнительный, вызывающий сомнение» и т. д.

Довольно частотны образования, первым компонентом которых служит числительное: *дукагзаэддаг* «второго окога, второго отела», *еухэдзайраг* «однодомный, с одного дома» и т. д. С помощью суффикса *-он* (*-иккон*) образуются сложно-суф-

фиксальные имена прилагательные, в которых опорным компонентом является существительное, а конкретизирующим – числительное или количественное слово (*астанзон* «восьмилетний», *дасанзиккон* «десятилетний», *севдодон*, *севдуодон* «семидушный, живучий», *севдсерон* «семиглавый», *сертибойнон* «трехдневный», *сертаетегъон* «треугольник, трехгранный», *бераминон* «многотысячный», *бераехаттон* «многократный» и т. д.; прилагательное – *бераегуатон* «справочный», *растравгон* «обыкновенный, обычный», *расткъумон* «прямоугольный» и т. д.; существительное – *бахафсעדдон* «кавалерист», *адамуарзон*, *адануарзон* «человеколюбивый, гуманный», *бауаргъадон* «вещественный», *есбойнон* «собственный, собственнический, состоятельный» и т. д.

Отдельную группу составляют сложные образования с префиксоидами (корневая морфема, выступающая в функции приставки (префикса)): *сердаганзиккон* «полугодичный; полугодовый», *сердагфеодалон* «полуфеодальный», *сендкъайадон* «внебрачный», *сендакъласон* «внеклассовый», *сенпаетамалон* «всемерный», *сенпаетфаеткон* «общепринятый» и т. д.

В сложно-суффиксальных прилагательных с суффиксом *-аен* в качестве опорного компонента выступает всегда основа глагола, а конкретизатором становится существительное (*аегъдауаваераен* «законодательный», *аехсавхуссаен* «спальный, ночной», *билдауаен* «лицеприятный, лицемерный», *гаенигустгаенаен* «льноводческий», *гауизгаенаен* «ковровая (фабрика)» и т. д.; реже прилагательное (*агасгаенаен* «живительная пища, напиток; целебное средство», *сергомгаенаен* «обличительный» и т. д.).

Таким образом, композиты-прилагательные отличны от простых тем, что их словообразование происходит путем комбинаций известных в языке слов и основ слов. По типу отношений между компонентами композиты-прилагательные бывают двух типов: 1) композиты-прилагательные с сочинительным типом отношений между компонентами; 2) композиты-прила-

гательные с подчинительным типом отношений между компонентами. Наиболее продуктивным является второй тип, в котором, основываясь на структурных особенностях и частеречной принадлежности компонентов, четко выделяются пять групп.

Композитные наречия

В современном осетинском языке имеется довольно многочисленная группа слов, которые обозначают признак действия. Синтаксически они представляют собой обстоятельственные слова. Речь идет о категории наречия. Наречием называется часть речи, выражающая признак действия, состояния или степени качества, а также различные обстоятельства [Грамматика..., 1963, с. 199].

Наречие – класс слов, объединенных общим грамматическим концептом, включающим в свой состав следующие коммуникативно-смысловые компоненты: номинация, детерминация, интерпретация, вторичная предикация [Яцкевич, 2011, с. 244].

В осетинском языке большинство качественных имен прилагательных в виде чистой основы может выступать в значении наречия, например: ир. *хорз тыллаг* / диг. *хуарз тиллаг* «хороший урожай», но: ир. *хорз зоньин* / диг. *хуарз зонун* «хорошо знать»; ир. *сабыр цард* / диг. *сабур цард* «мирная жизнь», но: ир. *сабыр дзур* / диг. *сабур дзорæ* «тихо говори» и т.д. Причиной недифференцируемости прилагательного от наречия является отсутствие у него формальных признаков [Гацалова и др., 2015].

Если слово служит определением к существительному, то речь идет об имени прилагательном. Если же слово указывает на признак действия или качества, то речь идет о наречии. Прилагательное в качестве определения всегда стоит перед определяемым существительным, а наречие может стоять как перед, так и после слова, к которому оно относится: *сындаг*

кусы и кусы сындаæ «медленно работает», *тагъд цауы и цауы тагъд* «идет быстро», *раесугъд зары и зары раесугъд* «поет красиво» и т.д.

Наречие представляет собой «...полифункциональное слово, причем в самых различных интерпретациях этого термина, обладающее большим функционально-прагматическим потенциалом» [Панков, 2004, с. 114].

Наречия по их значению подразделяются на наречия качественные, количественные и обстоятельственные. В осетинском языке наречия образуются от существительных, прилагательных, местоимений, глаголов, числительных и других наречий. К тому же одним из продуктивных способов является словосложение. Если образование новых слов в языке (словопроизводство) представляет собой мгновенный словообразовательный процесс (акт), то возникновение новых словообразовательных моделей (моделеобразование, или моделе-производство) относится к числу длительных эволюционных процессов, протекающих в словообразовательной системе языка, и связано со сменой словообразовательных отношений [Николаев, 1987, с. 35]. Ввиду этого, крайне важно рассмотрение композитных образований с точки зрения словообразовательных моделей, по которым они построены.

Наречие осетинского языка весьма разнообразно по своим характеристикам и на фоне остальных лексико-грамматических классов, благодаря своим многочисленным специфическим особенностям представляет собой интересный объект исследования. В процессе его анализа обнаруживается много любопытных явлений, освещение которых дает возможность яснее представить общую структуру всей системы языка, фундаментальные части этой системы и взаимодействие этих частей в построении речи [Тибилова, 2002].

Композиты-наречия представляют собой немногочисленный разряд слов, состоящий из двух (реже трех) компонентов. По характеру они являются «гомогенными и гетерогенными».

Грамматические отношения между компонентами сложных наречий, в принципе, так же как и у сложных существительных и прилагательных, строятся на основе сочинения и подчинения. В большинстве случаев наречные композиты имеют усиливающее или обобщающее значение [Алиева, 2016].

Композиты-наречия с сочинительным отношением компонентов в дигорском диалекте условно можно разделить на несколько структурно-семантических типов:

1) наречия, образованные путем повторения одного и того же существительного в форме именительного падежа единственного числа (*дондон* «вдоль реки», *раенгъæ-раенгъæ* (мн. *раенгъитæ-раенгъитæ*) подряд; рядами, в ряды, *рагъ-рагъ* «по гребню», *картæ-картæ* «кучами») или же в результате сочетания разных основ в формах различных падежей: *фæди-фæдмæ* «навсегда», *хаттæй-хатт* «иногда», *тухæй-фудти* «с трудом», *бон-изæрмаæ* «с утра до вечера», *рауæнæй-рауæнти* «местами», *барæй-æнæбар* «волей-неволей», *мæйæй-мæйæмæ* «от месяца к месяцу; ежемесячно, помесечно», *нихæй-нихмæ* «друг против друга, лицом к лицу», *номæй-номмæ* «поименно», *сæрæй-сæрмаæ* «всё, от начала до конца», *сæрмаæ-сæр* «равноценно», *тъума-тъумамæ* «во веки веков, до бесконечности, до неопределенных времен», *фæлтæрæй-фæлтæрмаæ* «из поколения в поколение», *тъума-тъуматæй* «с незапамятных времен», *фæрсæй-фæрсмæ* (мн. *фæрсæй-фæрстæмæ*) «рядом, бок о бок, сплошь», *рæстæгæй-рæстæгмæ* «время от времени, временами», *кари-карон* «в конце-концов», *æстæнæй-æстæнмæ* «изредка, иногда, временами, время от времени»;

2) наречия, образованные путем повторения наречия с суффиксом, омонимичным флексии направительного падежа: *уæлæмæ-уæлæмæ* «постепенно вверх», *дæлæмæ-дæлæмæ* «постепенно вниз», *размæ-размæ* «вперед», *фæстæмæ-фæстæмæ* «назад», *тагъд-тагъд* «второпях», или же путем сочетания разных наречий: *уæдæй-нурмæ* «с того времени, до сих пор», *рагæй-æрæгæмæ* «с давних пор, испокон веков»; встречаются

также образования, включающие в себя одно и то же наречие в разных падежных формах (направительного и отложительного): *уәдәәй-уәдәә* «с тех пор, с того времени, по то время, столько времени»;

3) наречия, образованные путем повторения одного и того же слова, в основном деепричастия с суффиксом *-гә* или *-гәй*: *дзоргә-дзоргәй* «разговаривая» (от глагола *дзорун* «говорить»), *уайгә-уайгәй* «на бегу» (от *уайун* «бегать»), *хуәргә-хуәргә* «кушая» (от *хуәрун* «кушать»), *хусгә-хусгәй* «во время сна» (от *хуссун* «спать»), *зонгә-зонгәй* «зная» (от *зонун* «знать») и т.д. Данная группа довольно многочисленна, особенно продуктивным является образование наречий с вариантом суффикса *-гәй*. Реже встречаются наречия, в образовании которых участвуют разные основы, скажем *тъунсгә-наәнгә* «полным-полно»;

4) наречия, компонентами которых выступает деепричастие с суффиксом *-гә* и инфинитив несовершенного вида того же глагола: *тәәдзгә-тәәдзун* «капая, протекая», *тәхгә-тәхун* «на лету», *гъазгә-гъазун* «играя, во время игры», *кәрдгә-кәрдун* «разрезая, скашивая». Следует отметить промежуточный характер данных форм, так как они не полностью еще оторвались от деепричастного значения. Ввиду этого в одних источниках они включены в разряд деепричастий [Багаев, 1965, с. 357; Грамматика..., 1983, с. 273], а в других они определены как особая форма глагольных наречий [Абаев, 1959, с. 65]. По сравнению с иронской формой, данный тип наречий в дигорском не так продуктивен;

5) наречия, образованные путем редупликации одного и того же прилагательного с фонетическими изменениями во втором компоненте композита: *зулун-мулун* «вкривь и вкось», *карст-барст* «точь-в-точь», *къәдзә-мәәдзә* «вкривь и вкось», *сонт-монт* «нежданно-негаданно», *къолтә-молтәй* «покачиваясь, переваливаясь», *хъентә-ментә* «беспорядочно», *дурус-мурустәй* «правдами-неправдами», *хәргәи-дурәгәи* «с

опозданием», *сенцад-сенцад* «медленно, спокойно; постепенно, понемногу»;

б) наречия, образование которых происходит путем сочетания двух или более местоимений в различных падежных формах: *сенай-сеной* «будто; в конце концов», *сенай-сеной-ти* «невзначай, случайно, ненароком», *ама-уомайсей, ама-уотсей* «абы как, просто так», *кадсей-уадсей* «наконец-то», *кадсей-фанди* «хоть с какого времени», *каддаер-некад* «наконец-то», *амити-уомити* «там и сям, кое-где», *ами-уоми* «там и сям, кое-где», *ат-уот* (мн. *атит-уотит*) «так-сяк, так и этак», *куддаер-муддаер* «кое-как, едва» и т.д.

Композиты-наречия, в которых между компонентами подчинительные отношения, роль опорного компонента обычно выполняет существительное (реже – наречие), а атрибутивную функцию выполняют местоимения, наречия, числительные, послелог. По своей структуре и лексико-грамматической принадлежности компонентов сложные наречия с подчинительной связью между компонентами можно разделить на следующие группы:

1) наречия, первым компонентом которых выступают наречия и местоимения, а вторым – послелог *ардагэй / ардигэй* «сторона»: *фастардигэй / фастердигэй / фастердигэй* «сзади, с тыла», *фастагардаема* «впоследствии; к концу», *фалардигэй* «с той стороны, на той стороне», *цалардаема* «в какую сторону, в каком направлении», *ескацирдаема* «в какую-нибудь сторону», *ецирдаема* «в ту сторону, в том направлении», *файнардаема* «в разные стороны», *ескацирдигэй* «с какой-нибудь стороны», *далардагэй / далардигэй* «снизу, с нижней стороны», *далардаема* «вниз, книзу, в нижнюю сторону», *аллирдаема* (мн. *аллирдаемита*) «во все стороны, по всем направлениям», *ацирдаема* «в эту сторону», *ардигэй, ардагэй* «отсюда», *урдаема* «туда», *урдагэй* «оттуда», *кылдунардаема* «в обратную сторону», *саумардаема* «под утро, к утру» и т.д.;

2) наречия, в которых первый компонент местоимение, второй – наречие: *уайсор* «сразу, быстро, вмиг, вскоре», *уайсо-ри* «сразу, вскоре, быстро; приготовленное наскоро, на скорую руку», *уайтэкке* «тотчас же, без промедления, немедленно, сразу», *уайтагъд* (*уайтагъддэер* – усилительная форма) «тотчас же, без промедления, немедленно, сразу, сейчас же», *иннабон* «послезавтра», *иннасердаема* «в другую сторону» и т.д.;

3) первый компонент выражен местоимением или числительным, второй – наречием, существительным или послелогом: *иннабон* «послезавтра», *аендэраехсэв* «позавчера ночью», *амэйаендаема* «отныне, впредь, с этого времени», *амэйразма* «недавно, до этого времени, до сих пор; прежний, предыдущий», *амэйфаэстаема* «отныне, впредь, с этого времени, в последующем, в дальнейшем», *ециафон* (*и*) «в это (то) время», *еуанз* «давно, когда-то, в каком-то году», *еубон* «как-то, на днях, недавно; в один день; как-нибудь», *аллисауэнга* «всякий раз, каждый раз», *аллирауэн* «везде, всюду, повсюду, повсеместно», *цанэбэрагэ* / *цанэбэрагэги* «немного, не очень много, незначительно; не совсем хорошо, неважно», *алливарс* «со всех сторон, вокруг, кругом», *ациафон* / *ациафона* «это (самое) время, в эту (самую) пору», *ацифаэдэй* / *ацифаэдбэл* «заодно, походя», *абони* «сегодня», *ауалдзэги* «этой весной»;

4) первый компонент выражен наречием, второй – существительным или наречием: *изэрсарэй* «весь вечер, целый вечер; с вечера», *исонизэер* / *исонизэрта* «завтра вечером», *абонэйфаэстаема* «отныне, с сегодняшнего дня», *абонсарэй* / *абонсерккеэй*, *абонсарккеэй* «с раннего утра, весь день», *фарэациафона* «в прошлом году в это время», *азинаизэер* «вчера вечером», *далэуэз* «далеко внизу; низковато»; *аендаэгомау* «недалеко, поодаль», *аендэдуар* «снаружи, извне, за дверьми», *аендэраэбонаехсэвэ* «позавчера ночью», *нуртэкке* «сейчас», *сэумаэраги* «рано утром», *сэумаэсар* «спозаранку, рано утром, на заре», *сэумаэцэстэй* «спозаранку, рано утром, на заре», *сэумаэцъэхэй* «спозаранку», *рагагъомма* «заранее,

заблаговременно, предварительно, преждевременно, безвременно», *рагафонæ / рагафони* «предварительно; преждевременно» и т.д.

Особую группу составляют сложные наречия, которые образуются путем присоединения к основе частиц *æн-* / *æм-* (предложная) и *æ-/ æнæ-* (отрицательная), также «бывшие предлоги» [Исаев, 1966, с. 66] *мед-*, *фæс-*, *уæл-*, *дæл-*, *хуæд-*, скажем: *æнæсагъæс* «беззаботно, беспечно; беззаботный, беспечный», *æнæсайга* «честно, искренне, без обмана; добросовестный, честный; искренний», *æнæсцох* «безостановочно, непрерывно, беспрерывно, бесперебойно, непрестанно; постоянно; безостановочный, непрерывный, беспрерывный, бесперебойный, непрестанный, постоянный», *æнæтæлфга* «спокойно», *æнгæрон* «близко, поблизости; окрестность; окрестный», *æнраст* «прямо», *æнсæдзæй* «в ряд, рядами», *æдæрсга* «безбоязненно», *меднимæр* «про себя», *медзæрди* «в душе, в сердце», *медфунæй / медфунæймæ* «во сне, сквозь сон», *уæлгомма* «лицом вверх, навзничь», *уæлбилæ* «на берегу, на утесе; над, наверху», *уæлбæхæй* «верхом, на коне», *уæлауæз* «высоко, выше, повыше», *дæлфæдтæ* «в ногах, у ног», *дæлардæмæ* «вниз, книзу, в нижнюю сторону», *дæлгомма* «ничком», *фæсауонæй* «тайно», *фæсахур* «после учебы, занятий», *фæсвæд* «окольный путь; в стороне; далеко от центра», *хуæддзойæй* «самотеком; без приглашения», *хуæдрабун* «прямо рядом, возле», *хуæдразмæ* «как раз перед, накануне» и т.д.

Следует отметить, что статус чрезвычайно активных в современном осетинском словообразовании начальных компонентов данных композитов (ир. *мид-* / диг. *мед-*, ир. *уæл-* / диг. *уæл-*, ир. *дæл-* / диг. *дæл-*, ир. *раз-* / диг. *раз-*, ир. *фæс-* / диг. *фæс*, ир. *хæд-* / диг. *хуæд*, ир. *бын-* / диг. *бун-*, ир. *фыр-* / диг. *фур*, ир. *хæрз-* / диг. *хуæрз-*, ир. *фыд-* / диг. *фуд*) не до конца определён, что обусловлено их семантической неоднозначностью. Так, в работе М.И. Исаева «Дигорский диалект осетинского языка» в одном и том же разделе они определены

то как словообразующие элементы сложных наречий – «бывшие предлоги» [Исаев, 1966, с. 68], то как предлоги [там же, с. 74], при этом в первом случае написание слитное, во втором – раздельное. В книге Ф.М. Таказова «Грамматический очерк осетинского (дигорского) языка» данные элементы характеризуются как предлоги, при этом отмечается, что все эти предлоги настолько «...лексикализованы, что они, как правило, срastaются с управляемым словом в единое сложное слово и проявляют себя как приставки» [Таказов, 2009, с. 82]. Как мы видим, не совсем ясен вопрос определения данных элементов, это морфемы или же самостоятельные основы внутри композита. Из этой неоднозначности вытекает другой вопрос: являются ли эти словообразовательные конструкции собственно композитами? Ведь композит чаще всего понимается как дериват, словообразовательная структура которых предполагает несколько – две или более – производящих (мотивирующих) основ с собственным лексическим значением [Улуханов, 1997, с. 514]. Осложняющим фактором выступает и морфологический строй осетинского языка, в котором наблюдается высокая подвижность частей речи и их переход из одного морфологического состояния в другое, в зависимости от контекста, в котором они используются [Моргоева и др., 2020, с. 35]. Приходится говорить о двойственной природе рассматриваемых элементов, иначе говоря, в определенной грамматической форме они имеют самостоятельное хождение и могут выступать в качестве словообразующих морфем [там же, с. 37].

Лексикон состоит из производных единиц других классов различной степени семантической и структурной сложности, что является результатом действия закона взаимодействия, иллюстрирующего продуктивность деривационных механизмов, системность словообразования и то, каким образом в языковых единицах соединяются различные способы осмысления действительности [Муругова, 2006, с. 42].

Таким образом, анализ лексического материала показал, что между компонентами композитов-наречий в дигорском диалекте существуют сочинительные и подчинительные отношения. В отличие от именных частей речи, в области композитного образования наречий наиболее широко представлен сочинительный тип отношений между компонентами. Выделяются шесть словообразовательных моделей: 1) редупликация существительного, т.е. существительное + существительное (в одних и тех же или различных падежных формах); 2) редупликация наречия с прибавлением суффикса, т.е. наречие + наречие + суффикс (омонимичный окончанию отложительного падежа); 3) деепричастие + суффикс *-æ* и инфинитив несовершенного вида того же глагола; 4) редупликация прилагательного, т.е. прилагательное + прилагательное (с фонетическими изменениями во втором компоненте композита); 5) местоимение + местоимение (в различных падежных формах); в некоторых случаях происходят фонетические изменения. В композитах-наречиях с подчинительным типом отношений между компонентами выделяются такие словообразовательные модели, как: 1) наречия + послелог; 2) местоимение + послелог; 3) местоимение + наречие; 4) местоимение + числительное; 5) наречие + наречие; 6) наречие + существительное. Вторые компоненты данных конструкций могут быть в различных падежных формах. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что в дигорском диалекте, в отличие от иронского, словосложение является довольно продуктивным способом образования наречий. В композитных наречиях происходит объединение двух или более основ для обозначения какого-либо признака действия, качества, другого признака или предмета. Образованные таким образом наречия функционируют в языке в качестве самостоятельной языковой единицы с собственным значением. В осетинском языке крайне актуальны также вопросы орфографирования сложных слов. Тем не менее, в отношении композитов-наречий установилось, что слова подчинительного типа пишутся слитно, а сочинительного – через дефис.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОСЕТИНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Междиалектные соответственные явления в осетинском языке

На современном этапе развития осетинской диалектологии многие ее значимые и актуальные вопросы остаются нерешенными. Большинство исследований относится к исторической диалектологии и освещает вопросы, касающиеся истории развития осетинского языка, а также его места среди иранских языков. Проблемы же описательной диалектологии менее разработаны. Так, можно указать на отсутствие в осетинском языкознании современных комплексных исследований по дигорским говорам. Нерешенными остаются также вопросы, касающиеся некоторых переходных говоров современного осетинского языка. Особо следует отметить и отсутствие диалектологического атласа осетинского языка. Конечно, решение данных задач невыполнимо без многоаспектного изучения процессов, протекающих в современных осетинских (иронских и дигорских) говорах. Изучение процессов, происходящих в современной диалектной речи, признано одной из важнейших задач описательной диалектологии. Осетинский язык включает в себя многие разновидности: литературный язык, просторечие, территориальные и социальные диалекты. Но их общие черты позволяют носителям, владеющим той или иной разновидностью языка, понимать друг друга и воспринимать речь собеседника как осетинскую.

Осетинский язык, оказавшись в периферийном положении и на протяжении многих веков находясь в окружении неиндоевропейских языков, сохранил в себе архаические черты, присущие восточноиранским языкам. Он является последним реликтом большой группы близкородственных диалектов и языков, на которых говорили некогда многочисленные и могущественные кочевые скифо-сарматские племена, обитавшие

на широких просторах евразийских степей. Сегодня осетинский язык бытует в Северной и Южной Осетии; на осетинском языке говорят осетины, проживающие в Грузии, а также потомки мухаджиров, переселившихся в середине XIX в. в силу определенных исторических обстоятельств в Османскую империю и проживающих сейчас в некоторых регионах современной Турции [Цаллагова (а), 2015]. Осетинский язык относится к редкому типу языков. Его необычный характер определен историческим взаимовлиянием исконного индоевропейского, а именно иранского, и кавказского языковых компонентов, хотя история осетинского языка дает много свидетельств и других языковых контактов начиная с древнейшего времени [Камболов, 2006, с. 12].

В основу осетинского литературного языка положен иронский вариант осетинского языка (иронский диалект), на котором говорит подавляющее большинство осетин. Первоначально иронский диалект также называли тагаурским, тогда как югоосетинское наречие – туальским. Следует отметить, что термин «тагаурский» был впервые введен в научный оборот А. Шегреном, однако позднее, после специальных разъяснений Вс.Ф. Миллера, от его использования предпочли отказаться. Также отметим, что югоосетинского наречия, или говора, как такового не существует. В Республике Южная Осетия распространены несколько разновидностей осетинской речи, которые можно объединить в три отдельных говора: кударо-джавский, чисанский и туальский. Надо иметь в виду, что различные авторы, которые использовали термин «туальское наречие» для обозначения говора южных осетин, фактически подразумевали кударо-джавский говор. Существует также дигорский вариант осетинского языка (дигорский диалект), более архаичный, носители которого компактно проживают в Ирафском, Дигорском и Моздокском районах РСО-А. Кроме этого, дигорцы проживают в с. Озрек и с. Светловодское (Лезгор) Кабардино-Балкарской Респу-

блики. В дигорском диалекте выделяются два основных говора: дигорский (или дигоринский), характерный для жителей г. Дигора, и чиколинский, бытующий в других районах, жители которых говорят на дигорском наречии [Таказов, 2009]. Некоторые особенности отмечаются также в говоре жителей с. Озрек и ст. Черноярская и Ново-Осетиновская Моздокского района [Цаллагова (а), 2015]. Существуют также и смешанные наречия, соединяющие в себе черты как иронского, так и дигорского диалектов, на котором говорят жители ущелья Уаллагком, а также жители сел Карман и Синдзикау [Цаллагова (б), 2015]. Все это разнообразие говоров осетинского языка создает благоприятные условия для возникновения фонетических, лексических и семантических соответственных явлений. Кроме того, длительность процесса развития той или иной диалектной системы также обуславливает появление языковых вариантов в одном и том же говоре. В современной отечественной диалектологии одним из актуальных вопросов является изучение территориального и функционального варьирования языковых единиц разных уровней. Ключевые положения диалектологии как науки о строении диалектного языка были установлены и теоретически обоснованы Р.И. Аванесовым. Диалектный язык определяется им как часть общей, особым образом устроенной, системы национального языка, противоположной литературному языку во всех его функциональных и стилистических разновидностях. Диалектный язык – это совокупность частных диалектных систем, которые характеризуются общими и различительными признаками. Предложенные ученым принципы позволили вывести отечественную диалектологию как науку на качественно новый уровень. Каждый язык имеет определенные законы «междиалектной парадигматики», которые проявляются прежде всего в возможности или невозможности обнаруживать вариативность своей структуры для того или иного звена языковой системы, а также в том, что сама

вариативность осуществляется в языке не по любым возможным, а только по определенным признакам, присущим конкретному языку. Исходя из этого, изучение «междиалектной парадигматики» того или иного языка не должно сводиться лишь к описанию вариантов данного звена структуры языка по говорам, а должно обнаруживать те признаки, на основе которых осуществляется его варьирование, и те закономерности, которые формируют структуру данного фрагмента языковой системы в контекстах разных диалектных систем [Бромлей, 2010, с. 61]. Национальный язык является сложной системой, которая включает в себе черты общие и частные, черты единства и различий разных степеней диалектного членения языка. Соответственно, в строе языка различаются общие и различительные признаки. Благодаря общим признакам два диалекта более мелкого деления входят в состав одного диалекта более крупного деления; точно так же благодаря общим признакам диалектов более крупного деления они входят в состав одного языка. Напротив, сами диалекты выделяются благодаря различительным чертам, которыми и противопоставляются друг другу. Понятия «общие признаки диалектов» и «различительные признаки диалектов» довольно относительны: различительные признаки диалекта, при помощи которых выделяется данный диалект, противопоставляясь другим, в то же время являются общими признаками для дробных диалектов, на которые подразделяется данный диалект. И, напротив, общий признак данных диалектов может оказаться их различительным признаком в пределах более крупного диалекта [Аванесов, 1948, с. 9-10]. С характером сходства и различий говоров тесно связано разработанное и введенное в научный оборот Р.И. Аванесовым понятие диалектного языка. В отечественном языкознании значительную роль играет разработка метода описания диалектных систем как вариантов одной системы. Такой подход был теоретически обоснован на материале русских говоров в 1947

г. Аванесовым, представившим диалектный язык в виде общей системы, или «системы систем» [Аванесов, 1947, с. 47]. Верность такого метода обосновывается качеством диалектных систем как частей более обширной языковой общности – национального языка, находящихся между собой в отношениях системных соответствий и имеющих в своей структуре общие и различные черты [Бромлей, 2010, с. 51]. Модель диалектного языка дает возможность в обозримом виде в синхронном плане представить некоторый диалектный континуум как реализацию системы, состоящей из постоянных и варьирующих звеньев [Калнынь, 2002, с. 48]. Так, между двумя диалектами осетинского языка (дигорским и иронским) различия выявляются на всех уровнях языка, хотя и в разной степени, в частности в области вокализма и консонантизма. К различиям в области морфологии можно отнести наличие в дигорском диалекте более архаичных форм. Лексические расхождения между диалектами обусловлены двумя причинами: разной степенью сохранности в диалектах исконного иранского лексического фонда и влиянием разных, хотя типологически и близких, кавказских субстратных языков [9, 360-364]. Общей для всех разновидностей осетинской речи является основная часть лексического фонда, а также общие черты фонетики и особенно грамматики. Свойственные одним говорам (группам говоров, наречиям) различительные элементы языка образуют соотносительные ряды, которые в лингвистической науке обозначены как междиалектные соответствия или соответственные явления. В связи с тем, что в данном разделе необходимо определить различительные элементы речи диалектоносителей, языковой материал приводится в фонетической транскрипции [ТЗ].

В говорах дигорского варианта осетинского языка наблюдается различение звуков *c/ĉ*, *z/ž*, *s/š*, *z/ž* в позиции перед гласными [e], [i]. Данное различение определяет два основных фонетических типа дигорских наречий – чокающе-джокаю-

ще-шокающе-жокающего и цокающе-дзокающе-сокающе-зокающего [Камболов, 2006, с. 445].

Для дигорской речи характерно варьирование произношения одних и тех же слов: *cirağ / čirağ* «лампа», *cinæ / činæ* «радость», *cerq / čerq* «обоюдоострый топор; меч»; *žippæ / žippæ* «карман», *zillæ / žillæ* «человечество, мир, люди; масса, множество – о людях», *ženet / ženet* «рай, райский»; *æxsinc'æ / æxsinc'æ* «слива», *sinzæ / šinzæ* «колючка, шип; терновник; заноза», *seræ/šeræ* «лапша, кушанье, приготавливаемое из муки и сыворотки с маслом»; *zinadæ / žinadæ* «лень», *zinzijnadæ / žinzijnadæ* «трудность, затруднение, сложность, невзгода», *zing / žing* «огонь, искра, горящий, уголек, огненный», *zew / žew* «артель, толока, коллективная помощь, помощь кому-либо в сельскохозяйственных или других работах» и т.д. Кроме этого, существуют различные по говорам формы слов: *tabi / taba / tabaj / tebi / tebæ / t'apa* «сковорода»; *mink'ij / mænk'æj / mingij / mængæj / mænk'i* «маленький»; *wæğæli / woğæli / oğæli / uğæli* «шиповник»; *purusa / pusura / pursa* «крапива» и т. д. Высокая степень единства систем различных говоров, а также разной степени систематичность соотносительных отличий позволяет рассматривать говоры как микросистемы, которые являются вариантами одной общей макросистемы. Диалектный язык содержит постоянные и варьирующие элементы. Едиными для всех говоров являются постоянные, а варьирующие представлены заменяющими друг друга в различных говорах диалектными вариантами. Еще одно распространенное явление – сосуществование в одном говоре разных членов междиалектного соответствия. Обычно сосуществование в одном говоре разных диалектных вариантов отражает динамику говора: один из вариантов вытесняется (но еще не вытеснен) другим вариантом, либо под воздействием соседнего говора, либо под влиянием литературного языка. Сосуществование двух вариантов может отражать также определенную стадию спонтанного развития говора [Бромлей, 2010]. В том случае, когда диалектолог в ходе

исследования записывает все услышанное, установить систему крайне сложно. И поэтому, по мнению Аванесова, одним из важнейших принципов является грамотный отбор. Довольно часто в одном и том же населенном пункте можно наблюдать языковые факты, которые относятся к разным говорам. Данное явление объясняется тем, что в пределах одного населенного пункта может сосуществовать несколько систем, свойственных разным социальным группам местного населения. Как правило, одна из этих систем более устойчива, чем другая. На сегодняшний день таких территорий, говоры которых не испытывали бы в той или иной мере влияния со стороны соседних диалектов или литературного языка, практически нет. Более того, даже в пределах одной категории объектов часто отмечается двойственность или противоречивость [Аванесов, 1948, с. 67]. Как известно, диалектная речь – это, прежде всего, устная форма реализации. Сбор диалектного материала происходит главным образом при помощи непосредственного наблюдения над устной спонтанной речью носителей говоров и анкетного метода. Последний предполагает сбор сведений с помощью специально подготовленных программ-вопросников. Как правило, вопросы могут относиться к разным уровням языковой системы или носить более специальный, узкий характер (например, вопросник для сбора материала по лексике или фонетике). Соотнесение обретенных таким образом данных дает потенциал для определения особенностей в речи информантов и тем самым способствует выявлению характеристик того или иного говора. Однако пока полного вопросника по диалектологии осетинского языка не существует. Нами разработана программа, которая в основном рассчитана на сбор материала по фонетике и лексике дигорских говоров. Изначально она включала около 150 пунктов, но после апробации в нескольких населенных пунктах программа пополнилась еще несколькими пунктами.

Следует отметить, что метод опроса может применяться в основном при сборе материала по лексике, при наблюдении

же над другими сторонами говора – фонетикой, морфологией, синтаксисом – этот метод не совсем подходит. Однако надо иметь в виду, что не только в лексике, но и в фонетике и морфологии мы имеем дело зачастую с отдельными словами или их ограниченными группами. Так, например, в дигорских говорах мы имеем разные варианты произношения некоторых слов: *didinæg / dedenæg* «цветок», *ğurc'æ / ğunc'æ* «размятый в руках комок (молодой крапивы)»; *narti xwar / nantixwar / nantuxwar* «кукуруза»; *rimæxsun / nimæxsun* «прятать, скрывать»; *gobat / zobat* «окучивание»; *alixsun / listuq kænun / tu kænun* «плевать»; *mællæg / futxuz* «худой»; *lask'ærtæ / razk'ærtæ* «термин для обозначения национального женского платья у осетин»; *bawodajun / nifældajun* «замочить» и т.д. Мы можем также наблюдать некоторые особенности в форме образования множественного числа существительных в дигорских говорах, например: игра – ед.ч. *ğast*, мн.ч. *ğæstitæ, ğæstæltæ* и т.д. В свободной беседе эти слова могут просто не попасться, и в этом случае целесообразно включить такие случаи в вопросник, или же использовать метод тематических бесед. В ходе работы с дигорским языковым материалом, собранным во время экспедиций, нами выявлены некоторые случаи вариативности произношения, кроме того, мы попытались определить некоторую закономерность в проявлении этого варьирования. Однако установить характер и пределы диалектного варьирования каждого элемента иногда очень сложно. Это обусловлено тем, что довольно часто различные диалектные варианты могут встречаться в языке жителей одного и того же села. Междиалектные соответствия могут относиться ко всем уровням языка, иметь разную структуру, разное количество членов, в том числе в разные периоды развития одного языка. Различия по говорам могут быть простыми и сложными. К простым различиям относятся отдельные элементы языка – звуки, грамматические формы, слова, а к сложным – целые системы этих элементов, например, чередования звуков в разных позициях и т.п.

Как правило, наиболее регулярный характер имеют фонетические и грамматические соответствия. В осетинском языке фонетические междиалектные соответствия представлены различием некоторых гласных в иронском и дигорском диалектах.

Иронско-дигорские соответствия в области вокализма

Ир.		Диг.
а		а
о (перед <i>n, m</i>)	о	
і		е
и		о
о (после <i>x, k'</i>)	wa	
æ		æ
у		і
у		и
ө (отсутствие звука)		і (в начальном положении)

К ряду фонетических соответственных явлений относится также различие звуков *c/č, ʒ/ž, s/š, z/ž* (в позиции перед гласными [e], [i]) в дигорских говорах, о котором мы уже говорили выше. Появление соответственных явлений в области фонетики может быть обусловлено качественными различиями фонем. Например, в ряде дигорских говоров *c, c', ʒ, s, z* перед гласными [i], [e] сильно палатализируются, переходя (например, в моздокском говоре) в *č, č', ž, š, ž*. В иронском такого качественного перехода данных звуков нет (за исключением некоторых говоров): ир. *cyrağ* / диг. *čirağ* «лампа»; ир. *c'iw* / диг. *č'ew* «птичка»; ир. *zykku* / диг. *žikko* «волос»; ир. *s(š)izæe* / диг. *šezæe* «волос, коса» и т. д.

Междиалектные соответствия осетинского языка в области грамматики сводятся к различиям в падежных окончаниях иронского и дигорского диалектов: 1) к закономерному чередованию гласных ир. [y], диг. [i] в формах родительного падежа (гуырынон хауæн), например: ир. *bæxy* / диг. *bæxti*; ир. *fydy* /

диг. *fidi*; 2) разные формы направительного падежа (арэзтон хауæн) во мн.ч. ир. *-æm* / диг. *-æmæ*, например: ир. *bæxtæm* / диг. *bæxtæmæ*, ир. *fydmæ* / диг. *fidæmæ*; 3) различие формы местно-внешнего падежа (æддагбынатон хауæн) – ир. *-yl* / диг. *-bæl*, например: ир. *bæxtyl* / диг. *bæxtæbæl*, ир. *fydyl* / диг. *fdæbæl* и т.д. Лексические междиалектные соответствия представляют собой различные названия одного и того же предмета или явления в разных говорах, например: *nori*, *bodæn* «чеснок»; *fitxwæsæ*, *kenže* «укроп»; *get're*, *xwærgænasæ* «огурец»; *bunbuli*, *bonbuli*, *pak'u* «перо птицы»; *nesi*, *fwnasæ* «дыня»; *sænæfseræ* / *sænžeri* «виноград»; *tuta* / *lisk'æf* «тутовник»; *semickæ* / *soxuran* (*soxra*, *soxran*, *soxura*) / *qæne* «подсолнух» и т. д. Есть случаи, хотя и не частые, когда одно и то же слово в разных говорах обозначает разные предметы, что определяет образование семантических междиалектных соответственных явлений. Так, осетинское слово *kuræt* как в иронском, так и в дигорском означает «бешмет». Однако в говоре моздокских дигорцев данное слово употребляется для обозначения женского платья, в то время как для обозначения женского платья в иронском существует слово *k'aba*, а в дигорском – *p'olci*. К семантическим соответствиям относятся также такие лексемы, как: диг. *irajun* «кипеть», ир. *rajun* «радоваться»; диг. *caëfsun* «гореть», ир. *caëfsyn* «прилипать»; диг. *bek'æ* «вершина, угол», ир. *bik'* «пупок» и т. д.

Таким образом, понятие диалектного языка как части общей системы национального языка, а также как совокупности частных диалектных систем, характеризующихся общими и различительными признаками, введенное в научный оборот Р.И. Аванесовым, позволяет определить и описать диалектные различия не только говоров русского языка, но может быть также успешно использовано в исследованиях диалектов и говоров других языков. На сегодняшний день такого рода исследований осетинского языка, его диалектов и говоров проведено не было, хотя попытки определить соответственные явления

на иронско-дигорском материале предпринимались. Использование данного подхода при исследовании говоров и диалектов современного осетинского языка представляется нам целесообразным, поскольку дает ключи к решению целого ряда актуальных проблем современной осетинской диалектологии.

О говорах переходного типа

Диалектные явления, которые образуются в зоне междиалектных и межъязыковых контактов, всегда вызывали большой интерес у диалектологов и историков языка, представляя собой интереснейший объект для лингвистического исследования.

Диалекты, как в своей истории, так и в современном состоянии, соприкасаются с языками родственными и неродственными. Результаты контактов по-разному хронологически маркированы. Контакты, относящиеся к разным периодам существования языка, проявляются в виде фактов, связанных с категорией субстрата. Но достаточно распространены и такие явления, которые возникли в результате межъязыковых контактов более нового времени и имеют последствия преимущественно в виде создания в идиоме корпуса заимствованной по происхождению лексики. Явление языковых контактов для диалектов актуально и в пределах одного языка. Это происходит при общении носителей разных диалектов, в той или иной степени различающихся друг от друга и граничащих друг с другом на достаточно большой территории. Вследствие этого образуются переходные типы диалектов, в том или ином виде комбинирующие особенности контактирующих идиомов [Калнынь, 2008, с. 7-8].

Переходные говоры не только объединили особенности контактирующих диалектных групп, но и, что особенно важно, развили в своих системах в результате многовековой интерференции специфические черты, не свойственные по

отдельности контактирующим диалектам (гиперизмы, контаминированные формы, разного рода реликты и т.п.) [Попова, 2008, с. 105].

Обращаясь к данной проблеме, следует напомнить, что термин «языковой контакт» был введен в научный оборот А. Мартине [Мартине, 2004]. Наиболее большую известность данный термин получил благодаря трудам У. Вайнрайха [Вайнрайх, 1972; 2000, с. 22]. Первоначально термин «языковой контакт» обозначал, как правило, взаимодействие двух или более языковых систем вследствие использования их одним носителем. При этом отметим, что противопоставлялись «свой (родной, первый)» и «чужой (второй)» язык, в независимости от статуса контактирующих языковых идиомов (литературный язык, диалект, койне и пр.) [Остапчук, 2008, с. 58]. Иное толкование данного термина дается в Словаре лингвистических терминов под редакцией О.С. Ахмановой: «Языковой контакт – это соприкосновение языков, возникающих вследствие особых географических, исторических и социальных условий, приводящих к необходимости языкового общения человеческих коллективов, говорящих на разных языках» [Ахманова, 1966].

Разновидность диалектного образования, называемого в лингвистике переходным говором, должна отвечать ряду критериев, а именно:

а) переходный говор может возникнуть лишь в зоне междиалектных/межъязыковых контактов;

б) по составу своих черт он фактически не совпадает ни с одним из контактирующих языков/диалектов;

в) переходный говор предполагает наличие системы, которая постоянно находится в процессе изменения и развития;

г) переходный говор должен иметь достаточно длительную историю, что на современном этапе развития может подтверждаться наличием архаизмов;

д) «развитие, приводящее к образованию переходных го-

воров, не есть лишь достояние истории языка, но происходит и в современном состоянии говоров». Поэтому в переходных говорах неизбежно возникновение новообразований в виде различного рода гиперизмов и контаминированных форм [Пеньковский, 1969, с. 76; Попова, 2008, с. 105].

О важности и значимости новообразований в переходных говорах пишет А.Б. Пеньковский: «Изучение новообразований имеет важное значение для исторической диалектологии и истории языка, так как открывает причинно-следственные связи между явлениями, которые в иных говорах оказываются разобщенными или частично утраченными в процессе развития. Это способствует значительному расширению наших представлений о явлениях конвергенции в историческом развитии говоров, когда различные или сходные, но независимые процессы приводят в разных говорах к возникновению тождественных результатов» [Пеньковский, 1969, с. 180].

Как известно, среди говоров осетинского языка особое место занимает уаллагкомское смешанное наречие. До сих пор нет однозначного решения, говором какого же из двух вариантов осетинского языка он является. Тем более что в настоящий момент в селах Уаллагкома (Уæллагком), некогда густо заселенных, осталось жить малое количество населения, остальные же расселились в равнинные села, где сохраняют некоторые особенности своей речи, но также и впитывают из окружающего их языка новые черты.

Мы бы хотели остановиться на истории формирования данного диалектного массива. Уаллагкомом называется район, расположенный в верховьях р. Сонгутидон – одного из притоков р. Урух (Ираф) в Дигорском ущелье РСО-А. В период последнего описания местного наречия (в середине XX в.) Уаллагком включал четыре населенных пункта: Дунта (42 двора), Галиат (37 дворов), Камунта (13 дворов) и Хуссар (одна семья), всего около 90 дворов с населением около 500 человек. Села расположены на расстоянии 1-2 км друг от друга и грани-

чат с Алагирским ущельем (с иронским населением), откуда, как считают уаллагкомцы, и переселились их предки. Таким образом, в результате длительного взаимодействия контактирующих идиом (иронского и дигорского диалектов) сформировалась периферийная зона, имеющая смешанный или переходный характер. По мнению М. И. Исаева, переселение произошло раньше того периода, когда в иронском диалекте произошел переход *k, k', g u ċ, ċ', ž* перед *e, i, y*, судя по материалам В. Ф. Миллера, где еще встречается *kizgæ* вместо *čyzyg, lægi* вместо *læžy*. К тому же он считает, что, исходя из степени дигорского влияния на язык жителей этих сел и по их удаленности от Алагирского ущелья, первыми были основаны сел. Хуссар и Дунта, затем Камунта и позже всех – Галиат [Исаев, 1959, с. 91; Камболов, 2006, с. 448].

Следует отметить, что этот тип речи давно привлек внимание ученых. Первым его обнаружил и впоследствии ввел в научный оборот В. Ф. Миллер во время своей первой поездки в Осетию в 1880 г. Побывав в одном из сел Уæллагкома, сел. Камунта, он записал на этом говоре две сказки: «*Лæг, бирæгъ æмæ рубас*» («Человек, волк и лиса») и «*Дигур хæйрæги куд фæсайдтой*» («Как дигорцы черта обманули»). Эта первая фиксация данного говора является очень важной и имеет большое значение для его характеристики. Исследователь определяет его как говор (иронского), в котором уже появляются «некоторые черты дигорского» [Миллер, 1882, с. 43-44]. Кроме того, В. Ф. Миллер, проанализировав собранный им материал, определил некоторые основные особенности говора, среди которых выделил восемь пунктов:

1) появление вместо иронского звука [y] дигорского [i] как после плавных и носовых, так и после других согласных: *bændæni – bændæny, min – myn, sista – systa, ravdista – ravydysta, bæxi – bæxy*;

2) чередование дигорских глагольных форм с окончанием [æ] с иронскими: *cæwæntæ – cæwænt, kænynсæ – kænynс;*

3) иногда встречаются формы глаголов с протетическим [i] в начале слова, свойственный дигорскому: *iswaxta, isbidta, issardta*;

4) в постпозиции *yl* [y] чередуется с [u]: *wærdonul – wærdonyl*;

5) иногда чередуются [i] [e]: *igar – jegar, ættejæ – ættiwjæ*;

6) появление вместо иронских [ʒ] [č] дигорских [g] [k]: *gullagi – gullažy, ki (kij) – či*;

7) [ǰ] вместо [q]: *sawǰæd – sawqæd*;

8) в окончании глагольных форм вместо иронского [m] появляется дигорское [n]: *amaræn – amaræm, kænæn – kænæm*.

Д. Г. Бекоев, рассматривавший в своем исследовании данный тип речи, отметил в особенностях, выделенных Миллером, некоторые недочеты. Так, по его мнению, в пункте 4, где отмечено, что в постпозиции *yl* [y] чередуется с [u], нет чередования. Он предположил, что в первом слове *wærdonul* Вс.Ф. Миллером не улавливается слабый гласный [y], и мы здесь имеем дело с двумя вариантами этого слова *wærdonuyyl – wærdonyl*, которые параллельно функционируют в осетинском языке. Кроме того, он считает, что приведенные Вс.Ф. Миллером в пункте 5 две формы одного слова *ættejæ – ættiwjæ* также существуют в языке параллельно, что не позволяет выделять их как особенность только этого говора [Бекоев, 1984, с. 159]. Выделенные Вс.Ф. Миллером особенности нашли свое подтверждение в работе М. И. Исаева. Однако его исследование показало, что помимо фонетических особенностей в данном говоре наблюдается ряд грамматических и лексических изменений, которые произошли в речи жителей Уаллагкома под влиянием дигорского диалекта [Исаев, 1959, с. 106].

Система гласных уаллагкомского наречия представлена Исаевым в количестве девяти фонем (пять сильных, или долгих – [a], [o], [e], [ī], [ū] и четыре слабых, или кратких – [æ], [y], [i], [u]). Следует отметить, что в иронском варианте осетинского языка мы имеем семь гласных (пять сильных – [a], [o], [e],

[ī], [u] и два слабых – [æ], [y]). Дигорский вокализм отличен тем, что те же семь гласных по долготе группируются по-другому: долгие [a], [o], [e], [ī], слабые [æ], [i], [u]. Здесь наглядно видно, что уаллагкомский вокализм образовался посредством включения в состав иронских гласных двух дигорских кратких гласных [i], [u].

Что касается консонантизма, то, по данным Исаева, иронские двухфокусные аффрикаты (палатальные) [č], [čʹ], [ž] перед гласными [e], [i], [y] полностью заменили звуки [k], [kʹ], [g]. Эта замена свойственна и дигорской лексике в уаллагкомском наречии (*tyčys* (диг. *tikis*) «кот», *č'ela* (диг. *k'ela*) «стул», *mæŋžyttæ* (диг. *mængættæ*) «обман, неправда»).

Если говорить о соответствии дигорскому согласному в начальной позиции [ǰ], иронского [q], то уаллагкомское наречие ближе к дигорскому диалекту: *ǰæw* «село», *ǰog* (*ǰug*) «корова», *ǰædæ* «лес, бревно, дерево, стембель» и т.д.

При языковом смешении двух близкородственных диалектов или языков наблюдаются случаи вклинивания отдельных элементов грамматической системы одного языка или диалекта в грамматическую систему другого языка или диалекта [Серебренников, 1970].

В уаллагкомском наречии отмечается появление окончания именительного падежа [æ], которое сохранилось только в дигорском диалекте: *cæstæ* (*cæst*) «глаз», *zænxaæ* (*zænxa*, *zæxx*) «земля», *ǰædæ* (*ǰæd*) «лес, бревно, дерево, стембель» и т. д.

Кроме этого, М.И. Исаев обнаруживает и ряд особенностей морфологического характера. Так, в уаллагкомском, как и в дигорском, функцию совместного падежа выполняет послелог *хæссæ* «совместно, с»: *čyžy хæссæ* «с девушкой», *ænbali хæссæ* «с другом», *ciraǰi хæссæ* «с лампой» и т.д.

Он отмечает появление между превербами и глаголами энклитических местоимений как в дигорском: диг. *Ba mæ farsta woci læg*; уал. *Ba mæ farsta wycy læg*; ир. *Ba-farsta mæ wycy læg* – Спросил меня тот человек.

Происходят изменения и в системе спряжения, заключающиеся в чередовании иронских и дигорских форм:

	ир.	диг.	уал.*
1-е лицо	<i>cydain</i>	<i>cudaɟnæ</i>	<i>cydaɟnæ</i>
2-е лицо	<i>cydais</i>	<i>cudaɟsæ</i>	<i>cydaɟsæ</i>
3-е лицо	<i>cydaid</i>	<i>cudaɟdæ</i>	<i>cydaɟdæ</i>

Ряд особенностей морфологического характера исходит из отмеченного еще Вс.Ф. Миллером фонетического явления замены звука [m] звуком [n].

Так, согласный звук [m] в конце глагольных форм 1-го лица множественного числа в иронском диалекте соответствует дигорскому [n]. В уаллагкомском же говоре глаголы в форме первого лица множественного числа сходятся с дигорским, а формы второго и третьего лица иронские: ир. *max sæwæt* «мы идем», *max særæt* «мы живем»; диг. *max sæwæn*, *max særæn*; уал. *max sæwæn*, *max særæn*.

В глагольной форме третьего лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения в уаллагкомском появляется свойственная тем же формам в дигорском конечная [æ]: *sæwupsæ* «идут» (ср. ир. *sæwups* / диг. *sæunpsæ*).

Следующая морфологическая особенность исходит также из замены конечного губного [m] зубным [n]. Как известно, в иронском диалекте направительный падеж (арæзтон хауæн), имеющий субъектно-объектное, локативное, пространственное и обстоятельственное значение, имеют два окончания – для множественного числа и как исключение для единственного числа *-æt* и *-næ*. В уаллагкомском наречии происходит замена конечного [m] на согласный [n] в окончании *-æt*. Поскольку имена существительные в форме дательного падежа в обоих диалектах имеют окончание *[-æn]*, то в случае описываемой замены согласных происходит совпадение падежных форм направительного и дательного падежей. Это приводит к тому, что, например, слово «*bæxtæn*» может означать как «к

лошадям», так и «лошадям», *bæstæn* означает как «в страну», так и «в стране» и т.д. Как видим, эта форма отлична от форм обоих диалектов, и мы имеем дело с новообразованием в описываемом переходном говоре [Пеньковский, 1969, с. 109].

Уаллагкомский говор еще можно охарактеризовать появлением в нем частицы *bæ*, вместо которой иногда употребляется *wæ* (соответствует иронскому *ta* и дигорскому *ba* «а, же»), например: *Æz nal xæryn, dy bæ? Æz bæ næbal.* – Я уже не буду кушать, а ты? – Я тоже нет.

Некоторые изменения произошли и в местном внешнем падеже:

уал.	ир.	диг.	
<i>lægu (y) l</i>	<i>lægyl</i>	<i>lægbæl</i>	«на человеке»
<i>særu (y) l</i>	<i>særyl</i>	<i>særbæl</i>	«на голове»

Наиболее ярко своеобразие уаллагкомского говора проявляется в его лексическом пласте. М.И. Исаев выделяет три группы слов, которые претерпели какие-либо изменения:

1. Слова, на звуковом оформлении которых отразились некоторые фонетические закономерности дигорского диалекта:

уал.	ир.	диг.	
<i>ciraġ</i>	<i>cyraġ</i>	<i>ciraġ</i>	«лампа»
<i>cirt</i>	<i>cyrt</i>	<i>cirt</i>	«могила»
<i>ġæw</i>	<i>qæw</i>	<i>ġæw</i>	«село»
<i>non</i>	<i>nom</i>	<i>non</i>	«имя»

2. Дигорские слова, которых нет в иронском диалекте, усвоенные уаллагкомским:

уал.	ир.	
<i>amæntæn</i>	<i>aryng</i>	«корыто»
<i>wæs</i>	<i>rod</i>	«теленок»
<i>dærk'æ</i>	<i>sænykk</i>	«козленок»

3. Дигорские слова, отсутствующие в иронском диалекте, которые претерпели изменения в соответствии с фонетическими закономерностями иронского:

уал.	ир.	диг.	
<i>čybyla</i>	<i>bedra</i>	<i>k'ibila</i>	«ведро»
<i>čela</i>	<i>bandon</i>	<i>k'ela</i>	«стул»
<i>mync'i</i>	<i>gyccyl</i>	<i>mink'ij</i>	«маленький»

Другим ученым, который заинтересовался данным смешанным типом речи, стал Д. Г. Бекоев, который летом 1968 г. совершил экспедицию в села Уаллагкома и собрал языковой материал, зафиксировав тем самым особенности речи их жителей. На тот момент в сел. Дунта проживали такие фамилии, как: Байсогуровы (Байсогъуыртæ), Кибизовы (Хъыбызтæ), Дзусовы, Гокоевы, Цараговы, Икаевы, Кудзоевы, Гегкиевы (Джеджджытæ). В сел. Хуссар – Кибизов Александр с семьей, остальные семьи переселились в равнинные села РСО-А. В сел. Камунта: Каргиновы (Хъæрджынтæ), Цопановы, Атаевы, Бекмурзовы (Бекмæрзтæ), Магкаевы, Караевы. В сел. Галиат проживают Гасуновы, Салказановы, Езеевы, Гусаевы, Годузовы (Годызтæ), Загаловы, Калаевы (Хъалатæ), Балаевы (Бæлæутæ), Гибизовы (Джыбызтæ).

В ходе исследования Д. Г. Бекоева нашли свое подтверждение все особенности уаллагкомского говора, отмеченные Вс. Ф. Миллером и М. И. Исаевым [Миллер, 1882; Исаев, 1959]. Д. Г. Бекоев в своем исследовании приходит к выводу, что описываемый говор по своему строю ближе всего к алагирскому цокающему говору, но в ходе тесного взаимодействия с дигорским диалектом в нем произошли значительные изменения.

Кроме описанных выше языковых черт ему удалось обнаружить и другие. Так, им отмечено своеобразное использование приставки *га-*. Дело в том, что свойственные иронскому диалекту приставки *a-*, *ba-*, *fæ-* (*fe-*), которые присоединяют к

глаголам движения, перемещения, в уаллагкомском говоре заменены приставкой *ra-*, например:

Уаллагкомский говор

Læppu hæzarmæ bawad æmæ zury:

– *Baba, næ ġucsytae 'mæ næ wæšytae næma 'rbacydyšty.*

– *O mæ cæn rakæš, ġæwy šæ rajagur.*

– *Æmæ næ rawænzynæn, ærtalyng iš.*

Алагирский цокающий говор

Læppu hæzarmæ bawad æmæ zury:

– *Baba, næ qucsytae 'mæ næ ræwædtæ næma 'rbacydyšty.*

– *O mæ šæm akæš, qæwy šæ bacagur.*

– *Æmæ næ awænzynæn, ærtalyng iš.*

«Мальчик зашел в комнату и говорит:

– Папа, наши коровы и телята еще не пришли.

– Вот и сбегай за ними (*букв.* выгляни к ним) и разыщи их

в селе.

– Я боюсь выходить, уже стемнело» [Миллер, 1882, с. 43-44].

Следует отметить, что данное явление также образовано путем замены превербов иронского диалекта *a-*, *ba-*, *fæ-* (*fe-*) на дигорскую приставку того же значения, а именно указание на направление движения наружу, независимо от местонахождения наблюдателя, *ra-*: ср. *rajagorun* «поискать», *racæwun* «выйти», *razorun* «выговорить, поговорить», *rakæsun* «посмотреть» и т.д.

Уаллагкомский смешанный говор образовался на основе иронской речи под сильным влиянием дигорского диалекта. Первоначальная иронская система наречия подверглась изменению на всех языковых уровнях – фонетическом, морфологическом, лексическом.

Все отмеченные особенности обусловлены влиянием дигорского диалекта. Однако многие языковые тенденции, возникнув под влиянием дигорского, стали существовать и развиваться самостоятельно, что привело к началу образования новой, собственно уаллагкомской диалектной системы.

Носители уаллагкомского наречия давно покинули место своего основного расселения и смешались частью с носителями иронского диалекта, частью с носителями дигорского диалекта. Смежное между дигорским и иронским диалектами наречие, близкое к уаллагкомскому, бытует в двух населенных пунктах Дигорского района РСО-А (Карман и Синдзикау), но в этих селах смешение двух диалектов проходило в других условиях. Кроме того, наречие жителей указанных сел за последние годы испытало сильное влияние иронского варианта осетинского литературного языка [Таказов, 2009, с. 4]. Говор жителей селений Карман и Синдзикау на сегодняшний день практически не исследован, поэтому делать какие-либо выводы по этому вопросу преждевременно.

Интересный факт переходного типа речи нами обнаружен в ходе экспедиции в Моздокский район РСО-А в сел. Виноградное – место компактного проживания дигорцев. По данным информантов, на сегодняшний день в этом селе проживают такие фамилии, как: Айларовы (Айлартæ – выходцы из сел. Синдзикау), Икаевы (Икъатæ – из Уаллагкома), Хутеевы (Хутъетæ – из Уаллагкома), Атаевы (Атайтæ – из сел. Галиат), Магаевы (Магатæ – из сел. Синдзикау), Гадзаевы (Гадзаутæ – из Уаллагкома), Цагараевы (Цæгæратæ – из сел. Синдзикау), Вазаговы (Уазæгтæ – из сел. Синдзикау).

В ходе экспедиции нами выявлено, что большая часть осетинского населения данного села, особенно молодое поколение, плохо владеет родным языком. Поэтому в качестве информантов могут выступать преимущественно представители старшего поколения. При сборе диалектного материала мы столкнулись с очень интересным явлением – речью одной жительницы этого села, предки которой переселились, по ее словам, из сел. Ахсарисар (Æхсæрисæр) (Атаева Зарета Андреевна, 76 лет). Ее мать (Олисаева) также была переселенцем, но из Уаллагкома. Учитывая тот факт, что у нее смешанное иронско-дигорское произношение (как в уаллагкомском наречии),

а также то, что Атаевы являются выходцами из Уаллагкома, мы предполагаем, что ее предки переселились из Уаллагкома сначала в Ахсарисар, и только потом в сел. Виноградное Моздокского района. Следует отметить, что она и ее семья считают себя дигорцами. Между тем известно, что уаллагкомцы всегда считали себя выходцами из Алагирского ущелья и носителями «чистого» иронского диалекта [Бекоев, 1984].

Говор З. А. Атаевой ввиду многих факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических, вобрал в себя многие фонетические черты как дигорского, так и иронского диалекта осетинского языка. Кроме того, это привело к появлению новообразований и различных контаминированных форм.

Нами выделены несколько пунктов особенностей речи данного информанта:

1. В некоторых случаях отсутствие в постпозиции гласной [æ], характерной для окончаний имен существительных в дигорском варианте осетинского языка: *bælas* «дерево» (ср. ир. *bælaš*, диг. *bælasæ*); *nas* «тыква» (ср. ир. *naš* диг. *nasæ*); *xwærgænas* «огурец» (ср. ир. *žit 'ri* диг. *xwærgænasæ*) и т.д.

2. Использование иронских форм с дигорским окончанием -æ: *xæfsæ* «лягушка» (ср. ир. *xæfs*, диг. *xæpsæ* (в некоторых дигорских говорах отмечается использование формы *xæfsæ*) и т.д.

3. Использование иронских форм: *qaru* «сила» (ср. диг. *qawræ*, *qarwæ*); *fændarast fæu* «счастливого пути» (ср. диг. *fændarast fæwwo*); *æxšync 'y* «слива» (ср. диг. *æxšync 'æ*); *buznug* «спасибо» (ср. диг. *boznæ*, *boznug barakkala*); *wærykk* «ягненок» (ср. диг. *wærikkæ*); *ražy* «давно» (ср. диг. *ragi*); *æfsymæc* «брат» (ср. диг. *ænsuvæc*); *fyttæltæ* «предки, отцы» (ср. диг. *fittæltæ*); *niči* «никто» (ср. диг. *neke*); *čynžy 'rcyttæn* «замуж вышла» (ср. диг. *kinži ærcuttæn*) и т.д.

4. Появление иронского [y] вместо дигорского [i] [u]: *kызgæ* «девочка» (вм. *kизgæ*); *cydæj* «шел» (вм. *cudæj*); *acyrdæmæ* «в эту сторону» (вм. *acirdæmæ*); *ralyğdæncæ* «убежали, высели-

лись» (вм. *raliġdæncæ*); ġæwy «в селе» (вм. *ġæwi*); *ærtæ anzy* «три года» (вм. *ærtæ anzi*); *bydyrmæ* «на поле» (вм. *budurmæ*); *balu* «вишня» (вм. *bali*); *Olisaty* «Олисаева» (вм. *Olisati*) и т.д.

5. Появление вместо дигорского [o] иронского [u]: *rakurzæncæj* «попросит» (ср. диг. *Rakorzæncæj*, ир. *rakurzæn*); *budæn* «чеснок» (ср. диг. *Bodæn*, ир. *nury*); *bolc'* «редька» (ср. ир. *bulk'*, диг. *bolgæ*) и т. д.

6. Вместо общего для обоих диалектов (иронского и дигорского) проверба *ær-* используется *yr-*: *yrzærondan* «мы постарели» (вм. *ærzærondan*); *yrCARDAN* «начали жить, обживать» (вм. *ærcardan*); *yrCYDAN* «пришли» (вм. *ærcudan*) и т.д.

7. Своеобразное использование некоторых указательных местоимений: *jacy* «этот» (ср. ир. *acy*, диг. *eci*); *jam / jamy / jom* «здесь», «тут» (ср. ир. *am*, диг. *omi / ami*).

Вопрос о современной диалектной принадлежности указанного говора является очень сложным из-за вариативного употребления многих фонетических, морфологических, лексических черт, которые, с одной стороны, имеют явное иронское или дигорское происхождение, а с другой – не обнаруживают аналогии ни в том, ни в другом диалекте.

Для наглядности представляем отрывок речи данного информанта:

Rajgurttæn triccæt' væs'moj gody jamy, rast jacy ġæwy medæk. Mæ fyttæltæ, mæ deduškæ, mæ fydy 'fsymær ralyġdæncæ ardaemæ xwæzdær card agorunmæ. Mæ madæ ba attæj ardygon kyzgæ, Olisaty, æma čynzxon ku 'rcydæncæ, wæd ku 'rkastæncæ, mænæwtæ zi es, budurtæ zi es, sæ zærdæmæ fæccydæj. Ami zænxytæ es, Æxsærysæri ba næ, zæġgæ. Wotemæj jamy yrCARDAN, 'ma yrzærondan.

Родилась в тридцать восьмом году здесь, в этом самом селе. Мои предки, мой дед, брат моего отца, переселились сюда в поисках лучшей жизни. А моя мать была родом отсюда, Олисаева, и когда за ней (за невестой) приехали родственники жениха, они посмотрели, пшеница есть, поля есть, им понра-

вилось. Здесь земли есть, а в Ахсарисаре нет. Так мы здесь поселились, и состарились (Атаева Зарета 76 лет, 2013 г.).

Если сравнивать эти два типа речи, уаллагкомский говор и речь данного информанта, то главным системным отличием является то, что уаллагкомский – чокающий, а во втором мы имеем чистое цоканье. Каким образом произошел этот переход, сложно сказать, ведь в Ахсарисаре, куда переселились предки нашего информанта, тоже бытует чокающий тип дигорской речи. Как известно, цокающий тип речи (дигоринский говор) характерен главным образом для жителей г. Дигора РСО-А. Притом, если мы в уаллагкомском говоре имеем иронскую речь с некоторыми изменениями, образованными под влиянием дигорского диалекта, то здесь совсем наоборот – дигорская речь с элементами иронского диалекта. Однако из-за ограниченности языкового материала наши выводы могут носить лишь предварительный характер. Однозначно можно сказать лишь то, что в описываемом говоре превалируют дигорские формы, а также формы, образованные путем контаминации контактирующих идиом. Речь данного информанта по фонетическому типу относится к цокающему типу речи. Как видим, описанные переходные говоры не только скомбинировали особенности взаимодействующих диалектных систем, но в результате многовековой интерференции развили в своих системах не свойственные ни одному из контактирующих диалектов специфические черты.

О переселенческих говорах дигорского диалекта

Изучение современных говоров дигорского варианта осетинского языка является одной из важных задач осетинской диалектологии. При рассмотрении этой проблемы особую значимость имеют говоры вторичного образования (говоры территорий позднего заселения). Несмотря на явную необходимость изучения современного состояния дигорских говоров

вторичного образования, особенности сложившейся языковой ситуации и последствия языковых контактов остаются практически неисследованными. Значимость исследований такого рода обуславливается также тем, что некоторые переселенческие говоры стремительно нивелируются, в связи с чем необходимой и неотложной задачей является сбор полевого диалектного материала.

Актуальность и значимость исследования вторичных говоров обусловлена также тем, что именно на материале говоров территорий позднего заселения особенно четко проявляется соотношение экстра- и интралингвистических факторов, обуславливающих специфику развития языков и диалектов в их прошлом и настоящем. Если учесть, что многие процессы взаимодействия говоров разного типа, которые на исконной территории происходили в далеком прошлом, а на территории позднего заселения наблюдаются и в наше время, то становится понятной возможность специального изучения говоров территорий позднего заселения [Баранникова, 1985, с. 3-4]. К тому же исследование процессов взаимодействия различных диалектных систем, которые развиваются в говорах вторичного образования, может помочь как в восстановлении фактов далекого прошлого, так и в выявлении специфик формирования отдельных диалектных черт. В современной ситуации отсутствия сплошных диалектных массивов, которые поддерживают стабильность диалектных черт, а также в условиях интенсивного контактирования между носителями разных говоров, а иногда и языков, на территории позднего заселения создаются возможности усиленного процесса разрушения старых диалектных систем [Баранникова, 1985, с. 4].

При классификации говоров территорий позднего заселения необходимо учитывать как их системно-структурные особенности, так и экстралингвистические факторы, наиболее существенными из которых являются следующие: 1) время пе-

реселения носителей говора; 2) характер переселения; 3) характер отношений с окружающим населением.

По времени переселения носителей говора, по продолжительности функционирования его в новых условиях выделяются три группы: 1) ранние переселенческие говоры (время переселения – XVI-XVII вв.); 2) переселенческие говоры (начало формирования – XVIII-XIX вв.); поздние переселенческие говоры (начало формирования – конец XIX – начало XX в.).

При классификации переселенческих говоров по характеру переселения следует различать: а) одновременность – разновременность переселения; б) массовость – единичность его.

По характеру сложившихся отношений переселенцев с окружающим населением можно выделить две крайние точки: полная (или почти полная) изолированность или, наоборот, тесная связь. Отношения с окружающим населением могли быть как равноправными, так и неравноправными [Баранникова, 1975, с. 24-25].

Другим комплексом классифицирующих признаков, по мнению Л. И. Баранниковой, является собственно лингвистический:

1. Характер диалектной основы проявляется в степени однородности ее в говоре переселенцев. С этой позиции выделяются три типа говоров:

а) говоры с монодиалектной основой, носители которых являются переселенцами из одного или группы пунктов с однотипными или близкими, родственными говорами;

б) говоры с бидиалектной или полидиалектной основой, носители которых переселились из разных районов и были носителями разных типов говоров. В такой ситуации бывает, что в одном пункте сохраняются еще два разных говора, но чаще всего обнаруживается уже единый говор, в котором можно наблюдать проявления различных исходных основ, степень которых может быть различной. Следует отметить

также то, что бидиалектность основы не всегда возможно четко определить.

2. Следующим признаком является характер соотношения основ взаимодействующих говоров. Он выражается главным образом в однородности – неоднородности диалектной основы говора переселенцев и окружающих говоров. По характеру отношений с окружающими языковыми или диалектными единицами выделяются три типа отношений, в которых оказываются переселенческие говоры: а) диалектная однотипность говоров, б) диалектная разнотипность говоров, в) наличие иноязычного окружения. Однако следует отметить, что эти отношения редко представлены в чистом виде. Дело в том, что однородность говоров чаще представлена только в случае ранних переселенческих говоров при массовом переселении. Наиболее характерным для переселенческих говоров является диалектная разнотипность, к тому же осложненная иноязычным окружением.

3. Важнейшим и наиболее трудно выявляемым признаком является характер отношения с материнскими говорами. Далеко не всегда возможно установить диалектную систему материнских говоров. Даже в тех случаях, когда основа переселенческого говора является монодиалектной, не всегда удастся его восстановить, так как современное состояние материнских говоров может отличаться от их состояния в момент переселения. Говоры территорий позднего заселения всегда отличаются от материнской основы, так как они оказываются в других условиях, которые не могут не оказывать влияния на их развитие. В связи с этим выделяются переселенческие первичные говоры, сохранившие свой исходный диалектный тип, и вторичные говоры, в которых произошли значительные изменения.

4. Характер развивающегося вторичного говора. Часто вторичный говор имеет характер переходного или смешанного говора. В отечественной диалектологии под переход-

ными говорами понимают такие, диалектная основа которых проступает отчетливо, и при этом наблюдается закономерное изменение в сторону другого говора или литературного языка. Смешанными являются говоры со сложно определяемой исходной основой, в которой наблюдается не закономерный переход одних единиц в другие, а смешение отдельных целостных разносистемных вариантов [Баранникова, 1975, с. 25-28].

В данной работе среди переселенческих говоров территорий позднего заселения нами рассматриваются: говор моздокских осетин-дигорцев, говор населения с. Озрек (КБР), говор осетин-дигорцев, проживающих в Турции, говор жителей с. Лезгор (Светловодское) (КБР).

В теории диалектологии говоры определенного языка, которые в силу тех или иных причин оказались на территориях функционирования говоров других языков, т.е. в иноязычном (инодиалектном) окружении, принято называть островными, или анклавными говорами [Теркулов, 2009, с. 155]. Исходя из этого, рассматриваемые переселенческие говоры осетин-дигорцев по всем признакам правомерно называть островными, или анклавными говорами.

В рамках данного исследования мы рассмотрим экстралингвистические факторы образования анклавных говоров дигорского варианта осетинского языка.

*Говор осетин-дигорцев Моздокского района РСО-Алания
(ст. Чернаярская, ст. Ново-Осетинская).*

Носителями говора являются переселенцы из Дигорского ущелья, которые компактно проживают в иноэтничном окружении более двух веков в отрыве от основной массы дигорцев. Возникновение первых осетинских поселений в Моздокских степях и в самом городе Моздок относится к 60-м годам XVIII в. С начала основания Моздока и до начала XIX в. сюда переселялись осетины-иронцы, известные в этнографической

литературе как «цайта». Осетины-дигорцы начавали селиться здесь позже. В 1802 г. в 25 км от Моздока образовалось с. Чернойское, называвшееся в осетинской среде Ерашти (или Дзарæште), по названию одного из притоков Терека, на котором оно и располагалось. Недалеко от этого села выходцами из Дигорского ущелья в 1810 г. было основано еще одно поселение – Ново-Осетинское (Мосхъæу, Мæсугигъæу). В 1824 г. оба села получили статус станиц, а их население причислено к казачьему сословию.

Характеристику жизни переселенцев довольно точно передает поговорка, которая и сегодня бытует у моздокских осетин: *Еу къохи – тохæндзаумау, иннае къохи – косæндзаумау* / В одной руке – оружие, в другой – орудие труда. С первых дней поселения на Кавказской линии они несли военную службу и занимались хлебопашеством, скотоводством, извозом, работой по найму. Моздокские осетины смогли создать большие и сложные хозяйства, и, так как им не хватало рабочих рук, в особенности в зажиточных семьях, они нанимали на летние работы ногайцев, которые целыми кибитками прибывали в рабочее время во все осетинские населенные пункты и оставались тут часто по несколько лет, поступая к осетинам в батраки. В основной своей массе осетины овладели ногайским языком. К тому же ногайский язык стал интернациональным не только для осетин, но и для черкесов, армян и грузин. Данное обстоятельство обусловило появление в речи моздокских осетин ногаизмов [Алборов, 1932, с. 276].

В дореволюционный период контактирование осетин Моздокского района с жителями Северной Осетии было осложнено по объективным причинам. По сути, они оказались в отрыве от основной массы осетинского населения, в окружении других этносов (кабардинцы, русские (казаки), ногайцы, кумыки). Это привело, во-первых, к тому, что на момент фиксации осетины-дигорцы сохранили многие черты, которые в материнском говоре уже переходят в архаичный пласт лекси-

ки, а во-вторых – к появлению заимствованной лексики, главным образом из ногайского и русского языков.

Следует отметить, что в 1944 г. Моздокский район был передан из состава Ставропольского края в состав Северной Осетии. На сегодняшний день станицы Черноярская и Ново-Осетинская, наряду с поселком Черноярское и с. Елбаево, входят в Ново-Осетинское поселение Моздокского района. В данном поселении вместе с осетинами живут русские, кабардинцы, чеченцы, турки и др.

Наше исследование показало, что своеобразие говора, возникшего ввиду особых условий жизни моздокских дигорцев, отмечается только в определенной степени: говор моздокских дигорцев, с одной стороны, сохранил лексические архаизмы, а с другой – обогатил лексику при помощи заимствований. Основные фонетические диалектные черты показывают, что данный говор входит в состав чокающего типа дигорской речи [Цаллагова, 2014].

Говор населения с. Озрек (Кабардино-Балкарская Республика)

По историческим данным, начало переселения предков озрекцев из Дигорского ущелья относится к середине XIX в. Основная группа переселенцев, выселившись из селения Донифарс, направилась на северо-запад и остановилась в Таторсе, расположенном в верхней части Хазнидонского ущелья. Через некоторое время они переселились на новое место жительства, которое называли Тургътаэ (от диг. turġtæ – дворы). Затем они переселились на правый крутой берег р. Хазнидон в Хазнидонском ущелье, образовав там поселение, названное Гъæууат (от диг. ġæw + wat, букв. «место для поселения»). Местность, где сейчас расположено балкарское селение Ташлытала, было следующим местом временного поселения. Переселенцы здесь также не задержались, а спустились ниже на 15-20 км и остановились на левом берегу р. Лескен, обосновав поселение Найæнтæ. Спустившихся по Хазнидонскому ущелью насчиты-

валось около 30-35 семей, среди которых были представители таких фамилий, как Темиркановы, Галачиевы, Габачиевы, Хацаевы, Дреевы, Галеевы, Шехинаевы, Цамакаевы. В 1855 г. к ним присоединилось еще 24 семьи: Кабалоевы, Царикаевы, Кокоевы, Кумеховы, Кебековы. Переселенцы были выходцами из сел Кета и Кумбулта, также спустившиеся с гор по ущелью, расположенному восточнее Хазнидонского ущелья. Продолжая все вместе движение дальше на север в поисках свободных равнинных земель, они выбрали место на левом берегу р. Лескен, между ныне существующими селениями Ерокко и Анзорей, сама местность была названа Кекуз. Следующим местом поселения было выбрано место между Лескеном II и Аргуданом, получившее из-за растущих на горе густых зарослей лесной алычи название *Ахиинчъута* (диг. *Ахšinčitæ* – алыча) [Хацаев, 1995, с. 12-15]. В конце XIX в. этими переселенцами было образовано небольшое село Кабаново (*Хъабанти гъæу*), расположившееся на южной окраине села Анзорей. Затем, во время процесса реализации программы землеустройства КБР в 1925-1926 гг., жителям данного села был предоставлен участок земли в междуречье Уруха и Лескена. Поселение получило название Озрек, население которого на тот момент составляло около тысячи человек. На сегодняшний день в с. Озрек насчитывается 363 двора с населением 1554 человека, которые представляют 57 различных фамилий. Подавляющее большинство населения – осетины-дигорцы. Также в селении проживают кабардинцы, балкарцы, русские, для которых родным языком давно уже стал дигорский. В конфессиональном плане основное население с. Озрек является мусульманским.

Такое смешение людей разной этнической принадлежности, выходцев из разных местностей, не могло не найти своего отражения в языковых процессах. Говор озрекцев характеризуется некоторыми фонетическими, лексическими, морфологическими и синтаксическими особенностями [Цаллагова, 2012]. Однако в процессе междиалектного общения, а также

общения между носителями диалектов и литературного языка неуклонно стираются диалектные черты. Надо также отметить, что степень изолированности данного говора от материнской основы невысокая, так как, несмотря на то, что с. Озрек находится на территории КБР, в окружении кабардинских сел, территориально оно довольно близко находится к дигорским селам Ирафского района Северной Осетии, с населением которых озрекцы интенсивно контактируют. В нивелировании диалектных черт говора немаловажную роль играет и преподавание в озрекской школе осетинского языка в его литературной форме.

Говор жителей с. Лезгор (Светловодское) Кабардино-Балкарской Республики

Предки жителей с. Лезгор КБР являются выходцами из одноименного села в Донифарском обществе Дигорского ущелья. Коренными жителями с. Лезгор Донифарского общества по историко-этнографическим данным были представители таких фамилий, как Аршиевы, Бетановы, Бериевы, Бузаровы, Бетрозовы, Газановы, Дреевы, Дашиевы, Елеевы, Левановы, Тайсаевы, Ваниевы, Хидиروفы, Хаевы, Караевы, Кабалоевы, Цамакаевы, Цорионовы, Чибиевы.

Ряд лезгорских семей сначала переселились в с. Лескен Ирафского района Северной Осетии, а затем в Зольский район Кабардино-Балкарии. Там им были предоставлены земли вблизи селения Светловодское. В память о своей родине они назвали свое поселение Лезгор (Лесгор).

Первыми переселенцами в КБР приблизительно в 1928-1929 гг. стали представители фамилий Ваниевых и Левановых. Причиной переселения, по данным информантов, стало их раскулачивание. На новом месте им было выделено 160 га земли, был создан колхоз им. Сталина. Село стало разрастаться за счет новых переселенцев из Осетии: Караевых, Макоевых, Кардановых, Абисаловых, Таказовых.

В середине XX века с. Лезгор было присоединено к с. Светловодское и перестало существовать как отдельная административная единица. Основным населением с. Светловодское в период основания в 1924 г. были русские. На сегодняшний же день его население преимущественно кабардинское. Ко времени слияния этих двух сел осетинское население было довольно многочисленным (около 40 дворов). Однако по причине оттока экономически активной его части в последующие годы сейчас число осетин-дигорцев существенно сократилось. Оставшееся в с. Светловодское осетинское население компактно проживает в местах изначального поселения. Часть села, в котором проживают осетины-дигорцы, по-прежнему известна под названием Лезгор. На сегодняшний день там проживают: Левановы (Леуантæ) – 3 двора; Ванеевы (Уанетæ) – 2 двора; Кардановы (Хъардантæ) – 1 двор; Макоевы (Махъотæ) – 2 двора; Хаевы (Хаутæ) – 1 двор.

Известно, что чем меньше количество говорящих на островном говоре, тем слабее проявляются языковые особенности. В небольшом изолированном коллективе и индивидуальные речевые особенности могут иметь большое значение для сохранения особенностей говора в целом. Однако при компактном проживании в сельской местности функция языка домашнего общения дольше сохраняется говором, по крайней мере у старшего и среднего поколения. Это касается и жителей с. Лезгор, которые, несмотря на довольно длительную изоляцию от материнской основы и небольшую численность, сохранили свой говор почти в неизменном виде.

Язык осетин-дигорцев, проживающих в Турции

Переселение осетин в Турцию происходило в период с конца 50-х до середины 60-х гг. XIX в. Ориентировочно в переселении участвовало более 5 тыс. человек. В силу различных факторов поиск мест окончательного поселения осетин на территории Турции оказался растянутым на долгие годы. Перво-

начально осетинские мухаджиры в основном были поселены в Восточной Анатолии, в районе Сарыкамыша. Здесь ими были созданы несколько самостоятельных сел. В единичных случаях осетины образовывали отдельные кварталы в турецких селениях. В некоторых из этих сел обосновались осетины-дигорцы. Так, в Хамамлы-Дюзю проживало около 400 семейств дигорцев. В непосредственном соседстве с осетинами обосновались поселения других кавказских народов – аварцев, лакцев, кабардинцев, чеченцев, насчитывавших несколько тысяч. Данная картина расселения сохранялась в неизменном виде около 15 лет. После захвата этого региона русскими войсками в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. основная масса осетин мигрировала вглубь турецкой территории. Часть оставшихся в Карсском регионе осетин вернулась в Осетию. Однако после перехода в 1922 г. Карсской области в состав Турции подавляющая их часть вновь переселилась в район Сарыкамыша. В 20-30-е гг. XX в. сюда вернулась и часть осетин, ушедших отсюда после войны 1877-1878 гг. в другие анатолийские провинции. Вернувшиеся поселились в трех сохранившихся селах – Хамамлы, Селим, Алисофу. В Хамамлы осетины проживали совместно с лакцами, в Алисофу – совместно с туркменами. Часть осетин проживала на территориях к северу и западу от озера Ван. Ими был основан ряд селений, которые находились на значительном удалении друг от друга. На этой территории они соседствовали с представителями других северокавказских народов. Значительная часть осетин, мигрировавших из Карсского региона после войны 1877-1878 гг., расселилась в Центральной Анатолии, по соседству с адыгскими и абхазо-абазинскими поселениями. В некоторых селах осетины проживали с другими северокавказскими народами. Известно также о существовании в прошлом поселений осетин в районе Эрзурума. Незначительная группа осетин после долгих скитаний по Анатолии в 80-х гг. XIX в. осела на т.н. Голанских высотах, входивших в то время в состав Османской

империи. Здесь ими было основано два поселения в непосредственной близости от адыгских, абхазских и чеченских сел.

Взаимоотношения сарыкамышских осетин с окружающим населением были достаточно комплементарными, в то время как отношения поселенных на Восточно-Анатолийском нагорье осетин с основными категориями коренного населения носили крайне сложный характер. Им приходилось бороться за выживание в чрезвычайно неблагоприятной этнополитической обстановке. Осетинские группы, расселившиеся в Центральной Анатолии, находились в более благоприятной обстановке. В целом можно сказать, что большинство локальных сообществ осетин Турции в этносоциальном отношении были довольно обособлены и замкнуты.

В наши дни осетины – потомки мухаджиров обладают развитым диаспорным этническим самосознанием и определенными механизмами самоорганизации. В настоящее время на территории Турции существуют два осетинских села в провинции Йозгат: дигорское – Пойразлы и иронское – Боялык. Это села в несколько сот человек, в целом сохраняющие свой моноэтнический статус [Чочиев, 2010].

Язык турецких осетин, как иронцев, так и дигорцев, был почти полностью изолирован от материнской основы долгое время. На новом месте осетины довольно быстро освоили турецкий язык, а многие – и языки соседствующих народов, став при этом билингвами или даже полилингвами. Однако осетинский язык, вплоть до недавнего времени, оставался средством бытового общения в селе [Чочиев и др., 2014]. К сожалению, на сегодняшний день говор анатолийских осетин-дигорцев практически не исследован, хотя его изучение могло бы помочь в решении многих теоретических проблем анклавной диалектологии.

В сложившейся языковой ситуации в рассматриваемых нами дигорских говорах территорий позднего заселения произошли закономерные и в определенном смысле общие для

анклавных говоров изменения: с одной стороны, в языке сохранились некоторые грамматические и лексические элементы, которые в современном материнском диалекте уже перешли в архаичный пласт, с другой – произошло обогащение языка за счет иноязычных заимствований. Этими факторами обусловлено лексико-семантическое и в некоторой степени фонетическое своеобразие рассматриваемых говоров.

Как мы видим из рассмотренного материала, в переселенческих говорах могут наблюдаться контакты между различными говорами одного диалекта, между разными диалектами, а также контакты с другими окружающими их языками. При сохранении в них исходной основы (основного лексического фонда, фонетической и морфологической системы, словообразовательных моделей) говоры могут интенсивно обогащаться за счет заимствований из окружающей их языковой среды и в то же время способны обусловить большую сохранность диалектизм ввиду своей изолированности. Небольшие, а иногда и недавно возникшие языковые острова представляют собой как бы «лабораторию», где под воздействием окружающего языка происходят интенсивные изменения. Стремительность этих процессов, на наш взгляд, зависит как от степени изолированности островного говора от языка-источника, так и от размеров территорий острова и количества носителей говора. Рассмотренные нами дигорские говоры, за исключением говора озрекцев, находятся на грани исчезновения, о чем свидетельствует тот факт, что значительная часть молодого поколения переселенцев практически уже не владеет, или владеет слабо, своим родным языком.

Говоры дигорского диалекта осетинского языка

Моздокский говор

Возникновение первых осетинских поселений в Моздокских степях и в самом городе Моздок относится к 60-м

годам XVIII в. Выделяются три основные группы моздокских осетин, которые переселялись сюда в течение XVIII–XX вв. из разных мест горной Осетии целыми аулами, отдельными семьями и родственными группами. Первая группа – осетины, переселявшиеся почти из всех районов Осетии, с начала основания Моздока и до начала XIX в. (самоназвание у этой группы осетин «цайта», букв. «колодцы»). Вторая группа – осетины-дигорцы, выселившиеся на Кавказскую линию в начале XIX века из Дигорского ущелья и поселившиеся в 25 км от Моздока, на левом берегу одного из притоков Терека – Ерашти (или Дзерашти), по имени которого они и были названы. Ерашти в основном проживают в Черноярской и Ново-Осетинской станицах. Третья группа – осетины, переселившиеся из Закинского, Нарского, Алагирского и Куртатинского ущелий горной Осетии в конце XIX – начале XX в. и образовавшие два больших хутора – Веселое и Ново-Георгиевское [Калоев, 1995]. Осетины Моздокского района своей самобытностью привлекали внимание ученых – историков, этнографов и языковедов. Историко-этнографические исследования посвящены рассмотрению вопросов освоения переселенцами новых земель, их социального строя и хозяйственного уклада, культуры, верований, традиций и обычаев [Калоев, 1995; Багаев, 2014; Город..., 1995]. Осетины, поселившиеся в Моздоке и его окрестностях, составляли там значительную группу населения. Первыми в Моздок начали свое переселение крестившиеся осетины, которые хотели тем самым укрыться от притеснений своих и кабардинских старшин и феодалов. Таким образом, осетины здесь оказывались под покровительством царского правительства. Взамен правительство использовало горцев на военной службе. Переселение осетин в Моздок продолжалось и в последующие годы, более того, его интенсивность только увеличивалась. Екатерина II в 1793 году специально для поддержания осетин учредила в Моздоке епископскую кафедру. В 1798 году там печатается первая осетинская книга [Албо-

ров, 1932, с. 274]. Осетины в Моздоке строили себе турлучные дома (турлучная постройка – стены из шестов, вкопанных в землю, переплетенных лозой или хворостом и обмазанных глиной) на Осетинской и других улицах. Основным их занятием было земледелие, в то же время они находились вместе с черкесами в составе особого общества «казачьих братьев», предназначенных для несения военной службы в Моздокской горской команде и входивших в состав горского полка, сформированного в 1796 г. Характеристику жизни первопереселенцев довольно точно передает поговорка, которая и сегодня бытует у моздокских осетин: *Еу къохи – тохæндзаумау, иннае къохи – косæндзаумау* / В одной руке – оружие, в другой – орудие труда. В 1876 году осетин-иронцев числилось уже 498 человек (157 семейств). Среди них встречаются уже и некрещеные (58%) [Алборов, 1932, с. 275]. Они занимаются хлебопашеством, скотоводством, извозом, работой по найму. Моздокские осетины смогли создать большие и сложные хозяйства, и так как им не хватало рабочих рук, в особенности в зажиточных семьях, они нанимали на летние работы бедняков из соседей, ногайцев, которые целыми кибитками прибывали в рабочее время во все осетинские населенные пункты и оставались тут часто по нескольку лет, поступая к осетинам в батраки. Следует отметить, что это обстоятельство послужило впоследствии неким экстралингвистическим фактором, потому что не могло не способствовать изучению осетинами ногайского языка, что, в свою очередь, привело к возникновению такого пласта заимствованной лексики в речи моздокских осетин, как ногаизмы. В основной своей массе осетины владели ногайским языком. К тому же ногайский язык стал интернациональным не только для осетин, но и для черкесов, армян и грузин [Алборов, 1932, с. 276]. В царское время контактирование осетин Моздокского района с жителями Северной Осетии было осложнено. По сути, они оказались в отрыве от основной массы осетинского населения, в окружении других народностей (кабардинцы, ка-

заки, ногойцы, кумыки). Это привело, во-первых, к тому, что на момент фиксации осетины (как иронцы, так и дигорцы) сохранили многие черты осетинского языка, которые в материнском говоре уже переходят в архаичный пласт лексики, а во-вторых, к появлению заимствованной лексики, главным образом из ногойского языка. Следует отметить, что в 1944 году Моздокский район передан из состава Ставропольского края в состав Северной Осетии. Станицы Черноярская и Ново-Осетинская, наряду с поселком Черноярское и с. Елбаево, входят в состав Ново-Осетинского поселения Моздокского района. В данном поселении на сегодняшний день живут такие национальности, как осетины, русские, кабардинцы, чеченцы, турки и др. Еще одним местом компактного проживания дигорцев в Моздокском районе является селение Николаевка. По данным информантов, на сегодняшний день в с. Николаевка проживают такие осетинские (дигорские) фамилии, как: Айлартæ (Айларовы – выходцы из с. Синдзикау), Икъатæ (Икаевы – выходцы из Уаллагкома), Хутъетæ (Хутеевы – выходцы из Уаллагкома), Атайтæ (Атаевы – выходцы из с. Галиат), Магатæ (Магаевы – выходцы из с. Синдзикау), Гадзаутæ (Гадзаевы – выходцы из Уаллагкома), Цæгæратæ (Цагараевы – выходцы из с. Синдзикау), Уазæгтæ (Вазаговы – выходцы из с. Синдзикау). В с. Черноярское проживают такие фамилии, как: Дзæгæлтæ (Дзагаловы), Гокъинатæ (Гокинаевы), Санситæ (Сансиевы), Хъасаунтæ (Кишионовы), Хуритæ (Хуриевы), Къибиртæ (Кибировы), Мæлтгызтæ (Малтизовы), Собитæ (Собиевы), Хъардантæ (Кардановы), Байтугъантæ (Байтугановы), Дзоццойтæ (Дзоццоевы), Сегъойтæ (Сегоевы), Дзоппойтæ (Дзоппоевы), Мугъутæ (Мугуевы), Седойтæ (Седоевы), Сеойтæ (Сеоевы), Кудзантæ (Кудзановы), Дзвгъитæ (Дзвгиевы). В с. Ново-Осетинское: Дзæрæгъæстæ (Дзарагасовы), Дзагуртæ (Дзагуровы), Аркъаутæ (Аркаевы), Цакъотæ (Цакоевы), Тургъитæ (Тургиевы), Бичирахтæ (Бичераховы) и др. В плане научных изысканий наименее исследованной проблемой по моздокским осе-

тинам является вопрос об изученности используемых у них говоров. В 1930-е годы профессором Б.А. Алборовым были предприняты несколько экспедиций в хутора переселенцев, в ходе которых им собран очень ценный и достаточно обширный диалектологический и фольклорный материал по говору осетин-иронцев Моздокского района. В своем исследовании, посвященном их говору, он дал краткую историю переселения осетин в Моздок и его окрестности и описал некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности речи местных осетин-иронцев. Также автором отмечено, что данный говор более схож с языком первопечатной осетинской книги и с «говором Зако-Алагирцев». Следует отметить, что данное исследование имеет очень важное диалектологическое значение, так как является практически единственной фиксацией говора моздокских осетин-иронцев. Однако говор осетин-дигорцев Моздокского района им исследован не был [Алборов, 1932]. В последующих исследованиях в составе говоров иронского варианта осетинского языка данный говор не упоминается [Бекоев, 1984]. Хотя, по нашему мнению, ввиду довольно определенных языковых изменений, произошедших в данном переселенческом говоре, он заслуживает большего внимания. Так как предметом нашего исследования являются говоры дигорского варианта осетинского языка, для нас представляет большой интерес именно говор осетин-дигорцев Моздокского района. Ввиду этого нами была организована диалектологическая экспедиция в Моздокский район, в ходе которой обследованию подверглись несколько сел: ст. Ново-Осетинская (Мосхъæу (Мæсугигъæу)), ст. Чернаярская (Дзарæсте), с. Николаевка.

В дигорском диалекте по принципу произношения звуков *c / ĉ, ž / ź, s / š, z / ž* перед гласными *e* и *i* выделяются два основных фонетических типа наречий – чокающе-джокающе-шокающе-жокающего и цокающе-дзокающе-сокающе-зокающего [Таказов, 2009, с. 8]. В этом отношении говор моздокских ди-

горцев неоднороден, так как переселенцы представлены с разных районов Дигории. Так, например, в речи информантов из с. Виноградное Моздокского района наблюдается смешанное произношение, т.е. в ней обнаруживается как чоканье, так и цоканье. У жителей с. Николаевка, переселенцев из Уаллагкома, где, как известно, бытует смешанное иронско-дигорское наречие, бытует довольно интересный переходный говор. Со слов информантов, «истинные дигорцы» проживают в станицах Чернойрская и Ново-Осетинская, речь которых однозначно можно отнести к чокающе-джокающе-шокающе-жокающему типу дигорской речи, хотя в их говоре в некоторых словах наблюдается свойственное цокающему типу речи произношение: *sænæfseræ*, *poxcɨ*, *ǰædinzæ*, *nesi* и т.д.

Кроме чоканья и цоканья, в разных районах Дигории обнаруживаются, конечно же, не столь определяющие, но все же не менее значимые для определения реальной диалектологической картины говоров дигорского диалекта различия в произношении некоторых лексем. Литературные нормы дигорского варианта осетинского языка не совсем устойчивы и проработаны, что, несомненно, усложняет работу диалектолога по выявлению особенностей в говорах. Учитывая этот факт, мы проводим наше исследование с учетом языковой вариативности, которая имеет место быть. Т.е. нами составлена программа, в которую включены междиалектные соответственные явления (варианты произношения того или иного слова на различных языковых уровнях), и в каждом исследуемом говоре мы выявляем именно тот вариант, который используется в данном населенном пункте. В конечном итоге такой подход позволит решить вопрос об определении состава говоров дигорского варианта осетинского языка, который на сегодняшний день остается открытым. Одно из таких явлений – произношение звуков [z] [s] [c] [ʒ] [cʰ] перед гласными [i] [e].

Ф.М. Таказов выделяет три типа произношения: первый тип произношения – свистящий, более мягкий, чем перед глас-

ными [a] [æ] [o] [u] (характерно для речи жителей г. Дигоры); 2-й тип – палатализованный, близкий к русским шипящим [ж] [ш] [ч] [дж] (характерно для речи Моздокского района); 3-й тип произношения, наиболее распространенный – переднеязычный, средний между [z] и [ж], [s] и [ш], [c] и [ч], [ʒ] и [дж], [cʰ] и [чʰ] [Таказов, 2009, с. 29].

В дигорских говорах наблюдается также чередование срединных щелевых сонант [w] и [j]: *weduk / jeduk* «ложка», *wezun / jezun* «собирать», *wedagæ / jedagæ* «корень» и т. д. Первая форма произношения свойственна стур-дигорскому и моздокскому говору, а вторая – озрежскому и чиколинскому. Одной из ярких характеристик переселенческих говоров, ввиду разной степени изолированности, является консервация в нем лексики, которая приводит к появлению лексических архаизмов. Так, в активном пользовании в речи моздокских дигорцев находятся такие слова, как: *azbær* – тротуар, бульвар (в данном говоре используется для обозначения «коридора»); *nosun* – целовать [8]; *sælbær* – мужские брюки; *rændæn* – каталка; *bawæraevdirzæn* – мочалка и т.д. Слова *nostaæ*, *kinzæ* «сноха, невеста» синонимичны, но слово *nostaæ* сейчас уже в современных дигорских говорах переходит в разряд архаической лексики и заменяется словом *kinzæ*. Однако в говоре моздокских дигорцев наблюдается некоторая особенность в употреблении этих лексем. В дни свадьбы невесту называют *kinzæ*, что логично, потому как у этого слова в осетинском языке есть еще значение «кукла», а после свадьбы невеста переходит в статус снохи, и ее называют уже *nostaæ*. В данном говоре слово *kinzæ* имеет также еще одно значение – «свадьба» (*Næ šinxontæmæ kinzæ es / У наших соседей свадьба*). Термины, обозначающие «свадьбу» в других районах, – *kinzæxsævæer*, *ğazt*, *k'ampani*, в моздокском говоре неупотребительны. Обнаруживается употребление более архаичных или специфических форм названий национальностей, например: *garaxiztæ* – ставропольские кабардинцы, *t'avlentæ* – дагестанцы. Общеосетинский этно-

ним для обозначения чеченцев *sæscæjnak* здесь произносится как *šešejnak*. В говоре моздокских осетин-дигорцев существуют слова, свойственные только их речи. Так, для обозначения «подсолнуха» в дигорских говорах используются лексемы *æxsinæn*, *qæne* или заимствованное из русского *semičkæ* / *semuckæ*, в данном же говоре мы имеем в том же значении – *soxra* / *soxran* (из кабардинского *säxuran* [ИЭ]). Любопытно, что семена подсолнуха (семечки) в других районах называют *semičkæ* / *semuckæ*, а здесь – *mukkægtæ* «семена». Еще одним специфическим для данного говора словом является лексема *širniktæ* – спички. Этимология данного слова нам не известна, но оно устойчиво является особенностью именно этого говора. Еще одной особенностью является использование вместо общеупотребительного для дигорских говоров слова *fitxwasæ* – укроп слова – *kenže*. В историко-этимологическом словаре осетинского языка В.И. Абаева дигорское слово *kenže* поясняется как название травы, употребляемой как приправа, «кишнец», которое происходит из грузинского *kinzi*, однако оно сегодня практически не используется в речи [ИЭ]. Следствием тесного контактирования с иронцами является появление слов, свойственных иронскому диалекту осетинского языка: *nori* – чеснок (ср. диг. *bodæn*, ир. *nury*); *itu* – уют (ср. диг. *tuj*, ир. *itu*), *lağz* – выдвижная полка (ср. диг. *ralaskæ*, ир. *lağz*) и т.д. Данное явление может быть следствием того, что в исследованных станицах, кроме дигорцев, составлявших основное население, обосновались, хотя и в более позднее время, осетины-иронцы (Латышевы (Тотиевы), Баллаевы, Цаллаговы и др.). Без архивных и полевых данных определить количество иронцев, поселившихся с дигорцами, сложно, но судя по приведенным языковым данным, определенное влияние на говор дигорцев они оказали. Осетинское слово *kuræt* как в иронском, так и в дигорском означает «бешмет». Однако в говоре моздокских дигорцев данное слово употребляется для обозначения женского платья. Хотя для обозначения женского платья мы имеем

в иронском слово *k'aba*, а в дигорском – *p'olci*. Для объяснения данного языкового явления необходимо обратиться к этимологии слова. По мнению В.И. Абаева, слово *kuræt* является очень древним и распространено во многих, в том числе и неродственных между собой языках. Так, в иранских языках: согдийский *qwr̥tu* «рубаша», персидский *kurta* – туника, *kurdi* – род шерстяной одежды. В тюркских языках: *kört* «стеганный женский халат», *kürtä* «короткое платье». На Кавказе: лезгинский – *kurt* – «короткая шуба», лакский – *kkurtu* «бешмет» и т.д. Также В.И. Абаев предположил, что *kuræt* относилось в древности к тому короткому, выше колен, кафтану, который характерен для скифов [ИЭ]. Исходя из этого, термин *kuræt* можно определить как доминанту в семантическом поле, общим признаком которого является «мужская и женская одежда». Таким образом, диалектной чертой говора Моздокских дигорцев (с. Черноярское и с. Ново-Осетинское), согласно местным диалектоносителям, являются слова *soxra / soxran, širniktæ*, которые встречаются только в их речи. Также определенно можно говорить о том, что слово *kuræt* в значении «женское платье» употребляется только в данном говоре. Возможно, существуют и другие характеристики, но их выявление требует дальнейших исследований и уточнений. Наше исследование показало, что возникновение своеобразного говора, ввиду особых условий жизни моздокских дигорцев, произошло только до некоторой степени. Говор Моздокских дигорцев, с одной стороны, сохранил лексические архаизмы, а с другой стороны, обогатил лексику при помощи многочисленных заимствований. Основные фонетические диалектные черты показывают, что данный говор входит в состав чокающего типа дигорской речи.

Озрекский говор

В настоящее время значительная часть носителей говоров сознательно подчиняется интенсивному влиянию литературного языка. Однако развитие диалектной системы происходит

медленно, что создает для появления в пределах одного говора языковых вариантов в речи представителей различных его культурно-возрастных групп, представляющих собою разные ступени приближения говора к литературному языку. При этом критериями разграничения таких речевых слоев в говоре являются не только лингвистические данные, но и внеязыковые факты культурного развития, образование и грамотность информантов, возраст и степень участия в общественной жизни. Языковые различия между социально-возрастными слоями современного говора, как показывают исследования, обнаруживаются лишь в разной степени интенсивности происходящих в говоре изменений, поэтому они представляют собой варианты одной диалектной системы. Изучение этих живых процессов диалектной речи, исследование самого механизма трансформации диалектной системы на разных ее уровнях является одной из проблем описательной диалектологии.

Своеобразная языковая ситуация, сложившаяся в современных говорах, требует типологически-сопоставительного исследования характера и путей преобразования диалектных систем. Основная сложность таких исследований заключается в неразработанности методов изучения динамики говоров, обусловленной необходимостью обращения к особой методике анализа и интерпретации языковых явлений. Одним из важных методов является сопоставление диалектных особенностей, характеризующих один и тот же говор в разные периоды исследования. Однако из-за отсутствия для многих говоров разновременных фиксаций установить изменения в говоре таким методом не всегда возможно. В этой связи необходим краткий экскурс в историю диалектологического описания осетинского языка, который, как известно, делится на два равноправных диалекта: иронский и дигорский. Отдельные стороны системы дигорского варианта осетинского языка получили освещение в трудах крупных осетиноведов А. Шёгрена, В.Ф. Миллера, В.И. Абаева, Г.С. Ахвледиани. Но в данных исследованиях

дигорский языковой материал приводится в основном в целях исторического и сравнительного изучения осетинского языка. Первый опыт монографического описания фонетики и морфологии дигорского диалекта осетинского языка принадлежит М.И. Исаеву [Исаев, 1966]. В книге дан также краткий очерк смешанного иронско-дигорского наречия жителей Уаллагкома и тексты на этом наречии, прилагаются тексты записей устной речи, произведений художественной литературы и периодической печати, дающие представление о разных аспектах функционирования диалектной речи [Цаллагова, 2011]. Большим продвижением в развитии литературного дигорского языка стало составление «Дигорско-русского словаря», в который вошло около 30 тысяч слов [ДРС], и «Грамматического очерка осетинского (дигорского) языка». Очерк охватывает наиболее значимые вопросы фонетики, морфологии и синтаксиса [Таказов, 2009]. На современном этапе носителями дигорского диалекта являются около 80 тыс. человек. Сосредоточенно дигорцы живут в трёх районах Республики Северная Осетия – Алания: Дигорском, Ирафском, Моздокском, а также в с. Озрек Лескенского района Кабардино-Балкарской Республики, Ставропольском крае [Исаев, 1966; Таказов, 2009]. Говоры иронского диалекта довольно хорошо изучены [3], чего нельзя сказать о дигорском варианте осетинского языка [Камболов, 2002].

Вследствие отсутствия комплексного исследования говоров дигорского диалекта в определении их состава отмечаются некоторые расхождения. Так, по мнению М.И. Исаева, в дигорском существует три основных говора: горнодигорский, моздокский и дигорский [Исаев, 1981]. Б. Алборов выделяет задалеск-ханазский говор [Алборов, АС]. А.Дз. Цагаева описала и выделила некоторые особенности двух говоров – стур-дигоринский и озрекский [Цагаева, 1959; 1962]. Ф.М. Таказов считает, что в настоящее время в дигорском языке наблюдается два основных говора: дигорский (или как его называют в раз-

говорной форме – дигоринский), характерный жителям г. Дигора, и чиколинский, характерный всем остальным районам, говорящим на дигорском наречии [Таказов, 2009]. Наиболее тщательному лингвистическому анализу подверглись стурдигоринский и озрекский говоры. Ввиду того, что синхронное состояние говора и его разновременные фиксации являются ценными источниками для исследования динамики говора, нами были организованы диалектологические экспедиции в эти населенные пункты. В данном разделе нами предпринята попытка проследить, какие изменения произошли в звуковом облике озрекского говора.

Некоторые особенности речи жителей селения Озрек впервые были замечены и зафиксированы во время первой диалектологической экспедиции в Лескенский и Зольский районы Кабардино-Балкарской Республики в 1956 году [Цагаева, 1959]. В данных районах осетины живут в селениях Озрек, Урух, Старый Урух, Лескен II, Ерокко Лескенского района и в хуторе Лезгор Зольского района. Особое внимание исследователей в данном контексте привлекло селение Озрек, так как из всех перечисленных сёл самостоятельным селением осетины (дигорцы) жили и живут по настоящее время только в данном селе.

Как известно, различаются говоры наиболее раннего, или первичного заселения (первичные, или материнские говоры) и говоры территории позднего, или вторичного заселения (вторичные говоры, говоры вторичного, или позднего образования, переселенческие говоры). Озрекский говор является вторичным, так как данный населенный пункт образовался в результате переселения осетин-дигорцев из разных горных ущелий на равнину (середина XIX века) [Хацаев, 1995]. Подавляющее большинство населения – осетины (дигорцы). Также проживают кабардинцы, балкарцы, русские, для которых родным языком давно уже стал дигорский. В профессиональном плане основное население с. Озрек являются

мусульманами. Такое смешение людей разной национальной принадлежности, выходцев из разных местностей, не могло не найти своего отражения в языковых процессах данного говора. В своем исследовании, посвященном говору данного населенного пункта, А.Дз. Цагаева выделила ряд фонетических, морфологических и лексических особенностей говора жителей селения Озрек, которые нам позволяют проследить динамику говора [Цагаева, 1959]. Выделенная А.Дз. Цагаевой «главная особенность в системе гласных, по сравнению с другими говорами дигорского диалекта и литературным осетинским языком, сводится к замене гласного [i] слабым гласным [æ] в глагольной приставке [is-] перед группой согласных и фрикативными», до сих пор устойчива и находит свое подтверждение даже в высказываниях информаторов из других сел (текст №2). Одним из основных различий в звуковом строе говоров дигорского диалекта является разная степень палатализации переднеязычных щелевых [s] и [z]. Следует отметить, что определение акустической природы этих щелевых согласных относится к наиболее спорным вопросам осетинской фонологии [4]. Эти фонемы в дигорском диалекте имеют два основных варианта артикуляции: 1) однофокусная (в позиции перед гласными [a], [æ], [o], [u], а также согласными), например: *sabur* «тихий, спокойный», *sæğæ* «козел», *sor* «сухой», *suvællon* «ребенок», *festægæj* «пешком», *zard* «пение», *zærdæ* «сердце», *fazon* «близнец, двойник», *zund* «ум, известный», *znag* «враг»; 2) двухфокусная (в позиции перед гласными переднего ряда [e] и [i]), например: *šik'a* «рог», *šemun* «танцевать, плясать», *žild* «круг, округ, уход, ухаживание», *žeti* «растительное масло» [Исаев, 1966].

Современные исследования перцептивных характеристик данных осетинских щелевых показали, что «...осетинские согласные, реализуемые на месте орфографических с и з, существенно не отличаются от русских ш и ж и должны трактоваться как двухфокусные шипящие щелевые, обозначаемые в

транскрипции знаками международного фонетического алфавита [š] и [ž]» [Дзахова, 2009].

М.И. Исаев в своем исследовании, посвященном дигорскому диалекту, отмечает большую палатализацию этих согласных в говоре с. Озрек и в говоре дигорцев Моздокского р-на РСО-Алания [Исаев, 1966]. А.Дз. Цагаева в своем исследовании данного говора отмечает сильное преобладание шипящих над свистящими. Она утверждает, что согласные [ž], [š], [s], [c'], [z], представлены в озрекском говоре в чистом виде, в то время как в других говорах являются средними между свистящими и шипящими перед гласными переднего ряда (текст №1).

На наш взгляд, степень изученности современных живых говоров осетинского языка не позволяет нам делать такие выводы. Для выдвижения такого рода гипотез необходимо лингвистическое описание всего корпуса говоров дигорского языка. А.Дз. Цагаевой было отмечено употребление в описываемом говоре некоторых архаичных языковых форм, которые сейчас уже в нем не встречаются, например, числительное *beræ* «много» в более древней форме *beuræ* в нашем исследовании своего подтверждения не нашло [Цагаева, 1959]. Однако при наблюдении над говором жителей с. Озрек нами обнаружен любопытный факт, а именно использование в значении «грамм» термина *mexsag* (текст №3). Исходя из этого, вопрос о мерах длины и веса был включён в диалектологический вопросник, разработанный нами специально для изучения дигорских говоров. Мы полагаем, что это иронское *mišxal* / *mišqal* – «золотник» (мера веса). Из араб. *misqal* «мера веса, равная 1½ драхмы», употребляется для измерения дорогих металлов, жемчуга и т.п. Было в употреблении на всём Кавказе: арм. *msxal*, груз. *misxali*, авар. *misqal*, каб. *mesqal* и др. Обычно приравнивалось к 1/84 русского фунта [ИЭ]. Данный термин малоупотребителен и знаком только представителям старшего поколения.

В область пассивной лексики отходит и существительное, обозначающее в дигорском языке зоологическое название

лани *рæубес / робес*, которое, как мы видим, имеет два варианта произношения в дигорских говорах. В озрекском говоре используется только вариант, где происходит стяжение дифтонга [æu] в сильный гласный [o]. Значение данного слова большинству опрашиваемых уже незнакомо, или же они путаются в ответах. Так, по данным информаторов, это слово имеет несколько значений: шакал, лиса, дикая коза, олень. Во всех дигорских говорах наблюдается ассимиляция согласных, причем как прогрессивная, так и регрессивная. По наблюдениям А.Дз. Цагаевой, данное языковое явление больше распространено в озрекском говоре [Цагаева, 1959] (текст №3).

По нашему мнению, такое утверждение также требует более детального описания и анализа языковых особенностей всех говоров дигорского языка. Характерной морфологической особенностью выделяется употребление такой архаичной формы, как вставка между основной имени и формантом множественного числа *t* слога *æl*: *ġæstæltæ* «игры», *źurdæltæ* «слова», *tuppurgændtæltæ* «холмы» и т.д. [там же]. Сейчас такая форма существительного во множественном числе в речи жителей данного села практически не встречается. Используется общеупотребительная форма: *ġæstitæ*, *źurdttæ*, *tuppurgændttæ* и т.д.

Хочется отметить, что все вышеизложенные доводы носят предварительный характер. В частности, до тех пор, пока у нас не будет языкового материала по всем говорам дигорского языка, мы не можем говорить о степени палатализации переднеязычных щелевых [s] и [z], о степени распространенности прогрессивной и регрессивной ассимиляции согласных в говорах. Однако даже исходя из этих предварительных сведений можно сделать вывод, что в процессе междиалектного общения, а также общения между носителями диалектов и литературного языка, неуклонно стираются диалектные черты. Вчерашние носители диалектов постепенно овладевают важнейшими нормами литературного языка. В результате междиалектных и литературно-диалектных контактов говор озрекцев активно

развивается в сторону сближения с литературными традициями дигорского диалекта.

Тексты:

№1. *Qasum attæj qæbær katkin læk, æxuædækka attæj iron xuærifurt, utta jæ furt Mudaræn dær iron kizgæ ærkotta – Zurapti mukkağej. Ironau dær kæžos žurtta. Ma næmæ womæ gæskæ xælar zærdæj rakastæj, ma nin zænxitæ ravartta.*

Кайсын считался мудрым человеком, его мать была осетинкой, а потом и своего сына Мудара женил на осетинке. С детства Кайсын имел тесные связи с осетинами, в совершенстве владел осетинским языком, всё это побудило его предложить переселенцам свои земли для жилых построек (с. Озрек, Давид Царикаев, 126 лет, цит. по 10, с. 17).

№2. *Max æma čikolaiæktæ kud ġæui wotæ žoræn: islægæi, iskottoncæ, isæiiafta, fal ozrekkæktæ ba ševzak nikkuttærtæ kottoncæ, max sæbæl xotkæ fækkænæn, etæ žoruncæ: æslægæi, æskottoncæ, æsæiiafta.*

Мы и чиколинцы говорим как надо: *ислæг æй* (возмужал), *искодтонцæ* (сделали), *исæййафта* (застал), а вот озрекцы говорят неправильно, мы над ними всегда смеёмся: *æслæг æй* (возмужал), *æскодтонцæ* (сделали), *бæсæййафта* (застал) (с. Лескен, Амилаханова Разимат, 91 год).

№3. *Eu xatt mæ ġæukkagi хæссæ rasporan. Auaj, tukammæ басæuaj ma žæğaj kæžos digoronau: «Дайте мне 100 грамм мороженого». Caldær adæjmagi bafarstan, fal nin neči žaxtoncæ, fal xestærti ku bafarstan utta nin žaxtoncæ, kudožæi eči žağd digoronau, uoj: «rattaj min sædæ mexsagi sældæk».*

Как-то мы поспорили со своим односельчанином: ну-ка, зайди в магазин и скажи на чистом дигорском: «Дайте мне 100 грамм мороженого». Спросили мы нескольких человек, но нам никто не ответил. Потом мы спросили старших, и они нам подсказали, как эту фразу сказать на чистом дигорском (с. Озрек, Тупов Эдик, 42 года, 2011 г.).

Стур-дигорский говор

В ходе диалектологической экспедиции обследованию подверглись населенные пункты Ирафского района РСО-А с. Дзинага, Стур-Дигора, Къуссу, Удола, Моска. Как известно, для сбора диалектологического материала необходимо точное название исследуемого населенного пункта, а также его хотя бы краткая история, информация о количестве жителей (коренных и некоренных). Селение Дзинага расположено у перекрестка двух перевалов, в 41 км к западу от с. Чикола, по правую сторону реки Караугом, в 116 км от г. Владикавказа, а от железной дороги – 78 км. Здесь живут такие фамилии, как: Тагаевы, Керчелаевы, Гобаевы, Найфоновы, Газаовы, Кужеловы, Елоевы, Костановы, Перисаевы, Ортабаевы, Хуймановы, Баграевы, Легоевы. Стур-Дигорское поселение объединяет такие села, как: Стур-Дигора, Къуссу, Одола, Моска. В этих селах жили более 27 фамилий: Афсановы, Бичегкуевы, Будаевы, Биазровы, Габеевы, Гетоевы, Дадтеевы, Гатдзиевы, Гобеевы, Кесаевы, Келоевы, Кодзасовы, Малиевы, Нафиевы, Озиевы, Рамоновы, Салагаевы, Темировы, Тургиевы, Туриевы, Цопановы, Хаймановы, Хамицаевы, Чегаевы и Чихтисовы [9]. Селение Стур-Дигора и другие населенные пункты данного поселения расположены к западу от с. Чикола по левому берегу реки Стур-Дигори дон, или Стур-Дигори Ираф.

Некогда густо населенные данные горные территории сейчас нельзя назвать таковыми. В с. Стур-Дигора остались жить около 30 дворов, в других селах по три-четыре двора. Как известно, основная часть людей из-за нехватки земли и тяжелых условий жизни переселилась на равнину. В связи с этим говор жителей с. Стур-Дигора потерял многие из своих черт.

Во время диалектологической экспедиции в 1955 г. в речи жителей данных населенных пунктов был выделен ряд фонетических, лексических, морфологических и синтаксических особенностей. Следует отметить, что основное подразделение видов дигорской речи проводится по особенностям про-

изношения звуков *c / č, ž / ž̃, s / š, z / ž̃* перед *e* и *i*, которые лежат в основе двух фонетических типов дигорских наречий – чокающе-джокающе-шокающе-жокающего и цокающе-дзокающе-сокающе-зокающего [Камболов, 2006, с. 445; Таказов, 2009, с. 8].

Стур-дигорский говор относится к чокающе-джокающе-шокающе-жокающему типу дигорской речи. К фонетическим особенностям данного говора можно отнести смешение гласных звуков [o] и [u], например: *ğolæg* вместо *ğulæg* «обида, неприятность, неприятный» (ср. *ğuelæg* в озрекском говоре), *sožijnae* вместо *sužijnae* «иголка» и т. д. Во втором лице единственного и множественного числа повелительного наклонения от глагола *сæун* «идти» происходит стяжение дифтонга [æu] в гласный [o], в результате чего вместо ожидаемой формы *сæугæ* «иди» мы имеем *cogæ* и *cogæuai*. Стяжение дифтонга [æu] наблюдается и в причастиях *kogæ* вместо *kæугæ* «плачущий», *cogæ* вместо *сæугæ* «идущая», которые образовались от глаголов *kæун* «плакать» и *сæун* «идти». В зависимости от занимаемой позиции согласные [z] [s] [c] [č] [ž̃] имеют разные варианты произношения. Перед гласными переднего ряда [e] [i] произносятся средне между свистящими и шипящими, например: *nesi* «ничего», *kærž̃cin* «чурек», *æxšir* «молоко», *čigt* «сыр», *čeu* «птица», *šigit* «глина», *žing* «огонь, жар» и т.д. (тексты №1, №3, №4).

Во всех остальных позициях указанные согласные произносятся чисто. В некоторых именах существительных, прилагательных, глаголах и наречиях наблюдается перебой носового согласного [m] в [n]. Там, где исторически должен быть носовой согласный [m] (сохраняющийся и в литературном осетинском языке), мы находим носовой согласный [n]. Причем он сохраняется и во множественном числе, в сложных словах, а иногда и в заимствованных словах [Цаллагова, 2013], например: *xumæ, xungædæ* «пашня»; *bakomun, bakundta* «согласился»; *sunkæ* «сумка»; *dongom, dongon* «берег, у берега» и т.д.

Перебой согласного [m] в [n] иногда происходит только в формах множественного числа существительных, например: *nom, nænttæ* «имя, имена»; *adæm, adæntæ* «люди, народы»; *kom, kænttæ* «ущелье, ущелья»; *dumæg, dungutæ* «курдюк, хвост»; *xumæ, xuntæ* «пашня, пашни»; *næmug, nængutæ* «зернышко, зернышки» и т.д.

А.Дз. Цагаевой отмечено существительное *xæpsæ* «лягушка», которое в данном говоре сохраняется в более древнем фонетическом оформлении. Согласно фонетическим законам, вместо согласного [p] здесь должно быть [f], т.е. *xæfsæ*. По данным нашего исследования, в говорах Ирафского района и с. Озрек употребительна именно эта форма – *xæpsæ*. Ввиду этого, мы считаем, что данное языковое явление не является особенностью стур-дигорского говора. В этом же исследовании отмечается переход звонкого согласного [z] в позиции перед [a] [u] [æ] в аффрикату [ʒ]. Например, *ʒæǵæ* (вместо *zæǵæ*) «скажи», *ʒaxta* (вместо *zaxta*) «сказал», *ʒaxtoncæ* (вместо *zaxtoncæ*) «сказали», *ʒæǵgæ* (вместо *zæǵgæ*) «говоря», *ʒæǵuinag* (вместо *zæǵuinag*) «то, что подлежит говорению» и т.д. (текст №3).

В нашем исследовании данный переход не нашел своего подтверждения, более того, по словам информаторов, это явление является особенностью речи жителей с. Чикола. В описываемом говоре иногда наблюдается переход смычно-гортанного [k'] в заднеязычный [g], например: *ʃigit* (вместо *ʃikit*) «земля», *mingij* (вместо *minkij*) «маленький» и т.д. Перед конечным согласным или полугласным корня в производных словах вставляется неслоговое [j], например: *dor* «камень» образует слово *doiron* «зверь»; от существительного *ǵæjuat* «место расположения селения» и др.

Распространенным языковым явлением в описываемом говоре является ассимиляция согласных, например: *is-cudæj* – *issudæj* «пришел», *is-co* – *isso* «приходи», *ær-lasioncæ* – *ællasioncæ* «привозили бывало», *ær-liǵdæncæ* – *ælliǵdæncæ* «прибежали, переселились» и т.д. Следует отметить, что assi-

миляция согласных характерна и для жителей других районов. Возможно, отмеченные А.Дз. Цагаевой особенности были характерны ранее только для жителей с. Стур-Дигора, но в настоящее время, вследствие активного контактирования с другими селами, большинство различий стерты [Таказов, 2009].

Большинство из вышеперечисленных черт стур-дигорского говора сейчас уже не актуальны. Однако некоторые особенности речи жителей данных населенных пунктов, отмеченные А.Дз. Цагаевой, устойчивы и на сегодняшний день. Особенности в области фонетики наблюдаются как в системе гласных, так и согласных. Так, например, наблюдается смешение гласных [o] и [u]: *ğolæg* вм. *ğulæg* «обидный, неприятный» (ср. *ğualæg* с. Озрек), *sožijnæ* вм. *sužijnæ* / *sužinæ* «иголка», *oğæli* вм. *uæğæli* «шиповник» (также имеются такие варианты произношения, как *uoğæli*, *uæğæli*, *uğæli*) и др.

В некоторых словах происходит смешение свистящего согласного [s] с зубным спирантом [ç], например: *xucau* / *xusau* «бог», *xucaubon* / *xusaubon* «воскресенье» и т. д. Однако любопытный факт использования словообразовательного элемента *-mat* – *kizgamat* «что-то похожее на девушку», *čigdamat* «что-то похожее на сыр», *fiŋgamat* «что-то похожее на стол», отмеченный в исследовании, сейчас практически не встречается, или же информаторы путаются в значении данных слов (например, *kizgamat* «очень хорошая девушка», «парень с женскими повадками») (текст №5).

Наиболее характерным явлением в области лексики в стур-дигорском говоре отмечено наличие двух, а иногда и трех слов для выражения одного и того же понятия, например: *qaun*, *fæltær* «поколение»; *gængur*, *ænkuelxæ* «ящерица», *uaz*, *xabar* «новость, известие»; *buræg*, *xelagæ* «змея»; *firton*, *sauvons*, *stavd fons*, *stor* «крупный рогатый скот» и т. д. Выделяются также слова, которые встречаются только в данном говоре, например: *mæncæuærðæ* «сжатое из под пшеницы поле», *sabærna* «плетеная сапетка», *uxstængulžæ* «указательный палец», *mogoinæ* «ку-

сочек квадратной доски, который вставляется между балкой и столбом для увеличения высоты помещения», *ʒugaræ* «тяпка», *kæsula* «салат», *firkoko* «предположительно баранчик обыкновенный» и т.д. Термин «*fæsmækur*» как в «Дигорско-русском словаре» [ДРС], так и в говорах других населённых пунктов, в которых живут дигорцы, означает «затылок», в данном же говоре мы имеем использование его и в переносном значении, в котором он обозначает еще и «заднюю часть дома». Кроме того, мы имеем вариант «*fæstægat*» или «*fæsʒægat*», который образовался путём сложения «*fæs* + *cægat*» букв. «за / позади + север». По мнению В.И. Абаева, в основе лексемы «*цæгат*» лежит понятие «тыла», «тыльной стороны» [ИЭ]. Ср.: с. Озрек – «*dælšera*» – букв. «нижний сарай» – небольшая пристройка к основному сараю, используемая для хозяйственных нужд.

Как известно, в дигорском диалекте для определенности имени перед ним ставится частица *i*, например: *барæг* «всадник» – *и барæг* «(тот) всадник» [Таказов, 2009, с. 43]. По этому поводу В.И. Абаев пишет: «...дигорский сохранил определенный член в виде частицы *i*, употребляемый, однако, не во всех случаях, где мы вправе были бы его ожидать, а лишь спорадически, и стоящий, по-видимому, на пути к отмиранию. Иронский совершенно не знает этого артикля, и единственным свидетельством его бывшего существования в этом диалекте является перенос ударения со второго слога на первый для выражения определенности» [Абаев, 1949]. Говор Стур-Дигорцев отличается более частым употреблением данной частицы (текст №2).

На наш взгляд, сохранение в стур-дигорском говоре частицы определенности имени *i*, которая в других говорах дигорского встречается очень редко, может свидетельствовать лишь о большей законсервированности данного говора, которая обусловлена экстралингвистическими факторами.

На современном этапе перед нами встает вопрос об изучении диалектов в их динамике, об изучении характера их изменений в переживаемую нами эпоху, о соотношении языковых

изменений с условиями экономической жизни населения, не только в отношении семантики и словаря (что казалось естественным), но также в отношении фонетики и морфологии. Самые разнообразные говоры: и связанные с территорией говоры масс, и говоры внутри культурных центров, и говоры внутри каждого населенного пункта находятся во взаимодействии, в результате чего получаются новые говоры. Это смешение диалектов находится в зависимости от взаимоотношений социально-производственных групп населения [Каринский, 1931].

Динамический подход к изучению говоров способствует выявлению ведущих тенденций развития диалектных систем. В ходе анализа разновременных фиксаций стурдигорского говора выявлено, что многие диалектные черты, свойственные говору, сейчас уже не присутствуют. Однако многие особенности произношения устойчиво сохраняются. Это обусловлено ростом внелингвистических факторов (междиалектных и литературнодиалектных контактов).

Тексты

№1. *Mæ boni radæ! Kud несæтæтæт bæžžis!*

Радость моя! Как ты ни на что не пригоден! (с. Уодола, Гобеева Света, 66 лет, 2011 г.).

№2. *Næuæg kinžæj min uojbærceæ kust attæj, mæ rod eu ralæstæj. Mæ ficcag suvællonæj ænæuodbaræ ku attæт, fæstag mæjtæ ku cuttæт, uæd ġog docunmæ bacuttæт, mamæ i ġog kaj e fensunsta ma i cæf mæ qæstæbæт æruadæj, ma i suvællon mæ xurfi nimmardæj. Maj mæxuædæg ba srazu nerlædærttæт, ma minkitæbæт marttæт mæxuædægдæт.*

Когда я была новой невесткой, у меня было столько работы, что (букв.) у меня толстая кишка вылезала (в переносном значении «сильно уставала»). Когда я была беременна первым ребёнком, последние месяцы дохаживала, пошла корову подоить, корова меня толкнула, и удар пришёлся на живот, и ребёнок умер у меня внутри. А сама не сразу это поняла и чуть сама тоже не умерла (с. Уодола, Гобеева Света, 66 лет, 2011 г.).

№3. *Xuasæ kærdgæj eu læk xelagæ fæduuæmbesi kotta. Kæsuj imæ æma u xelagæ kaj uoči sifæ jæxebæel toxun rajditta ma isžæbæx æj. Uoj fæste eči siftæj pajda kænun rajdittoncæ adæn alli xuži neztæ žæbæxgængæj. Eči lægi mukkaġ Dattetæj attæj ma kærdæg xonun rajdittoncæ «Dattej sifæ».*

Кося сено, один мужик змею порезал пополам. Смотрит на неё, а змея эту траву вокруг себя обматывает, залечивает себе рану. После этого случая люди стали использовать эту траву для лечения разных недугов. Фамилия этого мужика была Даттеев, и траву эту стали называть «Лист Датте» (с. Уодола, Гобеева Света, 66 лет, 2011 г.).

№4. *Ærgunžela næmæ razdær beræ fæzzaidæ, nurba aræx næbal æj. Æncæuoj xuærunmæ dær adġin æj, kuj basor kænaj, uætta xuærujnæk sadġin kænunmæ in arġ dær næjjes.*

Аргунзела (съедобная трава) у нас раньше росла в больших количествах, а теперь её стало мало. Так кушать она тоже вкусная, а в сушёном виде её можно добавлять в еду. Как приправа ей цены нет (с. Уодола, Гобеева Света, 66 лет, 2011 г.).

№5. *Qæbær xuarz kizgæ fæxhonuncæ kizġamat. Про очень хорошую девушку говорят кизгамат* (с. Уодола, Хортиев Борис, 81 лет, 2011 г.).

Архаическая лексика в говорах дигорского диалекта

Отслеживание и описание процессов, определяющих направление в развитии современных лексических систем, является очень важным для диалектологической науки. Изменчивость и развитие лексического состава языка определяется двумя основными языковыми процессами: архаизация (устаревание лексических единиц и значений) и неологизация (полнение языка новыми словами и значениями). Архаизация языка как явление – одно из основных показателей социальных изменений в обществе. Именно поэтому один из актуаль-

ных и центральных вопросов в лингвистической науке – это вопрос о языковой изменчивости.

Основными процессами в развитии лексики являются процесс неологизации и архаизации. В настоящее время очень актуальными являются вопросы исследования лексического фонда осетинского языка, его диалектов и говоров. Встают вопросы ее сохранения и изменения в соответствии с динамическими тенденциями в языке. От решения этих вопросов зависит объективность выводов относительно развития осетинского слова, так как очень часто те изменения, которые диалектологи склонны считать особенностью того или иного говора, могут быть рассмотрены как сохранение более древнего состояния формальной или семантической стороны слова. Следует отметить, что лексикология осетинского языка слабо изучена.

Некоторые вопросы архаизации осетинского языка так или иначе затрагиваются в работах М.И. Исаева [Исаев, 1966; 1974], Т.А. Гуриева [Гуриев, 1962], Т.З. Козыревой [Козырева, 1970], Ф.Д. Техова [Техов, 1977], Л.Б. Гацаловой [Гацалова, 2005], Л.К. Парсиевой [Парсиева, 2008], Л.Б. Моргоевой [Моргоева, 2009] и др.

Причины архаизации лексики различны: они могут носить внеязыковой (экстралингвистический) характер, если отказ от употребления слова связан с социальными преобразованиями в жизни общества, но могут быть обусловлены и лингвистическими законами [Розеталь и др., 2002]. Устареванию диалектной лексики способствует ряд причин, которые являются общезыковыми: 1) утрата понятий и явлений и связанных с ними действий и процессов; 2) общественные и социальные изменения; 3) влияние литературного языка [Борисова, 2012, с. 31-33].

Одной из причин архаизации лексики того или иного языка также является то, что вследствие влияния культуры больших и развитых народов ослабевает национальное самосознание носителей малых языков, происходит нарушение языковой

преемственности поколений. Одно из следствий этого – появление в осетинском языке огромного количества русских заимствований, а осетинские слова, обозначающие те же термины, переходят в пассивный словарь. По сути получается, что современным синонимом того или иного архаизма становится заимствование, в той или иной степени адаптированное под фонетическую систему осетинского языка [Цаллагова (а), 2013]. Например: *beġeli* «гумно, зернохранилище, амбар, житница» – *ambar*; *aræznæ* «руль» – *rul' / rol'*; *zeti* «масло растительное» – *maslæ*; *æfsapæ* «тот, кто владеет провизией, хлебодар, повар» – *þovær*; *kerta* «циркуль» – *cirkul'*; *medæggonæ* «кладовая» – *klædovkæ*; *sans* «клей» – *klej* и т.д. По нашим наблюдениям, некоторые тематические группы лексики наиболее подвержены архаизации. Так, практически вся лексика, связанная с военной сферой, относится к архаичной лексике. В прошлом военное дело являлось одним из основных 3 видов деятельности мужского населения Осетии. Слов, относящихся к этой сфере, большое количество. Социально-экономические преобразования, произошедшие в жизни осетин за последние столетия, способствовали переходу осетинской военной терминологии из активного пласта лексики в пассивный [Багаев, 2011, с. 5]. Таким образом, к числу тематических отделов осетинской лексики, в которых больше всего архаизированных слов, можно отнести следующие группы: 1) военная терминология; 2) орудия труда и быта; 3) лексика, связанная с домашними промыслами; 4) одежда и обувь; 5) пища и питье; 6) метрическая система, названия месяцев и дней недели. Данные тематические группы устаревшей лексики нами уже были рассмотрены [Цаллагова (б), 2013], кроме названий месяцев и дней недели. Эта группа относится именно к тем архаизмам, современными синонимами которых стали русские заимствования. Мы бы хотели акцентировать свое внимание на этой группе, потому как архаизация этой группы, а именно названий месяцев и дней недели, является неотъемлемым звеном в цепи устаревания

лексики малых языков. В прошлом у осетин в вопросе деления года на периоды и месяцы есть некоторые особенности. Осетины различали времена года следующим образом: ир. *zumæg* / диг. *zumæg* «зима»; ир. *ragwalzæg* / диг. *ragwalzæg* «ранняя весна»; ир. *walzæg* / диг. *walzæg* «весна и первая половина лета, приблизительно май-июнь»; ир. *fæjicjicæg* / диг. *fæzzæg* «лето, начиная с покоса и до листопада»; ир. *ærcægfaejicjicæg* «позднее лето, т.е. осень, с появления инея и листопада до первого снега». Начало года (ир. *næwæg bon* (букв. «новый день») / диг. *anzi sær* (букв. «начало года»)) ведется с пятницы, следующей за новолунием в зимний месяц *Basilti mæjæ* (Васильев месяц). Этот день не совпадает с нашим календарем, пишет В.С. Миллер, и «приходится то раньше, то позже Рождества, так как осетины ведут счет месяцам по лунным циклам» [Миллер, 1881, с. 447]. Названия месяцев не одни и те же по всей Осетии. У дигорцев употребительны следующие названия: 1) *Basilti mæjæ* – месяц Василия, соответствующий концу декабря и половине января. Название его объясняется влиянием христианства (другое название имеем в стур-дигорском говоре – *Ænsuri mæjæ*); 2) *Komaxsæn* – заговенье – приблизительно соответствует второй половине января; 3) *Komdaræni mæjæ* – месяц поста – соответствует февралю; 4) месяцы март и апрель, по свидетельству Ю. Клапрота, относящемуся к началу XIX в., являются двумя месяцами поста – *маруха дыууæ мæйы* (букв. «два месяца поста») [Клапрот, 1967, с. 163], у В.Ф. Миллера же (конец XIX в.) март уже назван *Marti mæjæ* [Миллер, 1881, с. 447] – март, здесь мы уже наблюдаем проникновение названий месяцев европейского календаря в традиционный осетинский; 5) *Nikkolæ* – месяц Николая, соответствует второй половине апреля и первой мая; название объясняется праздником святого Николая Чудотворца (9 мая); 6) *Фælværajy mæjæ* – месяц назван в честь патрона домашнего скота Фалвара – соответствует второй половине мая и первой июня. Еще одним вариантом названия этого месяца является зафиксированный нами в стур-дигорском го-

воре – *Xansi mæjæ* от *xans* – высокая густая трава; 7) *Amistol* – приблизительно половина июня и июля; по мнению В.И. Абаева, происхождение этого месяца предположительно связано с искаженной формой слова апостол, по имени апостолов Петра и Павла, день которых праздновался 29 июня [ИЭ, т. I, с. 51]; 8) Ю. Клапрот и В.Ф. Миллер этот месяц называют *Sosæni mæjæ* – июль-август, месяц мотания головой (у лошадей), по данным же наших информантов – сухи мæйæ; 9) *Ruxæn* – август-сентябрь, месяц течки у оленя (*ruxæn* называется звук, издаваемый оленем в этот период); 10) *Kæfti mæjæ* – рыбный месяц, приблизительно конец сентября и начало октября. Название объясняется тем, что с наступлением холода рыба из Терека идет в притоки, и тогда бывает хороший улов; 11) *Gewærgoba* – месяц св. Георгия; приблизительно вторая половина октября и первая ноября; 12) *Sæpporsæ* – соответствует концу ноября и половине декабря. По мнению В.И. Абаева, название этого месяца тождественно с дигорским числительным *sippor* – сорок, в настоящее время вытесненный новообразованием *duwinsæzi* (букв. две двадцатки), но сохранившимся в так называемом пастушеском счете. Праздник назван числительным «сорок», вероятно, потому, что ему предшествовал сорокадневный пост. Дигорское *sæpporse* представляет усеченную форму родительного падежа нумеративных слов (*sæpporse* из *sæpporsej*). Родительный падеж объясняется здесь тем, что подразумевается слово «праздник»: *sæpporsej bæærgbon* «праздник сорока». В дальнейшем *bæærgbon* отпало, но форма родительного падежа осталась. Как часто бывает, слово, законсервированное в культе (*цæппорс*), имеет более архаическую форму, чем это же слово из бытового пастушеского счета (*цыппор*) [ИЭ, т. I, с. 323]. Зафиксировано еще одно название месяца декабрь – *азолагозарт* – время, когда не достает хлеба и мяса [Клапрот, 1967, с. 163]. Вероятно, это усеченная форма от *ænæ zol ænæ kosart* – *æzolækosart* (букв. «без хлеба, без мяса»).

Следует отметить, что большинство нами опрошенных ин-

формантов не знают названия месяцев на своем родном языке, а пользуются современными русскими. И даже те, кто их знает (преимущественно представители старшего поколения), затрудняются и путаются в ответах. По сути, с осетинским календарем происходит то же самое, что и с древнеславянским календарем, который, как известно, в свое время был вытеснен солнечным календарем, разработанным в Древнем Риме [Цаллагова (а), 2013]. Ситуация, когда огромное количество осетинской лексики архаизируется и уступает место иноязычным эквивалентам, является последствием взаимодействия русского и осетинского языков на протяжении длительного времени. По этому вопросу Т.Т. Камболов пишет: «Непродолжительный период (1920-1950 гг.) либерального решения этноязыковых вопросов в Северной Осетии, в течение которого были созданы условия для расширения функционального поля осетинского языка и развития его внутренней структуры, сменился активным процессом сокращения социального функционирования осетинского языка и его структурным упадком» [Камболов, 2002, с. 98]. По его мнению, функциональное неравенство русского и осетинского языков создано в результате двух основных процессов:

– планомерной регламентации по увеличению объемов русского языка и сокращению доли осетинского языка в социально важных сферах образования, государственной власти и местного самоуправления, обоснованной реальными кадровыми, учебными, методическими и финансовыми проблемами;

– как следствие, снижения социального престижа осетинского языка и уровня владения родным языком большей частью осетинского населения, приведшего к самопроизвольному сокращению доли осетинского языка в сфере художественной литературы, науки, бытового общения и др. [Камболов, 2002, с. 98].

Хочется отметить, что в современной осетинской художественной литературе наметилась такая тенденция – многие ав-

торы пишут свои произведения на русском языке. Безусловно, это не способствует развитию и сохранению языка, а наоборот, ведет к его упадку. Как известно, процесс архаизации приводит к появлению в языке историзмов и архаизмов. Если историзмы – это слова, которые вышли из употребления в связи с исчезновением обозначавшихся ими реалий, то архаизмы – это вытесненные синонимами названия каких-либо предметов или явлений. Существуют несколько типов архаизмов:

1) лексико-фонетические архаизмы – слова, которые имеют несвойственный современному произношению звук или сочетание звуков, например: *iragæs – ærwagæs* «вера»; *idujun – fedujun* «иссякать»; *isærxun, izærxun – efxærsun* (развлекать) и т.д.;

2) собственно лексические архаизмы, например: *qabaġ* «поселение, аул, хутор»; *tænqaræ* «слабый»; *tyryn / tærna* «мальчик, отрок, юноша»; *tæton* «щедрый»; *arġyc / arġoc, arġuc* «уважение, почтительное отношение»; *asqod, æsqod, æsqot* «утаивать, замалчивать, не давать огласке»; *fes* «счастье»; *fesgun* «счастливый, синонимично – *nivæ / nivgun*»; *kenges kænun* «думать о чем-либо»; *oġulli* «удачный, удачливый, приносящий удачу, синонимично слову *hair*» и т.д.;

3) грамматические архаизмы – устарелые грамматические формы слов: *æmbaun* «гноить»; *cæwajnon* «охотник»; *fæduj* «раскалывается»; *mardæ uj* «убивают»; *axæstæ uj* «ловят»; *ne 'stuj* «не стоит» и т.д.;

4) семантические архаизмы – устаревшие значения слов, которые существуют в современном языке, но номинируют другое явление или предмет: слово *kosæg* изначально обозначало – представитель низшего сословия в феодальный период, сейчас – «работник, работающий»; *fat* «стрела», но с появлением огнестрельного оружия этот термин стал обозначением пули; *adæmixatt* «феодальное сословие, основная крестьянская масса (крестьянин – общинник)», современное значение «народ, народность, национальность» и т.д. К архаическим явле-

ниям в осетинском языке можно отнести и некоторые формы словоизменения и словообразования. В обоих вариантах осетинского языка (дигорском и иронском) некоторые термины родства, основа которых заканчивается на *-d*, *-t*, образуют форму множественного числа путем вставки элемента *-æl-*, причем в дигорском, в отличие от иронского, конечный согласный *-d* геминируется (таблица №1).

Таблица №1

Формы множественного числа терминов родства в иронском и дигорском диалектах осетинского языка

Иронская форма		Дигорская форма	
mad – мать	madæltæ	madæ	maddæltæ
fyd – отец	fydæltæ	fidæ	fiddæltæ
ærvad – брат	ærvadæltæ	ærvadæ	ærvaddæltæ

Но есть одна особенность – в иронском такой способ образования множественного числа встречается только в этих трех словах, а в дигорском, по данным В.И. Абаева, еще целый ряд слов, обнаруживающих ту же особенность в образовании множественного числа: *wosæ – wostæltæ* (жена, женщины); *uxst – uxstæltæ* (вертел); *sast – sæstæltæ* (обломок) и т.д. [Абаев, 1941, с. 40]. Следует отметить, что данное языковое явление было зафиксировано А.Дз. Цагаевой и определено как особенность озрекского говора дигорского варианта осетинского языка [Цагаева, 1959]. Однако данная форма на сегодняшний день уже не употребительна в говорах дигорского диалекта, что позволяет нам говорить об архаичности данной грамматической формы. Что же касается словообразования, то одним из распространенных и продуктивных в обоих диалектах факторов словообразования и обогащения лексики является сложение слов (сложные слова). Принципы образования сложных слов и основные их типы одинаковы в обоих диалектах. Но есть одно заметное расхождение, отмеченное В.И. Абаевым [Абаев, 1949, с. 426]: в сложных словах, где вторая часть является от-

лагательным именем с отвлеченным значением («смотрение», «дразнение» и т.д.), иронский дает обычно глагол в форме прошедшего причастия (основы прошедшего времени), а дигорский – в виде настоящего времени с конечным гласным -æ: диг. *sosæg-warzæ* / ир. *susæg-warzt* «тайная любовь»; диг. *kex-færsæ* / ир. *xync-farst* «настойчивый вопрос»; диг. *zændæel-kafæ* ир. / *wæzzaw-kaft* «вялый танец» и т.д. Однако на сегодняшний день данная форма словообразования стала в дигорском малоупотребительна, более того, некоторые сложные слова, приведенные В.И. Абаевым, нашим информантам практически не понятны, или они затрудняются в определении их значения, например: *adgin-ğaræ* – приятное впечатление; *list-kæsæ* – внимательный взгляд; *ærxun-xussæ* – грустный сон; *desæ-zoræ* – удивленная речь; *dælbun-kæsæ* – взгляд исподлобья и т.д.

В современной лингвистике устаревшая лексика традиционно рассматривается как стилистическая категория, которая используется как средство исторической стилизации в художественной литературе. Что же касается вопроса ее системности, то он на сегодняшний день является пока не установленным.

Наиболее распространенной сегодня является классификация устаревшей лексики Н.М. Шанского, которая основана на том, что слово как языковой знак способно архаизироваться и в плане выражения (форме), и в плане содержания (значении) (помимо деления на историзмы и архаизмы) [Шанский, 1954]. Именно этот принцип лег в основу последующих классификаций устаревшей лексики. По характеру внешних и внутренних причин устаревания архаическая лексика подразделяется на историзмы и архаизмы. Историзмы – это слова и словосочетания, которые обозначают предметы или явления, которые когда-то существовали. Как правило, историзмы не имеют синонимов в современном языке и принадлежат только к лексическому пласту языка. Архаизмы – слова, по каким-либо причинам вытесненные из активного употребления синонимичными лексическими единицами.

Как известно, начальным и важным этапом в изучении единиц лексического уровня является его тематическая классификация. Классификация по тематическим сферам позволяет систематизировать фактический материал на понятийной основе, а также продемонстрировать взаимосвязь элементов внутри группы. В ходе исследования выделяются две лексико-тематические группы устаревшей лексики:

I. Этнографические

– одежда и обувь: *bærcaġodæ* (мн. *bærcaġodtæ*) – кармашек на груди черкески для газырей; *fadtavæn* – подстилка для чувяка из сухой травы; *gebena* – короткая верхняя одежда из грубого материала; *goncaruq* – простая крестьянская обувь в виде лаптя; *ormeg* / *wormeg* – дорогой кафтан из верблюжьей шерсти, надеваемый в особых случаях, и т.д.;

– этнонимы: *gubec* – дагестанцы; *gubeccag* – дагестанец (ср. моздокские дигорцы дагестанцев называют – *tavlintæ*); *Sam* – Сирия, Дамаск; *sari* – сваны, Сванетия; *wirag* – еврей, иудей; *xad* – мтиульцы (горное грузинское племя, живущее в верховьях Арагвы по соседству с осетинами);

– пища и напитки: *qæburġæ* – похлебка из ячменя; растолченная фасоль с кукурузой; *succumud* – блюдо, получаемое при уварке до 3-х литров ведра пива; *xaltama* – кусочек раскатанного теста в похлебке из кукурузной муки; *wæras* – брага;

– домашняя утварь: *godoraæ* – корзина для хранения зерна, сапетка; *gogura* – полая тыква, употребляемая как сосуд; *satalæ* – плетенка из березовых прутьев, на которую укладывают копну сена в горах, с тем чтобы потом волоком свезти ее вниз; *setenæg* – плетеная полка для укладки сыров;

– меры длины и веса: *berka* – специальный сосуд вместимостью в 1-2 пуда, служивший меркой для сыпучих тел; *giranka* – фунт; *cængærinæ* / *cængærijnæ* – мера длины; *izestæ* – пядь (мера длины), расстояние между концами большого пальца и мизинца руки; *ivæznæ* – «маховая сажень» расстояние между концами горизонтально растянутых рук; *mætæze*

– небольшая корзина, служащая также мерой зерна (около 8 кг.); *merka* – мера зерна, сосуд, вмещающий около пуда зерна.

В говоре жителей с. Озрек нами обнаружено использование в значении «грамма» термина диг. *texsag*. Мы полагаем, что это иронское *mišxal / mišqal* – «золотник» (мера веса). Из араб. *misqal* «мера веса, равная 1 ½ драхме», употребляется для измерения дорогих металлов, жемчуга и т.п. Было в употреблении на всём Кавказе: арм. *msxal*, груз. *misxali*, авар. *misqal*, каб. *mesqal* и др. Обычно приравнивалось к 1/84 русского фунта [ИЭ, т. II, с. 123]. Данный термин малоупотребителен и знаком только представителям старшего поколения [Цаллагова, 2012];

– терминология, относящаяся к домашним промыслам: *kema* – прибор для растирания и размягчения кожи, ремней (в виде раздвоенной палки с зубринами); *kixæ* – штамп для тиснения на коже; *qæbysqæd / ġæbesġædæ* – название части ткацкого станка – вращающегося вала, на который натягивается готовая ткань; *cans* – петля (сети, башлыка, при тканье); *nærv / nærwæ* – деревянное орудие, с помощью которого мнут и размягчают кожу, кожемяка; *aldymbyd / aldæmbid* – «тесьма шелковая», «галун» (которым обшивают края черкески, башлык, чувяков, ноговиц и пр.) и т.д.;

– лексика пчеловодства: *ævzæn* – рой, из которого выделяется второй рой; *ævzænzæ* – второе роение; *ævsiz* – выделившийся второй рой; *ævzakæ* – пчелы, прибавляемые в малочисленный улей для усиления; *ævzæġod* – внутренняя крышка улья; *ævzængure* – название медоносного растения. По мнению В.И. Абаева, *ævz-/ æfs-* – старое название пчелы, совпадающее с общеиндоевропейским названием осы: *wabza-*, *wapsa-* [ИЭ, т. I]. Следует отметить, что в Дигории существовал культ особаго божества, покровителя пчеловодов – *Anigol / Anægol*. В силу этих культовых представлений это слово было вытеснено из обихода под действием табу. Современное название пчелы *mudibinzæ*, что означает медовая муха.

II. Общественно-политические

– носители власти: *woli* – владыка, господин, главарь; *wakel* – представитель, уполномоченный, доверенное лицо; *mælekk* – правитель, царь, князь; *xundager* – турецкий султан;

– сословия: *badeliat*, *cærgæsat* – человек высшего сословия; *toqosaw* – человек низшего сословия; *unæut* – прислуга, служанка; *gegwakæ* – наемник; прислужник; *qumajag* – 1. жена из низшего сословия; 2. зависимая часть крестьянства; *adæmixatt* – феодальное сословие, основная крестьянская масса (крестьянин – общинник); *hexez* – категория людей, по каким-либо обстоятельствам вынужденные покинуть насиженные места и искать новые места поселения (лично свободный крестьянин);

– терминология, относящаяся к военной тематике – оружие: *eræzipp* – кремневое ружье; *gorda* – высоко ценимый в старину сорт сабель; *kereke* – доспехи; *kældun* – кривая сабля, кривой кинжал; *tuzura* – штык, палка (альпийская, охотничья, с железным наконечником); *ġosxwasæ* – запальный порох, рожок, где хранился порох для запала кремневки; *sæġadaq* – оружейный набор, состоящий из колчана, лука и стрел; *starcæ* – название оружия, копье, жердь, кол; *æsqær* – доспехи, латы, панцирь, кольчуга, броня, металл; *topzi* – пушкарь; *taxsæ* – военная разведка; *færenk* – знаменитая в старину марка сабель; *celq /cerq* – вид клинкового оружия; *fat* – стрела, но с появлением огнестрельного оружия пуля тоже называется у дигорцев *fat*; *æsqærcæg* – кольчужное колечко; *bijde* – наконечник стрелы;

– военные укрепления: *gænæx* – жилия башня; *mæsug* – военная башня; *galwan* – замок, укрепление, крепостная (каменная) стена; *qala* – укрепление, *qallæ* – казачья станица, укрепленное поселение; *rædæn* – бойница; *koskæ* – машикуль (вид бойницы);

– другие: *æmigir / æmyġcyr* – каждая из жен при многоженстве в отношении другой. Вероятно, что данный термин значит «сосупружная» и включает в первой части префикс общности

æm-, а во второй – какое-то слово со значением «муж» или «самец». Таким словом, по мнению В.И. Абаева, могло быть *ǵir*, которое теперь означает «боров», «кабан», но, подобно другим аналогичным терминам, относящимся к животным, первоначально могло означать вообще «самец» [ИЭ]. Следует отметить, что многоженство существовало у осетин независимо от мусульманства и вызывалось соображениями хозяйственного порядка, а также интересами самосохранения (потребность в рабочей силе, бездетность первой жены); *enǰeg*, *ænǰeg* – «воспитанник», слово связано с распространенным в прошлом у народов Кавказа аталычеством; *nombælwos* – побочная, неполноправная жена; *ærwæt* – калым за невесту и т.д.

Состав тематических сфер, в которые группируются историзмы и архаизмы, создает определенно четкую картину конкретной эпохи. Среди устаревшей лексики – большое количество слов, относящихся к военному делу. Это является отражением той важной роли, которую играли оружие и военная деятельность в жизни осетинского народа в прошлом. В период с XV-XIX вв. комплекс вооружения осетинского воина непрерывно претерпевал изменения. Одни типы оружия, постепенно модернизируясь, сохранялись, другие выходили из употребления, уступая место более новым видам [Багаев, 2011]. Необходимо также отметить, что сохранению устаревшей лексики, связанной с военным делом, способствовала популярность у осетин нартовского эпоса, в котором нашла яркое отражение военная культура осетин и связанная с ней лексика. Однако существуют и другие подходы к типологии устаревших слов. Например, в зависимости от степени устарелости устаревшую лексику можно разделить на несколько групп:

1) слова, неизвестные или непонятные большинству носителей языка, например: *rætænbos* – перевязь из скрученных прутьев, скрепляющая оглобли саней с полозьями; *satalæ* – плетенка из березовых прутьев, на которую укладывают копну сена в горах, с тем чтобы потом волоком свезти ее вниз; *zætæra*

– кушанье из сыра и накрошенного хлеба; *qizon* – поросенок;

2) слова, исчезнувшие из языка, например: *xegæ* – печь в виде ямы, для выпечки хлеба; *samilaq* – название растения с черными сладкими ягодами; *ændæwoǵ* – враг, недруг, соперник; *jix* – отступление, осада;

3) слова, встречающиеся только в составе производных слов и устойчивых речевых формулах, например, слово *æfcæg* имеет два значения – 1. шея; 2. перевал. Однако первое значение данного слова практически не используется, хотя оно сохранилось в производном от него слове *æfcæggot* – воротник. Слово *æxsin* обозначает в осетинском языке темно-серый цвет. Однако в своем прямом значении практически не используется, оно сохранилось в слове – *æxsinæg / æxsinængæ* – дикий голубь.

Некоторые слова сохранились в устойчивых речевых формулах, например. лексема *azum / azon* – вина, провинность, используется сейчас только в устойчивой речевой формуле *azujmag fæwwo* – бранное выражение, букв. «будь тем, кто заслуживает осуждения»; *ket* – настроение, используется только в выражении *æ keti næj* – он не в духе, и т.д.

Однако несмотря на существующее многообразие классификаций устаревшей лексики, которые мы рассмотрели, многоаспектность объекта исследований позволяет продолжать работу в этом направлении. В ходе диалектологического исследования говоров дигорского диалекта мы пришли к тому, что в отдельную группу можно выделить слова, которые сохранились только в некоторых говорах дигорского диалекта. Например, слово *nosun* – целовать. Сейчас в том же значении в осетинском языке, как в иронском, так и в дигорском диалекте, используется термин *ba kænyu / ba kænu*. По данным нашего исследования, лексема *nosun* сейчас используется только в говоре моздокских дигорцев. Однако мы не можем говорить о том, что это является особенностью говора, так как, по данным В.И. Абаева, данный термин обнаруживается еще в югоосе-

тинских тестах Ялгузидзе (начало XIX в.). Засвидетельствована также иронская форма – *pusyn* [ИЭ, т. II]. Это позволяет нам утверждать то, что данное слово было общеупотребительным для осетинского языка, но ввиду экстралингвистических факторов, а именно более изолированного проживания переселенцев из горной Дигории в Моздокский район, позволило носителям этого говора сохранить в себе некоторые слова, которые другие говоры потеряли. К этой же группе относятся слова *nostæ* – невеста, *sælbær* – брюки, шаровары, *uge* – название хороводного танца: разновидность симда (отмечено у дигорцев Моздокского района) и т.д.

Таким образом, анализ некоторых моментов, связанных с процессом архаизации диалектной лексики осетинского языка, дает возможность накопления сведений об устаревшей лексике, помогает воссоздать общую картину исторического развития лексического состава. В ходе исследования нами выявлено, что процессу архаизации в осетинском языке подвержены как моносемантические, так и полисемантические слова. В зависимости от причины утраты актуальности в осетинском языке выделяются четыре типа архаизмов: 1) лексико-фонетические; 2) собственно лексические архаизмы; 3) грамматические архаизмы; 4) семантические архаизмы. Архаизации подвержена не только лексика, но и некоторые формы словоизменения и словообразования. Большое количество архаичных слов, современными синонимами которых стали заимствования из русского языка, являются следствием билингвизма осетинского населения. Функциональное неравенство русского и осетинского языков привело к снижению социального престижа осетинского языка и уровня владения родным языком среди большей части осетин. Ввиду этого мы считаем совершенно необходимым повышение престижности языка и расширение сферы его функционирования.

Адаптация заимствований в говорах дигорского диалекта

В настоящее время проблема заимствованной лексики снова стала весьма актуальной. Последние годы в осетинской речи, притом, как в устной, так и в письменной, увеличилось употребление заимствованных из русского языка слов. Появление большого количества иноязычных слов, их быстрое освоение и закрепление в языке обусловлено стремительными переменами в жизни общества. Новыми иноязычными словами пополняются прежде всего тематические группы, которые относятся к развивающимся сферам жизни, таким как наука и техника (в частности информатика), экономика и финансы, массовая культура, спорт, политика и государственное устройство, медицина [Крысин, 2004, с.17]. Как известно, заимствование – это процесс, в результате которого в языке появляется и закрепляется некоторый иноязычный элемент (прежде всего слово или полнозначная морфема). Заимствованная лексика отражает факты этнических контактов, социальные, экономические и культурные связи между языковыми коллективами [Сэпир, 1993, с. 257]. На сегодняшний день в период интенсивного расширения экономических, политических, культурных связей между народами и межъязыковых контактов изучение процессов заимствования приобретает особую значимость и актуальность.

Взаимодействие осетинского и русского языков началось во второй половине XVIII века. Вхождение Осетии в состав России и постепенное распространение имперской административной системы на жизнь осетинского общества способствовали росту значимости русского языка среди осетин. Первоначально осетины усваивали русский язык во время службы в рядах русской армии. Сотни осетинских добровольцев участвовали в войнах России. Большую роль в росте осетинско-русского двуязычия сыграли церковноприходские школы,

а также школы «военных воспитанников» при полках русской армии, расквартированных на Кавказе. С каждым годом число осетин, владеющих русским языком, возрастало. В период советской власти этот процесс проходил особенно интенсивно, и со второй половины XX века языковую ситуацию в Осетии можно называть билингвальной. Владение подавляющим большинством осетин русским языком не создает артикуляционных препятствий при фонетическом освоении новых слов. Кроме того, географическое соседство двух народов на протяжении веков способствовало взаимопроникновению материальной и духовной культур, что, конечно же, отразилось и в языке: в осетинском языке существует огромный пласт русских заимствований, воспринимающихся носителями осетинского языка как исконно осетинские лексемы [Гацалова, 2005, с. 111].

Как известно, заимствование появляется в языке в результате воспроизведения иноязычного материала. При этом первоначальный звуковой ряд часто искажается, что объясняется различием в фонетической и, в большинстве случаев, графической системе двух языков. В заимствовании, по сравнению с его иноязычным прототипом, воспроизводится не просто звук, а другой языковой знак, знак другой языковой системы [Гацалова, 2005, с. 108].

Адаптация заимствования – сложный процесс, начинающийся с момента номинации какого-либо предмета или явления иноязычным словом и продолжающийся в его фонетическом, морфологическом, словообразовательном и семантическом оформлении. Большое значение при фонетической ассимиляции заимствований имеют особенности дистрибуции фонем в обоих языках. Сочетаемость фонем, будь то сочетания гласных между собой, гласных с согласными или согласных друг с другом, в любом языке подчиняется своим специфическим правилам и законам, часть из которых, впрочем, обычно оказывается общезначимой для многих, а иногда и для всех

языков мира [Гринберг, 1999, с. 21]. Следует отметить, что фонетические изменения в заимствованных осетинским языком (иронским вариантом) из русского языка словах описал Т.А. Гуриев в своей монографии «Влияние русского языка на развитие осетинской лексики» [Гуриев, 1962].

В отношении дигорского диалекта осетинского языка такого исследования проведено не было. Однако данный вопрос, ввиду своей актуальности, теоретической значимости для определения основных тенденций в динамике развития языка, привлекал внимание известных осетиноведов [Исаев, 1966; Таказов, 2009; Гацалова, 2005; Гацалова и др., 2012].

Русские заимствования в диалектах осетинского языка, по мнению М. И. Исаева, составляют два лексических пласта:

1) слова, усвоенные до Октябрьской социалистической революции;

2) слова, усвоенные в советский период.

В свою очередь, первый пласт лексики охватывает несколько тематических групп:

1) слова военной терминологии (относятся автором к наиболее ранним заимствованиям), например: *saldat* «солдат», *kazarmæ* «казарма», *qazaq* «казак», *inælar* «генерал» и т.д.;

2) слова, связанные со школой и административной деятельностью, например: *škola* «школа», *klas* «класс», *advakat* «адвокат», *zakon* «закон» и т.д.;

3) слова из производственной и торговой деятельности, например: *zavot* «завод», *fabrikæ* «фабрика», *kapekk* «копейка» и т.д.;

4) культурные и бытовые термины, например: *goræt* «город», *kalbas* «колбаса», *kurupa* «крупа», *kartof* «картофель» и т.д.;

5) названия ряда стран и национальностей, собственные имена, например: *German* «Германия», *Japon* «Япония», *Franci* «Франция», *netuc* «немцы», *Danel* «Данила», *Iwan* «Иван» и т.д.

Второй пласт русских заимствований, появившийся в советский период, более обширен, что обусловлено распространением двуязычия у осетин, как, впрочем, и у многих малочисленных народов Советского Союза (*sovet, kolhoz, kommunist, tuzykæ* и т.д.) [Исаев, 1966, с. 29].

Попадая из русского языка в осетинский, заимствование может или остаться без изменений, или оформиться по фонетико-графическим законам осетинского языка. М.И. Исаев выделяет следующие основные фонетические явления, наблюдаемые в русских заимствованиях:

1) двухфокусная смычная аффриката [ч] в русских словах заменяется однофокусной аффрикатой [ц], например: *пец* «печь», *цай* «чай»;

2) двухфокусный шумный щелевой [ш] заменяется однофокусным [с], например: *касае* «каша», *скъола* «школа»;

3) русские глухие смычные заменяются соответствующими смычно-гортанными, например: *къанау* «канава», *пъол* «пол», *пъалто* «пальто»;

4) в некоторых заимствованных словах наблюдается диссимилиативное озвончение глухих согласных: *болкъон* «полковник», *бапъирос* «папироса».

На фонетическое оформление заимствованных слов большое влияние оказывает ударение. По мнению М.Л. Апажева, перенос акцентологических законов родного языка на заимствуемые слова – особая разновидность фонетической ассимиляции [Апажев, 1963, с. 248].

Ударение в дигорском диалекте характеризуется как экспираторное, т.е. силовое (сила его зависит от долготы или краткости ударенного гласного). Характерной чертой дигорского ударения является также то, что оно не является фиксированным, т.е. оно не прикреплено к определенному слогу, как в русском языке [Исаев, 1966, с. 26].

Существует мнение, что ударение в словах, заимствованных из русского языка, сохраняется на том же месте, что и в

русском языке [Исаев, 1966, с. 26; Таказов, 2009, с. 34]. Однако по нашим наблюдениям, в заимствованных словах происходят некоторые изменения, а именно:

1) теряется четкость ударения, например: *vagon*, *zakon*, *balkon*, *zagon*;

2) меняется место ударения, например: *kilæ* (озр.), *kelæ* (ст.-диг.) «кило», *kino* (диг.), *keno* (ст.-диг.) «кино», *kamis* «комиссия», *kanaw* «канавка»;

3) ударение сохраняется на том слоге, на который оно падает в русском, например: *шахматтæ*, *журнал*, *орфографи*, *щетка*, *рифмæ*, *поэмæ* и т.д.

В ходе данного исследования нами было обнаружено, что некоторые заимствованные слова в разных говорах дигорского диалекта произносятся по-разному, например: кило – *kilæ* (озр.), *kelæ* (ст.-диг.); *лупр* – *litæ* (озр.), *liter* (ст.-диг.); метр – *metæ* (озр.), *metir* (ст.-диг.) и т.д.

Данное явление наблюдается не только в терминах метрической системы, но и в общеупотребительной лексике, например: скидка – *skitkæ* (ст.-диг.), *skitkæ* (озр.); кружева – *kuršavæ* (озр.), *kursiavæ* (ст.-диг.); интернет – *internet* (озр.), *intirnet* (ст.-диг.) (наблюдается сильная палатализация звуков *t* и *n*); пластиковая бутылка – *baklaškæ* (озр.), *botiula* (ст.-диг.), *butilkæ* (зад.-хан.); ящик – *iaцук* (озр.), *auцik* (ст.-диг.) и т.д.

Из этого следует сделать вывод, что в новых (заимствованных) словах в той или иной степени могут отразиться фонетические черты говора. Так, дигоринскому говору характерно произношение долгого [i] близко к иронскому долгому [i̯], в то время как в чиколинском говоре, кроме нескольких слов, где долгое [i] имеет исторические корни, всегда произносится кратко [Таказов, 2009, с. 8]. Эта характерная черта говора проявляется и в произношении заимствований – кино, пирог и т.д.

Согласные в новых словах нередко подвергаются тем же изменениям, как и в своих исконных словах. Например, одной из особенностей речи стур-дигорцев является замена в неко-

торых словах звука *m* на *n*: *bakundta* (вместо *bakumdta*), *adaen* (вместо *adaem*) и т.д. То же самое происходит с заимствованным словом «сумка» – *sunkæ* (ст.-диг.). Обращает на себя внимание изменение слова – названия города Нальчик в стурдигорском говоре: *Nalčik*. В данном заимствовании наблюдается переход палатализованного (смягчённого звука) [ль] в веляризованный, т. е. происходит отверждение – [л]. Однако данного единичного случая недостаточно, для того чтобы утверждать закономерность такого перехода.

Ввиду этого необходимо дальнейшее исследование принципов адаптации заимствованной лексики. По мере усвоения новых терминов и тех реальных понятий, которые ими обозначаются, старые слова, названия постепенно переходят в пассивный словарь, а затем и вовсе утрачиваются. Например, названия месяцев. По данным нашего исследования, большинство информаторов не знают названия месяцев на своем родном языке, а пользуются современными русскими. И даже те, кто их знает (преимущественно представители старшего поколения), затрудняются и путаются в ответах. По сути, с осетинским календарем происходит то же самое, что и с древнеславянским календарем, который, как известно, в свое время был вытеснен солнечным календарем, разработанным в Древнем Риме. Кроме появления на селе громадного количества новых слов, соответствующих новым формам экономики, культуры и быта – этого основного процесса, – для развития языка носителей говоров характерна утрата старых слов, оказавшихся ненужными в новых условиях. Вытеснение лексических диалектизмов различных говоров происходит везде одинаково: местное слово сначала выходит из употребления у представителей сельской интеллигенции, потом и вовсе переходит в разряд пассивной лексики. Не все старые слова выходят из употребления одновременно. Известное время старое слово и в большей или меньшей степени соответствующее новое слово сосуществуют. При этом они могут сосуществовать не только

в языке разных лиц, но даже и в языке одного и того же лица в одно и то же время. Например, слово невеста имеет два обозначения в дигорском *kinžæ* / *nostæ*, при том второй вариант – *nostæ* со временем отошел в разряд малоупотребительной лексики. И хотя оно всем известно, пользуются в основном вариантом – *kinžæ*. Особое место в ряду аспектов ассимиляции заимствований отводится словообразовательной адаптации. Часто при переходе слова из русского языка в осетинский словообразовательные средства русского языка заменяются на функционально адекватные словообразовательные средства осетинского языка [Гацалова, 2005, с. 124], например: *политикон*, *процессуалон*, *коллективон*, *орфографион* и т.д. Словообразовательная адаптация заимствований, затрагивающая их форму и содержание, наблюдается на этапе укрепления этих слов в языковой системе и функционирования в речи в качестве единицы этой системы: производящая основа в дериватах оформляется уже в соответствии с законами принимающего языка, само же наличие дериватов у заимствований косвенно подтверждает целесообразность их включения в язык [Казкенова, 2003, с. 76].

Анализ некоторых особенностей в процессе адаптации заимствованной лексики в дигорском варианте осетинского языка показал важность комплексно-системного подхода в изучении иноязычной лексики (в данном случае русской). Необходимо исследование данной лексики во всех аспектах: фонетико-графическом, морфологическом, словообразовательном и семантическом, так как все эти четыре аспекта активно используются в говорах дигорского диалекта. Формальная адаптация не является обязательным условием включения слова в языковую систему. В говорах дигорского диалекта существуют и такие заимствования, которые мало отличаются от аналогов в языке-источнике. Такие случаи обусловлены наиболее полным фонетическим и структурным соответствием иноязычного элемента нормам заимствующего языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В словообразовательной системе любого языка неизбежно происходят определенные динамические процессы, которые диктуют степень продуктивности тех или иных деривационных моделей. В ходе этих процессов происходит актуализация некоторых способов словообразования. На современном этапе развития языка наблюдается существенный рост роли словосложения в словообразовании. Этот факт обусловлен тем, что современная эпоха интенсивно развивается, а вместе с развитием появляется множество сложных понятий и явлений, которые необходимо как можно полнее и точнее назвать. Композиты занимают особое место в структуре языка, их отличает большая информативность и функционально-семантическая нагрузка. Таким образом, композитное словообразование является одним из самых эффективных средств пополнения лексики в различных языках.

Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы выявить структурно-семантические и функциональные особенности композитов в дигорском диалекте осетинского языка. Для достижения данной цели в работе проведен комплексный анализ композитных существительных, прилагательных и наречий, выявлены их семантико-мотивационные и структурные особенности.

Одним из главных признаков, который отличает композит от словосочетания, является его цельнооформленность. Выражается она морфологически, фонетически, графически и семантически. Эти факторы могут сочетаться в одном слове, но также существуют сложные слова, в которых определяется один из факторов. Морфологическая цельнооформленность выражается в наличии единых для всего образования определенных грамматических значений и форм. Однако при склонении падежные формы относятся ко всему композиту, но падежное окончание присоединяется к последнему компо-

ненту сложного слова. При этом формоизменение в именных словосочетаниях происходит таким же образом. Этот факт говорит о том, что в осетинском языке морфологический фактор (падежные формы и формы числа) не может быть надежным критерием для идентификации композитного образования. Основными критериями различения композитов и словосочетаний в осетинском языке являются семантический и формально-структурный. На современном этапе развития осетинского языка как в иронском, так и в дигорском диалекте существует довольно большое количество сложных образований, статус которых не определен. Исходя из этого, оба варианта написания, как слитное, так и раздельное, остаются актуальными.

Семная структура композита обусловлена его компонентным составом. В процессе словосложения выбор составляющих его компонентов всегда логически обоснован, ввиду чего в каждом языке вырабатываются определенные правила сочетаемости. Однако мотивированность применения той или иной лексемы в качестве компонента в некоторых сложных словах не всегда очевидна.

В современном осетинском языке, как в иронском, так и в дигорском диалекте, композитное словообразование продуктивно в таких частях речи, как существительное, прилагательное и наречие. По характеру взаимоотношений компонентов сложные существительные, прилагательные и наречия подразделяются на два типа: с сочинительной и подчинительной связью между компонентами.

Для сочинительной связи характерно объединение понятий одной семантической группы, составляющие компоненты независимы друг от друга, чем и обусловлено сохранение формальных грамматических признаков каждого из них. Сложное существительное с сочинительной связью между компонентами представляет собой единое понятие, являющееся соединением понятий, названных двумя существительными или же двумя глагольными основами.

Наиболее продуктивным словообразовательным типом являются сложные существительные с подчинительной связью компонентов, которые в зависимости от их морфологической структуры образуют следующие группы: 1) существительное-определение (в форме родительного падежа, при этом оно может быть как грамматически оформленным, так и не иметь никаких формальных падежных признаков) + существительное; 2) существительное + отглагольное имя с суффиксами *-ен* и *-еэ*; 3) существительное + глагольная основа; 4) прилагательное + существительное; 5) отглагольное имя + существительное; 6) числительное + существительное; 7) композиты, которые представляют собой именные формы сложных глаголов.

Композиты-прилагательные с сочинительным типом отношений между компонентами образуются путем объединения двух качественных прилагательных, обозначающих цвета и в процессе редупликации, при котором происходят различные фонетические изменения. Компоненты композитов-прилагательных данного типа могут представлять собой повтор одного и того же прилагательного с чередованием превербов *ра-*, *ба-* или же повтор близких по значению прилагательных.

В сфере композитных прилагательных наиболее активно представлена подчинительная связь между компонентами. По своей морфологической структуре выделяются следующие группы: 1) прилагательное (уточнительное) + существительное (опорный компонент); 2) существительное (опорный компонент) + прилагательное (уточнительное); 3) прилагательное (наречие) + причастие (опорный компонент); 4) существительное со значением косвенного падежа, служащее уточняющим словом + причастие (опорный компонент); 5) существительное со значением косвенного падежа, служащее уточняющим словом + прилагательное (опорный компонент).

Как уже было сказано выше, в именных частях речи наиболее продуктивен подчинительный тип отношений. В отличие от именных частей речи, в области композитного образо-

вания наречий наиболее широко представлен сочинительный тип отношений между компонентами. По морфологическим показателям выделяются следующие группы: 1) редупликация существительного, т.е. существительное + существительное (в одних и тех же, или различных падежных формах); 2) редупликация наречия с прибавлением суффикса, т.е. наречие + наречие + суффикс (омонимичный окончанию отложительного падежа); 3) деепричастие + суффикс *-гә* и инфинитив несовершенного вида того же глагола; 4) редупликация прилагательного, т.е. прилагательное + прилагательное (с фонетическими изменениями во втором компоненте композита); 5) местоимение + местоимение (в различных падежных формах); в некоторых случаях происходят фонетические изменения. В композитах-наречиях с подчинительным типом отношений между компонентами выделяются такие словообразовательные модели, как: 1) наречия + послелог; 2) местоимение + послелог; 3) местоимение + наречие; 4) местоимение + числительное; 5) наречие + наречие; 6) наречие + существительное.

Источники и принятые сокращения

1. ИЭ – Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1958; Т. II. Л., 1973; Т. III. Л., 1979; Т. IV. Л., 1989. Указатель. М., 1995.
2. БРОС – Большой русско-осетинский словарь: около 60000 слов и выражений / Учреждение Российской академии наук Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 687 с.
3. ДРС – Дигорско-русский словарь. Русско-дигорский словарь / Ф.М. Таказов. Владикавказ: Алания, 2015. 872 с.
4. ТСОЯ – Толковый словарь осетинского языка: в 4 т. / Н.Я. Габараев; Российская академия наук; Владикавказский научный центр; Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З.Н. Ванеева. 1 т. А-Æ. М.: Наука, 2000. 516 с.; 2 т. Б-Къ. 2010. 488 с.
5. Ир. – иронский диалект осетинского языка.
6. Диг. – дигорский диалект осетинского языка.
7. Озр. – озрекский говор дигорского диалекта.
8. Ст.-диг. – стурдигорский говор дигорского диалекта.
9. Зад.-хан. – задалеск-ханазский говор дигорского диалекта.
10. Уал. – уаллагкомский говор.
11. ТЗ – транскрипционные знаки, используемые для звуков дигорского диалекта осетинского языка.

Транскрипционные знаки, используемые для звуков дигорского диалекта осетинского языка

Транскрипционные знаки	Соответствия в дигорской графике
A, a	А, а
Æ, æ	Æ, æ
B, b	Б, б
C, c	Ц, ц
C', c'	Цъ, цъ
Č, č	Ч, ч
Č', č'	Чъ, чъ
D, d	Д, д
E, e	Е, е
F, f	Ф, ф
G, g	Г, г
Ǧ, ǧ	Гъ, гъ
Ǥ, ǥ	Дж, дж
Ʒ, Ʒ	Дз, дз
I, i	И, и
J, j	Й, й
K, k	К, к
K', k'	Къ, къ
L, l	Л, л
M, m	М, м
N, n	Н, н
O, o	О, о
P, p	П, п
P', p'	Пъ, пъ
Q, q	Хъ, хъ
R, r	Р, р
S, s	С, с
Š, š	С, с

(соответствует русскому [ш])

T, t
T', t'
U, u
V, v
W, w
X, x
Y, y
Z z
Ž ž

Т, т
ТЪ, ТЪ
У, у
В, в
У, у
Х, х
Ы, ы
З, з
З, з

(соответствует русскому [ж])

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. 168 с.
2. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 597 с.
3. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. 335 с.
4. Аванесов Р.И. Вопросы методики наблюдений над говорами // Бюллетень диалектологического сектора института русского языка. 1948. Вып. 4. С. 60-69.
5. Аванесов Р.И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1947. Т. VI. Вып. 3. С. 211-228.
6. Азарх Ю.С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. Москва: Наука, 2000. 178 с.
7. Алборов Б.А. Говор осетин-иронцев Моздокского района // Изв. 2-го Северо-Кавказского пед. ин-та им. Гадиева. Орджоникидзе, 1932. Т. IX. С. 287-291.
8. Алборов Б. Задалеск-Ханазский говор (рукопись) // Архив СОИГСИ. П. 23. Д. 60.
9. Алиева З.М. Композиты-наречия в чамалинском языке // Вестник КИГИ РАН. 2016. №3. С. 113-119.
10. Апажев М.Л. Вопросы влияния русского языка на кабардинский: лексика, семантика, фонетика. Нальчик, 1963. 152 с.
11. Аржанцева Н.В. Сложные слова со вторым компонентом – отглагольным существительным в немецком и английском языках и их соответствия в русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2004.
12. Арискина Т.П. Сложные прилагательные в эрзянском языке // Финно-угорский мир. 2019. №2. С. 126-135.

13. Ахвледиани Г.С. Новые вопросы в связи с изучением озвончения согласного в композите осетинского языка // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1969. Т. XXVIII. Вып. 6. С. 528-530.

14. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004.

15. Ёлборты Б.А. Ирон æвзаджы цыбыр грамматикаæ. Дзæуджыхъæу, 1925 (на осет. яз.).

16. Багаев А.Б. Военное дело осетин XV–XIX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 215 с.

17. Багаев А.Б. К вопросу о традиционном коневодстве у осетин // Современные проблемы науки и образования. 2014. №4. – URL: <http://www.science-education.ru/118-14170> (дата обращения: 05.08.2014).

18. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. В 2-х ч. Ч. 1. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. 487 с.

19. Беляев О.И., Хомченкова О.И. Соединение именных групп в осетинском языке // Рема. Rhema. 2022. №4. С. 32-54.

20. Баранникова Л.И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. 1975. №2. С. 22-31.

21. Баранникова Л.И. Специфика лексико-семантических процессов в говорах территории позднего заселения (к проблеме влияния литературного языка на диалекты) // Диалектная лексика в русских говорах Забайкалья. Улан-Удэ, 1985. С. 3-10.

22. Бекоев Д.Г. Иронский диалект осетинского языка. Цхинвал, 1984. 386 с.

23. Бесолова Е.Б. Об этнокультурной специфике зоонима «верблюд» в осетинском и персидском языках / Е.Б. Бесолова, А. Годрати // Известия СОИГСИ. 2023. №47(86). С. 59-75. – DOI 10.46698/VNC.2023.86.47.009. – EDN WSQZVW.

24. Бесолова Е.Б. Макроконцепт родства и свойства (ту-гхæстагдзинад æмæ хионты амонæг макроконцепт) в осетин-

ском языке // Известия СОИГСИ. Вып. 9 (48). 2013. С. 58-67.

25. Борисова О.Г. Архаизация и неологизация лексики и фразеологии кубанских говоров: статика и динамика системы // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №20 (274). Вып. 67. С. 31-33.

26. Бромлей С.В. Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории русского языка. М.: ИЦ «Азбуковник», 2010. 755 с.

27. Брославская Е.М. Этнокультурные особенности зооморфизмов в русском, украинском и английском языках [Текст] // Вестник МСУ. 2001. Т. 4. №6.

28. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI. С. 31.

29. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск, 2000.

30. Вашунин В.С. Субстантивные сложные слова в немецком языке. М., 1990.

31. Вашунин В.С. Функции определительных сложных существительных в современном немецком языке. Куйбышев, 1982. 284 с.

32. Вересиянова В.В. Зоонимическая номинация в диалектной речи: аспекты и методы изучения в современной ономастике // Севернорусские говоры. 2016. №15. С. 221-232.

33. Габараев Н.Я. Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1977. 175 с.

34. Габараев Н.Я. История становления осетинской лингвистической терминологии. Цхинвал, 2011. 127 с.

35. Габараев Н.Я. Об основных типах сложных слов в современном осетинском языке // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР. 1963. Вып. XII. С. 107-142.

36. Гаврилкина (Уткина) Т.Ю. Деривационный потенциал словообразовательных типов с нулевыми суффиксами (на

материале имен существительных) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №80. С. 40-44.

37. Гаврилкина Т.Ю. Конкуренция нулевых и материально выраженных суффиксов: к проблеме коммуникативного выбора // Альманах современной науки и образования. 2016. №5 (107). С. 29-31.

38. Гацалова Л.Б. Неология в современной лингвистике: Монография / Под ред. докт. филол. наук, проф. Р.С. Аликаева; Сев.-Осет. гос. ун-т. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2005. 365 с.

39. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Инновационные возможности осетинского языка // Фундаментальные исследования. 2012. №11 (часть 3). С. 727-730.

40. Гацалова Л.Б. Неология в современной лингвистике. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2005. 365 с.

41. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. О статусе имен прилагательных в осетинском языке // Современные проблемы науки и образования. 2015. №2-2: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23249>.

42. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. О степенях сравнения качественных имен прилагательных в осетинском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №11-1 (53). С. 64-66.

43. Город Моздок: Исторический очерк / Под ред. Кучиева А.Г. Владикавказ: РИПП им. Гассиева, 1995. 279 с.

44. Грамматика осетинского языка. В 2-х т. / Под ред. Г.В. Ахвледиани. Орджоникидзе: СОГУ, 1969. Т. II. Синтаксис. 227 с.

45. Грамматика осетинского языка. В 2-х т. Т. I. Фонетика и морфология / Под ред. Г.В. Ахвледиани. Орджоникидзе: СОНИИ, 1963. 368 с.

46. Грещенков П.В. Осетинские сложные предикаты в типологической перспективе: общие черты и характерные особенности // Известия СОИГСИ. 22 (61). 2016. С.105-113.

47. Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии,

преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Зарубежная лингвистика. Ч. 2. М.: Прогресс, 1999. С. 160-208.

48. Гуриев Т.А. Влияние русского языка на развитие осетинской лексики. Орджоникидзе: Ир, 1962. 116 с.

49. Гуриев Т.А. Всеволод Миллер и осетинское языкознание // Известия СОИГСИ. 2008. Вып. 2 (41). С. 23-29.

50. Гутиева Э.Т., Сатцаев Э.Б. Осетинская лексема БÆХ / ВÆН в этимологическом освещении // Известия СОИГСИ. Вып. 28 (67). 2018. С. 92-104.

51. Гэн Ю., Плотникова Г.Н. Зоолексика в семантическом аспекте (на примере отзоонимных существительных) // Научный диалог. 2018. №4. С. 65-76. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-4-65-76>

52. Дзахова В.Т. Фонетическая характеристика фонологической системы современного осетинского (иронского) литературного языка. Владикавказ, 2009. 208 с.

53. Дзиццойты Ю.А. Словообразовательные типы осетинской топонимии // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 27 (66). С. 94-110.

54. Дзодзикова З.Б., Кунавин Б.В. Вопрос разграничения существительных и прилагательных в современном осетинском языке в сопоставлении с русским // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2012. №1. С. 287-291.

55. Иванова И.Е. Композитивные конверсивы как деформанты словообразовательного квадрата // Преподавание лингвистических и методических дисциплин: история, теория, практика: науч.-практ. конф., посвящ. 105-летию со дня рождения Марии Мефодьевны Власенко / Отв. ред. С.Н. Карамышева; Вост.-Сиб. гос. акад. образования. Иркутск: Изд-во ВСГАО, 2013. С. 33-36.

56. Иванова И.Е. Полирадикальность как идентификация композита // Преподавание лингвистических и методических дисциплин: история, теория, практика: науч.-практ. конф., по-

свящ. 105-летию со дня рождения Марии Мефодьевны Влащенко / Отв. ред. С.Н. Карамышева; Вост.-Сиб. гос. акад. образования. Иркутск: Изд-во ВСГАО, 2013. С. 30-32.

57. Иванова И.Е. Роль деривационного отражения в решении современных проблем композитологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. №8 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 78-81.

58. Иванова Т.К. Сложное слово как элемент словообразовательной системы русского и немецкого языков // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 6. С. 144-151.

59. Иванова Т.К. Логико-семантические модели сложных слов: русско-немецкие параллели // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2014. Вып. №3. С. 54-60.

60. Иванова Т.К. Функциональные особенности словообразования сложных имен существительных // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15717>

61. Иванова Т.К. Функциональные особенности словообразования сложных имен существительных // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6; URL: <http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=15717> (дата обращения: 17.11.2019).

62. Индоевропейские языки. Иранские языки. Дардские языки. Дравидийские языки // Языки Азии и Африки / Отв. ред. М.С. Андронов. М., 1978. Т. II.

63. Исаев М.И. Дигорский диалект осетинского языка. М.: Наука, 1966. 221 с.

64. Исаев М.И. Смешанное иронско-дигорское наречие жителей Уаллагкома // Известия СОНИИ. Орджоникиде, 1959. Т. 21. Вып. 4.

65. Исаев М.И. Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникиде: Ир, 1974. 138 с.

66. Исаев М.И. Территориально-функциональная харак-

теристика осетинского литературного языка // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АНГССР. 1981. Вып. XXVI. С. 13.

67. Казкенова А.К. Мотивированность заимствованного слова (на материале современного русского языка) // Вопросы языкознания. 2003. №5. С. 72-80.

68. Калашникова А.А. К вопросу о феномене языковой личности в современной антропологической лингвистике // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. №5 (61). С. 240-243.

69. Калнынь Л. Э. О понятии «языковой контакт» в применении к русским диалектам // Исследования по славянской диалектологии 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 7-18.

70. Калнынь Л. Э. Значение трудов Р.И. Аванесова для теории диалектологии // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р.И. Аванесова / Отв. ред. Н.Н. Пшеничнова. М., 2002. С. 47-53.

71. Калоев Б.А. Моздокские осетины (Историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1995. 245 с.

72. Камболов Т.Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ: Ир, 2006. 463 с.

73. Камболов Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, перспективы, современность. Владикавказ, 2002. 287 с.

74. Каринский Н. За историзм в науке и языке // Революция и язык. 1931. №1. С. 33-39.

75. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 105-180.

76. Клобуков Е.В., Гудилова С.В. Языковая специфика непроемных сложных слов (квазикомпозитов) // Язык, со-

знание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 20. 140 с.

77. Козырева Т.З. Достижения осетинского языкознания за годы советской власти // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Т. 28. Орджоникидзе, 1970. С. 289-310.

78. Корытова О.М. Сращение в композитном словообразовании // Вестник ТГУ. 2009. №1. С. 38-41.

79. Косова В.А. Деривационно-семантическая типология словообразовательных категорий // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 5. Т. 155. С. 141-151.

80. Косова В.А. Словообразовательная категория: формирование понятия и основные направления исследования // Ученые записки Казанского университета. 2010. Т. 152. №6. С. 199-212.

81. Кравцов С.М., Голубева А.Ю. Адъективация как вид узуальной конверсии (на материале французского и русского языков) // Гуманитарные и социальные науки. 2017. №1. С. 123-131.

82. Кравцов С.М., Пшеничная А.Ю. Адъективация как способ словообразования в контексте экологии языка // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Материалы V-ой Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 01 ноября – 30 декабря 2015 г.). Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Донское книжное издательство», 2015. С. 149-157.

83. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социалингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

84. Кубрякова Е.С. Словообразование // Общее языкознание (внутренняя структура языка) / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1972. С. 334-393.

85. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 199 с.

86. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

87. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.

88. Лукьянова Н.А. О некоторых тенденциях развития лексики современных русских народных говоров в свете проблемы экспрессивности // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. Новосибирск, 1984. С. 128-145.

89. Маковей Р.Г. Интерпретация сложных слов в науке // Вестник ХНАДУ. 2007. №39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-slozhnyh-slov-v-nauke> (дата обращения: 09.06.2019).

90. Маковей Р.Г. Соотношение сложного слова и словосочетания // Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. 2009. №45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-slozhnogo-slova-i-slovosochetaniya>.

91. Мамонтова В.В. Типологические особенности сложносоставных слов в английском и русском языках // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета: Сборник научных трудов. Гуманитарные науки. Ставрополь, 2008. №6. С. 178-180.

92. Мартине А. Основы общей лингвистики. Серия «Лингвистическое наследие XX века». Изд. 2-е. 2004.

93. Мешков О.Д. Проблемы композитной семантики (на материале субстантивного словосложения английского языка): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1988.

94. Миллер В.Ф. Язык осетин. М., 1962. 189 с.

95. Миллер Вс.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992. 716 с.

96. Минеева З.И. Активные процессы в деривации неоа-

гентов в современном русском языке (1960-2016 гг.): структурно-семантический и прагматический аспекты: Дисс... докт. филол. наук. Петрозаводск, 2017. 572 с.

97. Минеева З.И. Префиксально-суффиксальная деривация новых агентов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. №5-6. С. 338-345.

98. Моргоева Л.Б. Экспрессивность разноуровневых единиц языка / Л.Б. Моргоева; Российская акад. наук, Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исслед. им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания. Владикавказ: СОИГСИ, 2009. 247 с.

99. Моргоева Л.Б., Цаллагова И.Н. К вопросу о статусе препозиционных компонентов слова в аспекте контекстной семантики // Kavkaz-Forum. 2020. Вып. 4 (11). С. 32-47.

100. Моргоева Л.Б. К вопросу о семантической организации устойчивых сочетаний в осетинском языке / Л.Б. Моргоева // Kavkaz-Forum. 2022. №10 (17). С. 44-54. – DOI 10.46698/VNC.2022.17.10.001. – EDN CNIBOX.

101. Моргоева Л.Б. Концептуальная трансформация семантики слова при слитном и раздельном написании / Л.Б. Моргоева // Грузинско-осетинские взаимосвязи – история и современность: Материалы Третьей Международной научной конференции, Тбилиси, 13-15 октября 2017 года. Тбилиси: Научно-исследовательский центр грузинско-осетинских взаимосвязей Тбилисского государственного университета, 2017. С. 61-62.

102. Моргоева Л.Б. Семантико-стилистическое варьирование определительных композитов в осетинском языке / Л.Б. Моргоева // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. В 6-ти частях, Белгород, 30 ноября 2017 года / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Часть I. Белгород: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство перспективных научных исследований», 2017. С. 66-69.

103. Моргунов А.Б. К вопросу о лингвистической классификации зоонимов // Научный вестник Мукачевського державного університету. №20 (15). 2016.

104. Муругова Е.В. Словообразовательный аспект взаимодействия глаголов с другими частями речи // Культура народов Причерноморья. 2006. №82. Т. 2. С. 40-42.

105. Мурясов Р.З. Термины родства в контрастивно-типологическом видении // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. №1. С. 97-108.

106. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. Казань, 1987. 152 с.

107. Овхадов М.Р. Выражение грамматического числа в именах прилагательных // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6; URL: <http://www.science-education.ru/120-16101> (дата обращения: 25.08.2015).

108. Остапчук О.А. Украинско-польские языковые контакты: уровни и способы манифестации // Исследования по славянской диалектологии 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 58-72.

109. Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л.: Наука. Ленинградское отделение. 1985. 299 с.

110. Панков Ф.И. Проблема полифункциональности наречий (на примере лексемы близко) // Язык, сознание, коммуникация. 2004. Вып. 28. С. 114-130.

111. Парсиева Л.К. Когнитивный аспект семантического поля непроезженных междометий // Вестник Тамбовского университета. Серия: «Гуманитарные науки». 2008. №8.

112. Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. Об эмотивных именах прилагательных с оценочной семантикой // Современные проблемы науки и образования. 2015. №2-2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23232>

113. Пеньковский А. Б. К проблеме смешанных и переход-

ных говоров // Ученые записки. Серия «Русский язык». Владимир, 1969. Вып. 2.

114. Попова Т.В. О диалектной ситуации в зоне украинско-белорусского пограничья // Исследования по славянской диалектологии 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 80-117.

115. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М.: Айрис Пресс, 2002. 446 с.

116. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.

117. Рядченко Н.Г. Из наблюдений над русской зоонимией // Русская ономастика. Одесса, 1984.

118. Рядченко Н.Г. Зоонимия как особый класс ономастической лексики // Актуальные вопросы русской ономастики. Киев, 1988. С. 95.

119. Садыкова А.Г. Система субстантивного словосложения в тюркских и германских языках в сравнительно-типологическом аспекте: Дисс. ... докт. филол. наук. Казань, 2002.

120. Сатцаев Э.Б. Проблема выделения именных частей речи в осетинском языке // Вестник Владикавказского научно-го центра. 2017. Т. 17. №4. С. 6-9.

121. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. 656 с.

122. Серебренников Б.А. Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 451-501.

123. Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 273 с.

124. Соснина Л.В. Транспозиция, мутация, модификация как типы словообразовательных значений прилагательных-компонентов // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2016. №1 (89). С. 47-52.

125. Сталтмане В.Э. Зоонимы // Ономастическая лексикография. М., 1989.

126. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. 376 с.

127. Таказов Ф.М. Грамматический очерк осетинского (дигорского) языка. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. 164 с.

128. Теркулов В.И. О методологии исследования анклавного говора // Філологічні трактати. 2009. Т. 1. №2. С. 155-159.

129. Техов В.Н. О структуре сложных военных терминов в осетинском языке // Вопросы осетинского языкознания. Т. 32. Орджоникидзе, 1977. С. 87-99.

130. Техов Ф.Д. Названия растений в осетинском языке. Цхинвали, 1979. 176 с.

131. Тибилова И.Д. Осетинское наречие в системе лексико-грамматических классов слов: Дисс. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2002.

132. Улуханов И.С. Сложное слово // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1997. С. 514.

133. Хацаев М. Озрек и его жители. Владикавказ, 1995. 227 с.

134. Цагаева А.Дз. Некоторые особенности стур-дигоринского говора. Орджоникидзе, 1962. (Отдельный оттиск из «Известий СОНИИ». Т. 23. Вып. 1).

135. Цагаева А.Дз. Некоторые особенности озрекского говора. Орджоникидзе, 1959. (Отдельный оттиск из «Известий СОНИИ». Т. 21. Вып. 4).

136. Цаллагова И.Н. К вопросу о композитном образовании в современном осетинском языке (на основе языкового материала дигорского диалекта) // Известия СОИГСИ. 2019. №32 (71). С. 73-80.

137. Цаллагова И.Н. К проблеме адаптации русских заимствований в современных говорах дигорского варианта осетинского языка // Современные проблемы науки и образования. 2013. №2; URL: <http://www.science-education.ru/108-9091> (дата обращения: 07.05.2013).

138. Цаллагова И. Н. Некоторые особенности говора осетин-дигорцев Моздокского района РСО-Алания // Современные проблемы науки и образования. 2014. №5; URL: <http://www.science-education.ru/119-14713> (дата обращения: 02.10.2014).

139. Цаллагова И. Н. О говорах переходного типа (на осетинском языковом материале) // Известия СОИГСИ. 2015. Вып. 16 (55). С. 77-85.

140. Цаллагова И. Н. Основные тенденции в динамике развития озрекского говора дигорского варианта осетинского языка // Современные проблемы науки и образования. 2012. №3; URL: <http://www.science-education.ru/103-6503> (дата обращения: 28.06.2012).

141. Цаллагова И. Н. (а) К проблеме адаптации русских заимствований в современных говорах дигорского варианта осетинского языка // Современные проблемы науки и образования. 2013. №2. URL: <http://www.science-education.ru/108-9091> (дата обращения: 07.05.2013).

142. Цаллагова И. Н. (б) Устаревшая лексика в говорах дигорского варианта осетинского языка // Современные проблемы науки и образования. 2013. №6. URL: <http://www.scienceeducation.ru/113-10888> (дата обращения: 25.11.2013).

143. Цаллагова И. Н. К вопросу о композитном словообразовании в современном осетинском языке (на основе языкового материала дигорского диалекта) // Известия СОИГСИ. Выпуск 32 (71). 2019. С. 73-81.

144. Цаллагова И. Н. К вопросу о переходных говорах осетинского языка // Современные проблемы науки и образования. 2015. №1. URL: <http://www.science-education.ru/121-19541> (дата обращения: 07.06.2015).

145. Цаллагова И. Н. Об изучении говоров дигорского варианта осетинского языка // Вопросы кавказского языкознания. Вып. 5 / Дагестанский государственный университет. Материалы Всероссийской научной конференции. Махачкала, 2011. С. 127-130.

146. Цаллагова И.Н. Основные тенденции в динамике развития озрекского говора дигорского варианта осетинского языка // Современные проблемы науки и образования. 2012. №3; URL: www.science-education.ru/103-6503 (дата обращения: 13.11.2013).

147. Цаллагова И.Н. Переселенческие говоры дигорского варианта осетинского языка // Известия СОИГСИ. Вып. 17 (56). 2015. С. 89-99.

148. Цаллагова И.Н. Семантическая и денотативная характеристика соматической лексики дигорского варианта осетинского языка // Известия СОИГСИ. 2017. Вып. 24 (63). С. 82-89.

149. Цаллагова И.Н. Устаревшая лексика в говорах дигорского варианта осетинского языка // Современные проблемы науки и образования. 2013. №6; URL: <http://www.science-education.ru/113-10888> (дата обращения: 25.11.2013).

150. Цаллагова И.Н. Функционально-семантическое описание лексического фонда дигорского диалекта осетинского языка / И.Н. Цаллагова. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук», 2022. 194 с.

151. Чочиев Г.В. Осетины на Ближнем Востоке: поселение, адаптация, этносоциальная эволюция (краткий очерк) // Известия СОИГСИ. 2010. Вып. 4 (43). С. 48-66.

152. Чочиев Г.В., Гутиева Э.Т., Сокаева Д.В., Тавасиева Э.И. Еще раз об анатолийских осетинах и актуальности их изучения полевым методом (вместо отчета об экспедиции СОИГСИ в Турцию 2013 г.) // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 11 (50). С. 142-148.

153. Шанский Н.М. Устаревшие слова в лексике современного русского языка // Русский язык в школе. 1954. №3. С. 27-33.

154. Шёгрэн А.М. Осетинская грамматика, с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. СПб., 1844.

155. Яцкевич Л.Г. Грамматические концепты частей речи в функциональном аспекте // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. 2011. Вып. 5. С. 239-246.

156. Plag I. Word-formation in English. Cambridge, 2003.

157. Bauer L., Huddleston R. Lexical word-formation // The Cambridge grammar of the English language. Cambridge, 2002. P. 1621-1723.

158. Contemporary linguistics. An introduction / ed. W. O'Grady, J. Archinald, M. Aronoff, J. ReeseMiller. Boston; N. Y., 2001.

159. Payne J., Huddleston R. Noun and noun phrases // The Cambridge grammar of the English language. Cambridge, 2002. P. 323-523.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЛОВΟΣЛОЖЕНИЯ	6
Композиты как объект изучения в языкознании	6
О формировании словообразовательной системы в осетинском языкознании.....	10
Проблема и критерии идентификации композита	18
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСЕТИНСКИХ КОМПОЗИТОВ.....	27
Семантико-мотивационные и структурные особенности композитов	27
Композитные существительные	41
Композитные прилагательные	54
Композитные наречия.....	64
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОСЕТИНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ.....	73
Междиалектные соответственные явления в осетинском языке	73
О говорах переходного типа	83
О переселенческих говорах дигорского диалекта	96
Говоры дигорского диалекта осетинского языка.....	108
Архаическая лексика в говорах дигорского диалекта.....	130
Адаптация заимствований в говорах дигорского диалекта.....	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	156
ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	157

Научное издание

ЦАЛЛАГОВА ИСКРА НАРТОВНА

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИТОВ
В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ**

(на материале дигорского и иронского диалектов)

Корректор *И.Г. Дзуцева*

Технический редактор *А.Ю. Цопанова*

Компьютерная верстка *А.В. Черная*

Дизайн обложки *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 26.11.2023.

Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Бум. офс. Печать цифровая.

Гарнитура шрифта «Times». Усл. п.л. 10,2.

Тираж 300 экз. Заказ №143.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр Российской академии наук»

362040, РСО–Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.

362002, РСО–Алания, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3

Цаллагова Искра Нартовна – кандидат филологических наук.

В 1997 году окончила факультет осетинской филологии СОГУ им. К.Л. Хетагурова.

В 2010 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Лингвистические особенности осетинской загадки».

В настоящее время – старший научный сотрудник отдела осетинского языкознания СОИГСИ ВЦ РАН, автор более 70 научных публикаций.

Сфера научных интересов – осетинский язык, диалектология, дигорский диалект осетинского языка, лексико-семантическая система, диалектное словообразование.